

Вестник

**Луганской
академии внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко**

Научно-практический журнал

Выпуск № 1 (8)

**Луганск
2020**

Научно-практический журнал* Выходит два раза в год* Основан в 2016 году* Основатель и издатель: Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко* Свидетельство о государственной регистрации МИ-СГР ПИ000066, выданное Министерством информации, печати и массовых коммуникаций Луганской Народной Республики 28 марта 2016 года

1
2020

Редакционная коллегия:

<i>Глазков В.А.</i>	- канд. юрид. наук, доц. (председатель)
<i>Левченко А.И.</i>	- канд. юрид. наук, проф. (главный редактор)
<i>Овчинников В.Н.</i>	- д-р эконом. наук, проф., акад. МАН ВШ
<i>Любашиц В.Я.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Винниченко О.Ю.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Шабуров А.С.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Мордовцев А.Ю.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Винокуров А.Ю.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Груздев В.В.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Малько А.В.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Мамитова Н.В.</i>	- д-р юрид. наук, проф.
<i>Кузьмина Н.В.</i>	- д-р пед. наук, проф.
<i>Гребеньков Г.В.</i>	- д-р философ. наук, проф.
<i>Атоян А.И.</i>	- д-р философ. наук, проф.
<i>Тисунова В.Н.</i>	- д-р эконом. наук, проф.
<i>Джиган Д.</i>	- д-р психол. наук, проф.
<i>Черкасов К.В.</i>	- д-р юрид. наук, доц.
<i>Бабичев Д.А.</i>	- канд. юрид. наук, проф.
<i>Цыганов В.И.</i>	- канд. юрид. наук, доц.
<i>Введенская В.В.</i>	- канд. юрид. наук, с.н.с., доц.
<i>Васильева О.В.</i>	- ответственный секретарь

Рекомендовано в печать ученым советом ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко» (протокол № 8 от 25 июня 2020 года)

Для научных работников и юристов-практиков
Статьи публикуются в авторской редакции

✉ Луганская Народная Республика, Луганск, ул. Пушкина, 1, ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко».

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.02

А.И. Левченков

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В НЕСТАБИЛЬНЫХ СОЦИУМАХ

В статье с учетом проведенного анализа новейших теоретических исследований отечественных и зарубежных научных концепций в области теории государства и права, практики реализации права в государствах переходного типа, представлена и обоснована авторская точка зрения на предназначении основных функций государства и права в нестабильных социумах. Выдвинута гипотеза, что в государствах переходного типа в силу различных причин регулирование общественных отношений осуществляется в основном путем применения права, что часто сопряжено с принуждением, исходящим от государства в отношении своих граждан. В связи с этим предлагается усилить социальную функцию государства и права, наполнить ее необходимым экономическо-финансовым, политическим и правовым содержанием.

Ключевые слова: *преемственность в праве, функции государства и права, социализация, политика, принуждение, власть, демократия, диктатура, симулякр.*

Taking into account the analysis of the latest theoretical studies of domestic and foreign scientific concepts in the field of the theory of state and law, the practice of implementing law in transitional states, the article presents and substantiates the author's point of view on the purpose of the basic functions of the state and law in unstable societies. A hypothesis has been put forward that in transitional states, for various reasons, the regulation of public relations is carried out mainly through the application of law, which is often associated with coercion emanating from the state in relation to its citizens. In this regard, it is proposed to strengthen the social function of the state and law, to fill it with the necessary economic, financial, political and legal content.

Keywords: *continuity in law, functions of the state and law, socialization, politics, coercion, power, democracy, dictatorship, simulacrum.*

В недавно вышедшей монографии «Проблемы правового регулирования общественных отношений в нестабильных социумах» и ряде более ранних статей, наряду с другими вопросами, мы попытались проанализировать возможность преемственности в праве различных исторических эпох. В результате пришли к выводу, что такая преемственность существует по нескольким направлениям. Речь идет о возможной преемственности в: а) общих знаниях о праве; б) непосредственно понятийном аппарате; в) мировоззрении; г) ценностях; д) интересах; е) цели правового воздействия на общественные отношения; ж) первоочередных сферах правового регулирования (собственности и власти); з) методах осуществления правового регулирования общественных отношений; и) принуждении (насилии) в праве; к) доминировании политики над правом; л) правовом нигилизме (два последних пункта особенно характерны для советского общества). Таким образом одной из «сквозной» (присущей всем историческим типам права и государства) будет функция принуждения (насилия), осуществляемая меньшинством общества над его большинством.

Во все времена, особенно в последние два – три столетия основным и бесспорным социальным регулятором общественных отношений было право. Ни моральному, ни религиозному нормативному регулятору не удавалось даже примерно приблизиться к нему по степени, глубине, масштабам и эффективности воздействия на общественные отношения. При этом, среди известных форм реализации права (соблюдение, использование, исполнение, применение), львиная доля как раз приходится на применение – особую форму реальной жизнедеятельности права. Не для кого не является секретом, что в этом случае как раз речь и идет о принуждении в праве, а в отдельных случаях и крайней форме его проявления – насилии.

Как мы знаем, насилие (принуждение) бывает экономическим и внеэкономическим. Право относится к внеэкономической форме принуждения. Право – основная, своеобразная внеэкономическая форма выражения и закрепления экономического, политического и морального насилия над человеком в социально неоднородном обществе. По мнению В. Сырых оно представляет

собой правовую форму экономических отношений производства, распределения, обмена и потребления (марксистская формула права)¹.

К сожалению, аналогичная картина сегодня наблюдается и в международных отношениях.

Доминирование международной политики над международным правом создает предпосылки для использования в международных отношениях диктата, принуждения, насилия как экономического, так и внеэкономического (политического, военного, информационного и т.д.) со стороны одной супердержавы в отношении большинства стран мира. В условиях, когда центр мировой экономики, политики, военной силы находится на территории одного государства – США, то это неизбежно заканчивается попранием всех основ международного права и построением отношений между странами, базирующимися на принципе вассалитета или угрозы применения силы, вооруженной или невооруженной. Сегодня США, как и сто лет назад, действуют по принципу – «кто сильнее, тот прав» и они пошли в этом пагубном для всего мира направлении еще дальше, полностью игнорируя важнейшие международные соглашения, утверждая на деле, что «сильный в праве не нуждается».

Чем более слабое, бедное, экономически зависимое государство, тем проще им управлять, отдавая распоряжения типа того, кто будет главой государства, премьер-министром, министрами и т.п. (как это в 2014 г. делала Виктория Нуланд в Украине).

Понятно, что об использовании метода координации в таком случае говорить не приходится. Международные договора заключаются только между равноправными (равносильными) партнерами. Последние соглашения такого уровня и масштабности подписывались в конце 80-х годов прошлого столетия между США и Советским Союзом (в то время наша страна еще являлась активным субъектом международного права, с которым лучше было договариваться). После исчезновения СССР, везде наблюда-

¹ Сирих В. Методологія інтегративного праворозуміння // Право України. – 2014. – № 1. – С. 114.

ется прямой диктат, исходящий из Вашингтона, и силовое решение всех проблем, возникающих перед США. Об опасности развития международных отношений подобного рода писал еще в начале 60-х годов прошлого столетия профессор Страсбургского университета М. Мускели, утверждая, что они «взрывают существующее равновесие и порождают в наложенном международном порядке источник новой ситуации»¹. И, как мы видим, сегодня сложившаяся ситуация негативная и представляет непосредственную угрозу для всего мира.

Сейчас вроде бы в мировой политике появились такие субъекты, с которыми надо считаться – Китай, Россия. Однако, американцы за последние 30 лет отвыкли это делать и по-прежнему пытаются действовать путем шантажа, угроз, агрессивных войн и т.п.

Таким образом принуждение свойственно как для международного, так и внутригосударственного права.

Степень и форма внешнего выражения насилия исторически менялись, однако сущность оставалась прежняя – с помощью правового принуждения заставить человека действовать определенным образом, или воздержаться от конкретных действий (тоже самое касается и большинства государств, существующих сегодня в мире).

В любом случае чаще всего речь идет о государственно организованном насилии меньшинства общества (экономически и политически доминирующей социальной группы) над его большинством. В революционные периоды истории могло быть и наоборот (как временное, переходное состояние социума). При этом четко наблюдается картина – чем ниже уровень развития общей и правовой культуры, отсутствует опыт функционирования демократических институтов и элементов гражданского общества, тем шире и чаще правящими элитами используются принудительные (императивные) методы управления государством. Также, чем беднее государство, тем выше существует риск применения олигархическими кланами внеэкономических и экономических форм принуждения к своим оппонентам. При этом

¹ Monkhely M. La naissance des tats en droit international public // Revue qrrale de troit international public. – 1962. – № 3. – P. 473.

внеэкономическая форма принуждения считается более рациональной и менее затратной в плане получения необходимого результата правящими элитами. Страх и голод, угроза применения судебных и внесудебных методов подавления личности всегда делали человека более послушным и не способным к сопротивлению.

В свою очередь, в современных высокоразвитых либерально-демократических государствах повсеместно наблюдается факт имитации «давления» через институты гражданского общества большинства на правящее меньшинство с целью проведения в стране демократических реформ. Результативным такое давление будет только в случае наличия дееспособных структур гражданского общества или если такое давление совпадает с программными установками лидера страны или одной из господствующих политических сил. Но в обоих случаях речь идет в первую очередь о способе легализации и легитимизации определенных властных политических решений посредством использования механизма большинства (выборы, референдум и т.п.). Любая власть стремится выдавать интересы правящей олигархии за общие, и что именно она представляет интересы народа или его большинства¹.

Но проблема заключается не только в этом. То, что олигархи пытаются фиксировать в правовых предписаниях свои пожелания, интересы и ценности – это полбеды. Здесь мы наблюдаем явно возникающие противоречия уже между государством и правом. Как известно, основной функцией государства является социальная (для реализации ее и создается государство).

Следуя формальной логике, в социально-ориентированном государстве должно быть и социально ориентированное право как на стадии законотворческого, так и правоприменительного процессов.

Если далее продолжить логическую цепочку, то действующее в стране право должно своими специфическими средствами,

¹ Сіренко В. Декілька зауважень до питання про існування держави // Право України. – 2014. – № 1. – С. 225.

в том числе и путем принуждения (насилия), обеспечить претворения в жизнь социально-ориентированных государственных программ и реформ. Но, если право работает преимущественно на экономически и политически доминирующую часть общества (его меньшинство), то реализация государством своей основной функции – социальной, особенно в бедных государствах практически неосуществима на практике, а будет только ее имитация или, в лучшем случае, только частичная реализация.

Если же реализовать эту функцию на практике, то правовое принуждение (насилие) надо будет применять к олигархам, что на деле, как минимум, затруднительно по известным всем причинам. Как показывает исторический опыт расширения демократии для всего общества не бывает. На практике расширение прав и свобод для одной его части – оборачивается диктатурой (в жестком или завуалированном варианте) для другой. Мы всегда имеем диктатуру меньшинств над большинством и очень редко большинства над меньшинством. При этом, по словам А. Александрова, в постсоветских государствах часто под прикрытием риторики о правах человека (гарантия, защита и т.п.) продолжается правовая политика обеспечения классового преимущества одного социального слоя над другим¹.

То есть, по сути нет и логического противоречия между государством и правом. Государство также, как и право, является инструментом политического и экономического господства немногих над многими. Однако, даже при таком раскладе за «бортом» остается основная его функция – социальная, то, ради чего оно создается и существует. Если ее нет или она слабо реализуется государством по различным причинам (в первую очередь по классовым), то у общества рано или поздно возникает справедливый вопрос – а его ли это государство и нужно ли оно ему в таком виде вообще?

Невыполнение государством своей главной функции неизбежно приведет к негативной оценке со стороны общества госу-

¹ Александров О. Антиметодологічна розвідка про ефективне і справедливе у праві // Право України. – 2014. – № 1. – С. 208

дарственных институтов в целом и делегитимизации государственной власти. Государство, неспособное (не хочет, не может или не может и не хочет) реализовать свое социальное предназначение, теряет свою ценность в глазах общества, а, следовательно, теряет и свою основную социальную базу, что может привести его к стагнации, диктатуре или даже гибели в результате внутренних или внешних, или, что самое опасное, совокупности негативных процессов.

Социальная функция государства должна быть, в первую очередь, наполнена соответствующим экономико-финансовым и политическим содержанием и получив затем свое адекватное юридическое оформление. Без этого право само по себе не сможет обеспечить ее стабильную реализацию, несмотря на кажущееся его всемогущество. Заявить в Конституции о себе как социально-ориентированном государстве это не значит быть таковым на самом деле.

Таким образом в социально-ориентированных демократических государствах принудительная (насильственная) функция права снижается, в резко-социально дифференцированных (олигархических) государствах она возрастает по мере усиления противоречий между различными социальными группами относительно отношений власти и собственности.

Однако, как уже говорилось ранее, в истории любого народа бывают такие переломные моменты, когда он действительно оказывает решающее воздействие на меньшинство общества (Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая французская буржуазная революция и т.д.) и предопределяет дальнейший исторический путь государства.

При этом принуждение большинством меньшинства (якобинский террор, красный террор и т.п.) бывает очень жестким и не всегда справедливым. Так, А. Токвиль считал, что французский республиканский деспотизм, как следствие государственной централизации и тирании большинства мог бы превзойти любую абсолютную монархию Европы в своей нетолерантности. Он подчеркивал, что принятие решений большинством прямо указывает на силовую природу этого общепризнанного демокра-

тического механизма. Во всех ситуациях, где он действует, сохраняется опасность злоупотребления процедурой голосования, превращения ее в способ одобрения (легитимизации) слов политического лидера страны или его властной силы (партия, движение, фронт и т.д.).

К большому сожалению, мы также сегодня видим во многих странах мира негативный симбиоз скрытого или открытого паразитирования на демократических идеалах, ценностях и процедурах. При этом повсеместно наблюдается их широкомасштабная имитация на всех уровнях жизнедеятельности общества и государства (идеология, культура, право и т.д.). Но во всех случаях налицо, с одной стороны – использование методологии захвата и удержании власти, а с другой – информационно-идеологическую и правовую формы ее легализации и легитимизации.

То есть, в конечном итоге всегда речь идет о реализации идеологических установок и ценностей «общества потребления» посредством формирования и использования действующего законодательства преимущественно в интересах лидирующей политической силы. Когда право и закон мешают реализации воли господствующей части населения, тогда мы можем наблюдать их повсеместное нарушение и даже полное игнорирование Конституции и других важнейших нормативных актов страны.

В «обществе потребления», а точнее в его дичайшем проявлении в постсоветских государствах, законодатель и правоприменитель по-прежнему, как и в годы «сталинского террора», и брежневского «развитого социализма», ориентируется на официальную риторику своих вождей – временщиков и на те конкретные цели, которые были перед ними поставлены. По сути, речь по-прежнему идет о политическом санкционировании права.

В нестабильных социумах псевдодемократические правовые ритуалы и процедуры, с одной стороны, являются формой сознательного утаивания истинных намерений и желаний политических элит, а с другой стороны, являются зримым свидетельством наличия внеэкономического принуждения (насилия) меньшинства общества над его большинством, в том числе и путем навязывания обществу определенных правовых предписаний.

Демократия (власть народа) в таких условиях становится диалектической фикцией, ее симулякр. Кроме этого в политических режимах с имитационной демократией всегда присутствует в той или иной форме выражения и степени актуализации государственный террор. Однако, любое насилие стремится к оправданию. Это необходимо для придания ему сакрального смысла – победы «воинов света» над «империей зла» и т.п., или для более прозаичной цели – отомстить «ватникам» и «москалям» якобы за гибель «небесной сотни» и т.п. Кроме этого, политические «элиты» Украины, действуя в этом направлении настойчиво ищут в истории своего государства смысловые ресурсы, как для оправдания «волынської резни» 1943 года, так и для резни, которую устроили по их приказу «добровольческие батальоны» в Донбассе в 2014 – 2015 гг. В Украине террор осуществляется через систему контролируемых националистическими элитами всех государственных институтов – суда, прокуратуры, полиции, армии и т.д. В эти процессы активно включены СМИ, образование, культура, наука и т.п. В случае, когда ситуация в стране выходит из-под контроля правящих классов (верхи не могут, а низы не хотят), олигархическая клика идет на использование специальных силовых методов руководства государством – террористическим акциям, направленных против собственного народа, на судебные и внесудебные расправы и инакомыслящими. Т. Лукман пишет, что это происходит тогда, когда государственные институты полностью отрываются от социальной реальности, которая их породила¹.

Как и в бывшем СССР, в постсоветских «независимых» республиках существует формальное и реальное право. Право писанное и право действующее. И первое, и второе лучше, чем существовавшие в 90-е годы прошлого столетия «неправовые практики» – внеправовой беспредел. Как и в советское время, в современных олигархических республиках степень использования юридического ритуала (законотворческого и правоприменительного процессов) прямо зависит от степени политической целесообразности рассматриваемого вопроса, места, которое занимает

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальная конструкция реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 104.

человек в социальной иерархии и толщины его кошелька. Право в таких условиях это просто текст закона, содержание которого навязывается властью, а правовая политика есть воля правящей элиты, что получает свое закрепление и выражение в законодательстве, а также практике его толкования и применения¹.

В таких условиях право превращается в механизм принуждения (насилия) меньшинства общества над его большинством в отдельные непродолжительные периоды существования государств, может быть и наоборот – большинства над меньшинством (диктатура рабочих и крестьян в отношении помещиков и буржуазии). Потом опять все становится на свои места – право превращается в карающий меч в руках партийно-советской бюрократии (меньшинства общества), при помощи которого осуществляется диктатура над большинством (трудящимися страны).

Возможность имитации права базируется на его насильственной функции, всевластии государства и отсутствии эффективного контроля над ними со стороны институтов гражданского общества, что в свою очередь прямо ведет к анемии общества в целом и к падению общепризнанного в мире стандарта социального поведения человека.

Одновременно с этим происходит навязывание обществу через систему государственных институтов видение и система ценностей, которые используют представители правящих элит с целью утаивания от населения страны их истинных социально-экономических и политических интересов. В законотворческом процессе берут гору утилитаризм и целесообразность в совокупности с текущей конъюнктурой. Право в такой ситуации превращается в очередной симулякр, имитационную форму опосредования экономического, политического, социального действия большинством населения страны. Все это в конечном итоге ведет к тому, что в конце концов несправедливость общественного устройства становится для всех очевидной и возникает кризис власти и права. В резко социально дифференцированных обще-

¹ Александров О. Антиметодологічна розвідка про ефективне і справедливе у праві // Право України. – 2014. – № 1. – С. 205.

ствах право по сути становится весомым аргументом политического террора со стороны правящих элит и манипуляции массами. В неразвитых демократиях для легализации государственного террора часто используется принцип, который к большому сожалению срабатывает, «хуже власти только безвластие». Это означает, что очень часто последствия организованного государственного насилия воспринимаются населением страны как менее тяжелые и разрушительные, чем последствия безвластия, что было характерно для Украины и других постсоветских государств 1991 – 2000 годах и наблюдается сегодня.

В этой связи очень интересной является точка зрения на эту тему Е. Головахи. Он абсолютно прав, утверждая, что в современной философской и политико-правовой мысли социальный прогресс не мыслится без кровавых революций или действия жесткого реформатора¹. Естественно, что любой государственный деятель осуществляет свои функции в рамках культивируемого им политического режима. Исходя из конкретно-исторической обстановки, они делятся на: а) консервативно-агрессивные; б) наступательно-агрессивные; в) популистские; г) пассивно-имитационные; д) условно-демократические.

Кроме этого, на наш взгляд, следует обратить пристальное внимание на моральное измерение, права, политики, культуры в лице их носителей (полицейских, судей, прокуроров, депутатов, мэров, певцов, спортсменов и т.п.). Большинство населения постсоветских государств считает, что политика, справедливость в праве, мораль – вещи несовместимые. Складывается ситуация, что без честности, уважения к человеческому достоинству и справедливости мы пытаемся осуществлять регулирование общественных отношений и сделать его более эффективным. При этом мы постоянно наблюдаем, что к большому сожалению в наше время для аморальных людей нет широких действенных препятствий на их пути к власти, в том числе и правовых. Они в любом законе найдут для себя лазейки или просто грубо его проигнорируют,

¹ Головаха Євген. Легітимація насильства: погляд соціолога // Філософська думка. – 2013. – № 2. – С. 34.

или купят. Здесь налицо не только пренебрежительное отношение к морали, но и к праву, государству, обществу. Очень часто двери во властные кабинеты открываются с помощью коррупционных действий. Коррупционные проявления в постсоветских государствах приобрели массовый характер и уже угрожают национальной безопасности этих государств. Особая опасность исходит от «коррупции высшего уровня», т.е. политической, финансовой, правоохранительной и т.д. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ в число коррупционеров из правоохранительных органов 92% и более составляют работники органов внутренних дел¹. По словам Д. Епишина, чиновничество как опора государства в таких условиях превращается в зыбкий песок, который не может удержать здание². В этой связи сразу же возникает вопрос, а действительно ли так неуязвима и предана «управленческая вертикаль» своему сюзеру. Опыт Ирака, Ливии, Украины говорит об обратном. К сожалению, эта смертельная зараза, поразившая все слои нашего общества в своих истоках, базируется не только на отсутствии действенного политико-правового механизма, предназначенного для борьбы с ней, но и на моральной индифферентности подавляющего большинства населения страны. Потому, что «борьба» с коррупцией становится очередным симулякром, сродни попыткам барона Мюнхаузена вытащить себя из трясины, используя свои волосы.

Сегодня становится очевидным, что ни за годы «независимости», ни за пятилетний срок существования непризнанных республик Донбасса нам еще не удалось построить действенные институты гражданского общества, способные эффективно контролировать властные структуры государства. При этом необходимо четко понимать, что гражданское общество – это не только самоорганизующиеся и организованные государством структуры с непонятными задачами и функциями. Гражданское общество – это часть государства, важнейшая составная государственной

¹ Полякова Е.Е. Антикоррупционная политика современной России // Право и политика: история и современность. – Омск: ОмА МВД России, 2017. – С. 83-84.

² Епишин Д.В., Лобызов А.В. Россия в точке бифуркации // Славяне. – 2019. – № 2 (14). – С. 11.

власти, способная реально влиять на управленческие решения, принимаемые национальными элитами (содержание, направленность действия и т.д.).

В связи с этим мы должны четко понимать, что общественные отношения, подлежащие правовому регулированию в постсоветских государствах, *во-первых*, основаны на имущественном неравенстве. *Во-вторых*, базируются на формальном правовом равенстве участников правоотношений. *В-третьих*, социально не ориентированы. *В-четвертых*, не контролируются в необходимой мере институтами гражданского общества. По словам В. Сиренко, сегодня государство еще не стало выразителем интересов всех слоев населения во многих аспектах общественной жизни и исполняет свою общесоциальную роль на том уровне насколько сильны позиции демократических институтов¹.

Построение народного, демократического, социально-ориентированного государства предполагает длительный и тернистый путь проб и ошибок. Желание пойти «коротким путем» (экономическим, политическим, правовым) обязательно будет сопряжен с использованием насильственного инструментария достижения цели: а) обретение государственной власти и быструю капитализацию своей победы через ряд экономических и политических приобретений; б) удержание власти любой ценой, даже при отсутствии необходимой легитимности и наличии сомнительной легальности. То есть здесь мы видим, что не только право выполняет функцию принуждения, в том числе и в крайней форме его проявления – насилии над гражданами, но здесь мы видим одновременно и факт насилия политики над правом. Сколько это будет продолжаться и возможно ли гармонизировать отношения экономики, политики, права и морали в нестабильных социумах вообще? Ответ на этот вопрос остается открытым. Никто из ученых прошлого и настоящего убедительно на него до сих пор еще не ответил. Но то, что ответ находится, в первую очередь, в области материальных отношений, существующих в конкретном обществе, очевиден.

¹ Сіренко В. Декілька зауважень до питання про існування держави // Право України. – 2014. – № 1. – С. 229.

Социальная демагогия и социальный популизм уже не дают ожидаемых результатов. Затягивание поясов и упорная работы на «общее благо» все меньше находят желающих участвовать в этом процессе, а неверие политическому истеблишменту различной окраски, который периодически приходит к власти, становится повсеместным и стойким социально-экономическим и политическим явлением, и зримым приговором «обществу потребления» в постсоветском исполнении.

Литература

1. Monshely M. La naissance des tats en droit jnternational public // Revue qrrale de troit international public. - 1962. - № 3. - P. 473.
2. Александров О. Антиметодологічна розвідка про ефективне і справедливе у праві // Право України. - 2014. - № 1. - С. 203-211.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальная конструкция реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.
4. Головаха Євген. Легітимація насильства: погляд соціолога // Філософська думка. - 2013. - № 2. - С. 31-35.
5. Епишин Д.В., Лобызов А.В. Россия в точке бифуркации // Славяне. - 2019. - № 2 (14). - С. 10-12.
6. Полякова Е.Е. Антикоррупционная политика современной России // Право и политика: история и современность. - Омск: ОМА МВД России, 2017. - С. 83-84.
7. Сирих В. Методологія інтегративного праворозуміння // Право України. - 2014. - № 1. - С. 113-125.
8. Сіренко В. Декілька зауважень до питання про існування держави // Право України. - 2014. - № 1. - С. 224-231.

УДК 340.1:316.624.2

М.С. Бирюкова

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАРГИНАЛЬНОСТИ

Статья посвящена маргинальности как политико-правовому феномену. Проанализированы различные подходы к раскрытию понятия «маргинальность» в историческом и научном аспекте. Кризисное состояние общества способствует процессу маргинализации всего населения.

Формируется и расширяется «социальное дно» из граждан, которые ведут антисоциальный образ жизни.

Маргинальность выступает благоприятной средой развития преступности. Негативный прогноз преступности для всех стран вызывает справедливые опасения со стороны всего мирового сообщества.

Приведена классификации правомерного поведения по деятельностным критериям, условия правовой маргинальности.

Ключевые слова: *чужак, маргинал, маргинальное поведение, маргинальность, маргинализм, маргиналистика, правовая маргинальность.*

The article is devoted to marginality as a political and legal phenomenon. Various approaches to the disclosure of the concept of "marginality" in the historical and scientific aspects are analyzed. The crisis state of society contributes to the process of marginalization of the entire population. The "social bottom" of citizens who lead an anti-social lifestyle is being formed and expanded.

Marginality is a favorable environment for the development of crime. The negative forecast of crime for all countries raises just concerns on the part of the entire world community.

Classification of lawful behavior by activity criteria, conditions of legal marginality are given.

Keywords: *outsider, marginal, marginal behavior, marginality, marginalism, marginalism, legal marginality.*

Современный мир характеризуется с одной стороны быстрыми темпами жизни, постоянными видоизменениями общественных отношений, расширяющимся и углубляющимся взаимодействием различных социумов, размытостью этнических границ, а с другой стороны деформацией и конфликтностью культур, вызванных необходимостью приспосабливаться к новым условиям проживания как внутри, так и на территории других государств. Однако большое количество лиц не всегда адекватно могут воспринимать такие изменения, поэтому, как следствие, появляются так называемые «лишние люди», не воспринимающие таких изменений. Маргинал какое-то время может принадлежать как к нескольким сообществам, так и ни к одному.

Внутренняя позиция таких лиц проявляется в их поведении. Такое поведение называют маргинальным, оно зачастую противоречит общепринятому. Учитывая значительное распространение

маргинального поведения среди отдельных слоев населения, считаем, что в условиях геополитических трансформаций общетеоретическое исследование маргинальности является необходимым не только в пост советских государствах, но и в современных европейских странах.

Изучение понятия маргинальности как политико-правового явления в период становления государственности является особенно актуальным для Луганской Народной Республики.

Понятие маргинальность исследуется разными отраслями науки: философия, социология, социальная психология, социальная педагогика, философия права, юридические науки.

Проблемами маргинальности занимались такие ученые, как А.И. Атоян, С.П. Баньковская, Н.И. Бухарин, Г. Зиммель, И.М. Максимова, А.В. Нечаева, А.А. Никитин, В.В. Оксамытный, Р. Парк, В.Д. Перевалов, Н.К. Потоцкий, Е.Н. Стариков, Э. Стоунквист, К.А. Феофанов.

Маргинальное становится существенным признаком настоящего и непосредственно угрозы нашего будущего. Его влияние на общественные процессы, жизнь современного человека вероятно выросло в последнее время. Наша задача заключается в том, чтобы обосновать пути изучения и актуализации этой проблемы. Несмотря на то, что научное конституирование маргинальности начинается с прошлого века, научные исследования этого явления встречаются и раньше.

Еще в XIX веке один из основателей европейской концепции коммунизма, немецкий философ Ф. Энгельс, в работе «Крестьянская война в Германии» писал о том, что «в связи с распадом феодализма в обществе... значительно увеличилось количество людей, лишившихся своей профессии и места жительства». Далее он делает короткий, но достаточно полный социологический анализ маргинализированного населения Германии XVI века, отметив, что процесс маргинализации коснулся всех «составляющих старого феодального и цехового общества», а не отдельных его слоев [13 с. 355].

Тему маргинальности мы прослеживаем и у Г. Зиммеля – немецкого философа и социолога конца XIX – начала XX века, одного из основателей «философии жизни». У этого автора маргинальность подана в контексте идеи «чужака» и частично описана

в «Философии денег», а некоторые фрагменты освещены в разделе «Экскурс о чужаке». Категория «чужак» вводится исследователем для определения человека, который оказался в группе с чужими для него нормами и ценностями. Немецкий исследователь отмечал, что персона чужака всегда появляется извне, а потому объективно является удаленной от жизни традиционной группы. С одной стороны, оставаясь отличным – «чужим» для группы, чужак – конфликтная фигура, а с другой – он выступает своеобразным ядром для поиска общей основы в построении компромиссного единства. Чужак никогда полностью не интегрируется в структуру группы, а потому провоцирует определенное противодействие как группе в целом, так и отдельным ее членам. Единственные возможные отклонения случаются в абстрактных несущественных вопросах, которые могут объединить совершенно разных людей. Такая унификация приводит к нивелированию самого феномена «чужака» в условиях качественно новой реальности. С.П. Баньковская, одна из исследовательниц явления маргинальности, отмечает, что учение Г. Зиммеля стало основой функциональной традиции определения маргинала. «Маргинальность» рассматривается как недостаточное участие в общественных процессах, исключение из социальных структур, вытеснение за их границы. Такое определение стало основой для современных негативных интерпретаций маргинальности, как отступление от заданной формы [2, с. 427].

Стоит заметить, что ни один из перечисленных выше исследователей не делал маргинальное специальным предметом своего исследования и тем более не пользовался соответствующим термином.

Термин «маргинал» впервые использовал Р. Парк в своем труде «Человеческая миграция и маргинальный человек» в 1928 г., которым ученый обозначил состояние индивидов, находящихся на границе двух различных, конфликтующих между собой жизненных укладов, образов жизни, культур, рас. В своем исследовании он пришел к выводу, что маргинал, как личность, содержит в себе новый тип социальных, культурных связей [6].

Американский социолог Э. Стоунквист на примере этнических меньшинств Америки в своем монографическом исследова-

нии «маргинальный человек» (1937) осуществил социально-психологический анализ маргинального человека. Положение человека «на грани культур», по его мнению, появляется в результате взаимодействия менее престижной группы и группы-реципиента. Ученый ввел также понятие маргинальной среды, где две культуры пересекаются, и где доминирующая культура комбинирует, объединяет особенности двух культур. В центре этого переплетения – маргинальный человек, осознавший потери своей родной группы и пограничность своего положения. Э. Стоунквист выделяет повышенную чувствительность, расовую принадлежность, двойную неустойчивую идентификацию, болезненное состояние души, комплекс неполноценности и др. Наиболее важной чертой, по его мнению, выступает гибридность как результат адаптации и постепенного формирования личности с новыми качествами. Именно в появлении личности, которая не испытывает противоречия, распределения внутреннего мира вследствие модернизации традиционной культуры, как считает Е. Стоунквист, заключается перспектива переходного состояния маргинальности [11, с. 99-100].

Считаем необходимым уточнить, что задолго до исследователей этой школы видные российские марксисты подобную терминологию использовали часто, а именно для характеристики групп людей, находящихся в пограничном состоянии между другими социальными группами и классами. Так, в своем первом труде, написанном в 1914 году «Политическая экономия рантье», Н.И. Бухарин пишет о маргинализме лиц, живущих за счет доходов, получаемых с капитала, как состоянии буржуа, уже выброшенного из производственного процесса и представляющего собой паразитическую и бесполезную группу внутри своего класса [3].

Российский исследователь Е.Н. Стариков едва ли не впервые в советской гуманитарной науке показал целостную картину маргинализации общества, в частности в период сталинщины. Фактически он причислил к маргиналам все основные группы граждан советской эпохи: рабочих, колхозников, интеллигенцию, проиллюстрировав идею полного деклассирования всего советского общества. Автор пишет: «Нет безработицы, но есть деклассированные представители рабочих, колхозников, интеллигенции, управленческого аппарата» [10, с. 134].

Хотя здесь наблюдается определенное противоречие. С одной стороны, Е.Н. Стариков к маргиналам отнес всех крестьян, интеллигентов и колхозников советской эпохи. С другой стороны, здесь же ученый утверждает, что к деклассированным элементам относятся только некоторые представители этих социальных групп.

Второй чертой отечественной маргиналистики является то, что в ее рамках мы встречаем первые попытки сделать определенные итоги научных разработок этой темы, включая и западные источники. Первой такой попыткой была статья российского исследователя К.А. Феофанова «Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии» (1992). В ней автор не только описал историю возникновения и развития концепций маргинальности за рубежом, но и сделал одну из первых в отечественном гуманитарном знании попыток их классификации [12].

Профессор А.И. Атоян один из отечественных исследователей явления маргинальности, выдвинул идею социальной маргиналистики – междисциплинарного комплексного распада указанного явления. «Будучи явлением многоаспектным и по самому определению пограничным, – пишет он, – маргинальность как предмет гуманитарного исследования выходит за строгие рамки любой дисциплины. Существенный комплекс знаний о маргинальности, который условно можно назвать маргиналистикой, не претендует на статус одной из дисциплин, а может быть результатом междисциплинарных исследований, которые в конце должны преобразовать его в определенный междисциплинарный и культурно-исторический синтез» [1, с. 29].

Начало правового исследования поведения маргинальности положил В.В. Оксамытный в работе «Правомерное поведение личности: (теоретические и методологические проблемы)». Проводя типологию правового поведения на правомерное и неправомерное, автор обосновывает целесообразность классификации правомерного поведения по деятельностным критериям. В связи с этим В.В. Оксамытный выделяет:

- 1) социально активное;
- 2) обычное, конформистское (пассивное);

3) маргинальное [7, с. 134-135].

К сказанному необходимо добавить, что крайней формой проявлений маргинального поведения, как отмечалось в частности В.В. Оксамытным, является агрессивное отношение к нормам права, что проявляется в намеренном противостоянии маргинальных индивидов требованиям правовых предписаний [8, с. 134].

А.В. Нечаева, рассматривая правовые аспекты маргинальности, обращает внимание на уточнение внутренних факторов, обуславливающих маргинальное поведение, и к таким относит: отсутствие уважения к действующему праву и нормативно-правовую неопределенность, основанные на глубокой деформации правосознания маргинальной личности. Нормы права не являются основным ориентиром поведения маргинальной личности, утверждает автор [4, с. 248].

А.А. Никитин отмечает, что такой вид поведения характеризуется пограничным балансированием на грани правомерного и неправомерного, но близок к неправомерному и противоправному поведению [9, с. 173].

И. М. Максимова, исследуя маргинальное поведение в связи с изучением пассивного уровня правосознания, относит его уже к формам преступного (противоправного) поведения, уточняя ориентированность этого вида поведения на цели и интересы, противоречащие обществу. Маргинал, по мнению автора, часто не совершает противоправных действий, потому что осознает их нецелесообразность, руководствуясь личным расчетом или страхом перед наказанием. Что касается маргинального противоправного поведения, то оно, как считает М. Максимова, направлено на удовлетворение личных потребностей, и его основными мотивами являются: корысть, стремление приобрести авторитет в определенной группе, самоутверждение, престижные соображения и т. п. [5, с. 7].

Однако, ни один из вышеперечисленных авторов не рассматривает маргинальность комплексно, как политико-правовое явление и его социально-экономическую и политическую природу, а тем более в условиях современных глобальных трансформаций

Проанализировав явления общественной жизни, можно выделить следующие условия правовой маргинальности: политические условия, экономические условия, социальные условия.

Политические условия правовой маргинальности. Можем констатировать, что сегодня снова реализуется материалистический подход к определению сущности государства и его основных функций. В постсоветских государствах сформировалась экономически и политически доминирующая социальная группа, так называемая «элита», в руках которой сосредоточена вся власть и собственность. Принимая необходимые ей нормативно-правовые акты, представители этого слоя навязывают свою волю, мировоззрение и ценностные установки остальному населению. В этом случае большинство граждан из-за низкого уровня культуры, сознания опыта демократического развития и материального обеспечения фактически отстранены от политического процесса и выступают в роли статистов во время выборов. Отсутствие позитивных изменений в обществе обуславливает негативное отношение населения к политическим институтам.

Экономические условия правовой маргинальности лица. В результате существующей экономической ситуации, сложившейся в бывших республиках СССР, значительная часть трудоспособного населения брошена на произвол судьбы, люди потеряли работу и, как следствие, средства к существованию. На данный период времени государство не в полном объеме создает надлежащие условия для реализации гражданами права на труд, которое закреплено Конституцией. Нарушение норм в области трудоустройства и занятости влекут за собой невозможность легитимными способами реализовать свои права и законные интересы. В результате этого возникает конфликт между потребностями и возможностями членов общества. Высокий уровень инфляции, отсутствие взвешенной экономической политики, а также реформ в экономической и социальной сферах привели к ухудшению материального положения населения этих стран.

Социальные условия правовой маргинальности лица. К сожалению, следует констатировать, что и социальная политика постсоветских государств не может выполнить возложенные на нее функции и оказать реальную помощь неимущим слоям населения. Например, адресная социальная помощь определенным категориям граждан, находящихся в трудных жизненных усло-

виях, не соответствует их потребностям и не способствует улучшению материального положения. Граждане этой категории постоянно находятся в состоянии психологической напряженности и стресса, поскольку в нынешних условиях они не имеют возможности законно улучшить свое материальное положение, а потому вынуждены приспосабливаться к такому положению вещей, меняя в таком случае ценностные нормы. В таких условиях своевременными являются шаги Президента Российской Федерации В.В. Путина, предложившего закрепить в Конституции страны положения о том, что минимальная заработная плата гражданина не должна быть ниже прожиточного минимума.

Таким образом на основании выше изложенного, следует отметить, что маргинальное поведение тесно связано с явлением маргинальности, где первое является внешним выражением второго. Маргинальность человека обусловлена не только внутренним отношением к миру, но, главное, определенными внешними факторами: социальными, экономическими, политическими, правовыми.

Отдельные тезисы представленного исследования были апробированы на III научно-практической конференции «Современное государство как политико-правовой феномен: территория и границы, образование и распад, правосубъектность и признание», состоявшейся 04 марта 2020 года в ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко» (г. Луганск).

Литература

1. Атоян А. И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза / А. И. Атоян // Политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 29–38.
2. Баньковская С. П. Чужаки и границы к понятию социальной маргинальности / С. П. Баньковская // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7). – С. 457–467.
3. Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье. Теория ценностей и прибыли австрийской школы. – М.: Орбита, 1988. – 192 с.
4. Лазарев В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев. – Москва : Юрайт, 2011. – 438 с.

5. Матузова Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузова. – М.: Инфар-М, 2012. – 569 с.

6. Оксамытный В. В., Потоцкий Н. К. Маргинальность как специфический тип правового поведения (опыт межатраслевого подхода) // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-kak-spetsificheskiy-tip-pravovogo-povedeniya-opyt-mezhotraslevogo-podhoda> (дата обращения: 04.02.2020).]

7. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности теоретические и методологические проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Киев, 1990. – 374 с.

8. Перевалов В. Д. Теория государства и права / В. Д. Перевалов. – М. : Высшее образование, 2008. – 496 с.

9. Пиголкин А. С. Теория государства и права / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев. – М. : Юрайт, 2011. – 653 с.

10. Стариков Е. Н. Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» / Е. Н. Стариков // Знамя. – 1989. – № 10. – С. 133–158.

11. Стоунквист Э. В. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта / Э. В. Стоунквист // Современная зарубежная этнопсихология: реферативный сборник. – М. : ИНИОН АН СССР, 1979. – С. 90–112.

12. Феофанов К.А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии: обзор // Реф. журнал: Общественные науки за рубежом. Социология. – 1992. – № 2. – С. 70–83.

13. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии / Ф. Энгельс. – М. : Гос. изд-во политической лит-ры. – 1952. – 455 с.

УДК 34.03

Ю.В. Габриелова

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ОШИБКА»

В научной и учебной литературе существуют различные подходы определения понятия «юридическая ошибка». Безусловно данные подходы отличаются друг от друга осознанием, уровнем глубины, методо-

логией познания и всесторонностью охваченного материала, однако такие исследования освещают отдельные аспекты данной темы и могут быть только основой для определения юридического значения ошибки, позволяющие определить данную категорию как самостоятельное явление в теории права и юридической практике, что и побудило автора посвятить статью проблеме определения общетеоретического понятия «юридическая ошибка».

Для разрешения существующих проблем с определением данного понятия в работе были рассмотрены сложившиеся в теории государства и права и отраслевых дисциплинах различные точки зрения ученых, а также приведены некоторые из дефиниций юридической ошибки, характерной для любой юридической, в том числе правоприменительной и правотворческой деятельности.

Проведенный в статье анализ имеющихся в вышеуказанных источниках определений понятия «юридическая ошибка» позволил определить данную дефиницию и осмыслить ее юридическое значение.

Ключевые слова: *ошибка, юридическая ошибка, правотворческая деятельность, правоприменительная деятельность, заблуждение, добросовестное заблуждение.*

In the scientific and educational literature, there are various approaches to the definition of the concept of “legal error”. Of course, these approaches differ from each other in awareness, level of depth, methodology of knowledge and comprehensiveness of the material covered, however, such studies highlight certain aspects of this topic and can only be the basis for determining the legal significance of errors, allowing to define this category as an independent phenomenon in the theory of law and legal practice that and prompted the author to devote an article to the problem of determining the general theoretical concept of “legal error”.

To solve the existing problems with the definition of this concept, the work examined various points of view of scientists that have developed in the theory of state and law and industry disciplines, as well as some of the definitions of a legal error that are characteristic of any legal, including law enforcement and law-making activity.

The analysis of the definitions of the concept of “legal error” available in the above sources, made it possible to determine this definition and make sense of its legal significance.

Keywords: *mistake, legal error, law-making activity, law enforcement activity, delusion, bona fide delusion.*

Проблема определения общетеоретического понятия «юридическая ошибка» и в настоящее время является одной из актуальных задач юриспруденции. Обусловлено это возможностью допущения ошибки в любой деятельности человека (физической, умственной, духовной, психической), а в частности и юридической, которая влечет за собой наступление последствий. По данному поводу уместно в своей работе Н.Н. Дзюбак отмечает, что «возникновение ненормативных действий обусловлено различными факторами как объективного, так и субъективного характера, в частности, сложностью внутреннего мира человека, определяющим влияние подсознательного на каждое его движение, массивом информации, который необходимо мгновенно обработать и соответственно среагировать на него и т.д.» [1, с. 9]. То есть любая деятельность, как определенный процесс, под влиянием различных факторов может сопровождаться отклонением от его «нормального течения».

«Юридическая ошибка» давно является объектом научного исследования и вызывает интерес ученых различных отраслей. Неоднократно особенностям и природе возникновения различных видов юридических ошибок уделяли внимание такие ученые, как Н.Н. Дзюбак, В.Н. Карташов, М.Л. Голубева, М.Б. Фаткуллина, В.А. Якушин, Ю.А. Тихомиров, В.В. Черников, П.С. Дагель, В.Ф. Кириченко, Б.С. Утевский, А.А. Пионтковский, М. Угрехелидзе, В.М. Баранов, А.С. Лашков, А.В. Лукашева, А.С. Еременко, В.В. Колосовский и др.

Однако в сфере осмысления данного понятия, его сущности и содержания, существует еще ряд нерешенных вопросов требующих дополнительных исследований.

В этой связи, считаем целесообразным, в статье осмыслить юридическое значение категории «юридическая ошибка» и определить ее общетеоретическое понятие.

Для достижения поставленных в работе целей, считаем необходимым рассмотреть и проанализировать сложившиеся в теории права и отраслевых дисциплинах различные точки зрения ученых.

В указанных источниках существует ряд дефиниций «юридической ошибки», характерной для любой юридической, в том

числе правоприменительной и правотворческой деятельности, в связи с чем, считаем необходимым привести некоторые из них.

В теории права понятие «юридическая ошибка» принято делить на правотворческие и правоприменительные ошибки, где в первом варианте – это ошибки, допущенные в процессе правотворчества, а во втором – допущенные в процессе правоприменения. В этой связи интерес вызывает точка зрения Ю.А. Тихомирова, который указывает, что «неизбежным спутником правотворчества и правоприменения являются юридические ошибки – содержательные и технико-юридические. Содержательные ошибки возникают вследствие объективных и субъективных трудностей и противоречий процессов правотворчества и правоприменения как познавательного процесса. Техничко-юридические ошибки связаны с неверными способами составления текстов правовых актов, то есть являются результатом нарушения правотворческой техники» [2, с. 4].

Бытует мнение, что наиболее распространенное понимание данной категории в правоприменительном аспекте связано с нарушением норм материального и (или) процессуального права, непреднамеренном или неосознанном, приводящем к не достижению целей, поставленных государством.

В своей работе акцент делает на признак ошибки – непреднамеренность действий или бездействий и В.Н. Карташов, который в целом понимает ошибку, как «деяние или бездействие, непреднамеренное нарушение норм материального и процессуального права, нарушение нормального хода профессиональной юридической деятельности» [3, с. 47]. Автор указывает на то, что в деянии или бездействии лица отсутствует умысел, то есть лицо нарушает нормы права непреднамеренно.

Вызывает интерес точка зрения М.Л. Голубевой, которая определяет понятие «ошибка» как «результат неправильных действий того или иного субъекта, негативное и вредоносное социально-правовое отклонение в процессе специальной юридической деятельности, сопряженное с заблуждением на всех стадиях юридического процесса, вызывающим соответствующие правовые последствия» [4, с. 30]. Тем самым, как мы считаем, отмечает,

что ошибка – негативный, вредоносный результат может быть совершена субъектом под воздействием каких-то причин на разных этапах течения юридической деятельности.

Ряд ученых связывают ошибку с заблуждением и неверным представлением. М.Б. Фаткуллина рассматривает данную категорию через неверное знание, полученное под влиянием деформированных представлений лица о фактических или юридических обстоятельствах совершаемого им деяния, содеянного [5, с. 24]. Иначе говоря, лицо неверно представляет реальные обстоятельства.

В сфере уголовного права ученые также отождествляют ошибку с заблуждением или неверным, неправильным представлением лица относительно характера и степени общественной опасности совершаемого деяния и его последствий. Так, В.А. Якушин определяет ошибку, как «заблуждение лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление [6, с. 67].

В свою очередь П.С. Дагель, В.Ф. Кириченко, Б.С. Утевский, А.А. Пионтковский, М. Угрехелидзе, сформировали единое понятие юридической ошибки и определили, как «неверное, неправильное представление лица о фактических или юридических признаках, или свойствах совершаемого деяния и его последствий» [6, с. 58].

Приведенные точки зрения позволяют отметить, что понятия «ошибка» и «заблуждение» кроме того, что отождествляются некоторыми учеными, так же и в словарях толкуются как синонимы, но в то же время существуют современные мысли, согласно которым данные категории являются самостоятельными терминами с присущими им индивидуальными функциональными признаками, где «заблуждение», как более широкое понятие, характеризует действие (бездействие) и процесс, а «ошибка» – результат, то есть следствие в результате действия (бездействия) – «конечный результат заблуждения». Таким образом, считаем, что отождествление ошибки только с заблуждением и неверным представлением ведет к сужению понимания данной дефиниции.

Рассматривая типичные определения вышеуказанной категории в правотворческом аспекте, мы можем наблюдать, что в

этой сфере ученые-правоведы пытаются определить ошибку как результат добросовестного заблуждения, где понятие «добросовестное заблуждение» хотя и не имеет законодательного закрепления, однако мыслители подразумевают под ним непреднамеренное, неосознанное, неправильное, неверное (ошибочное толкование) действие (бездействие) субъекта правотворчества, которое приводит к непредполагаемым последствиям.

А.С. Лашков определяет ошибку как «неадекватный (отставание или опережение достигнутого уровня зрелости регулируемых отношений) экономическим, политическим, психологическим, организационным целям, логико-гносеологическим закономерностям правосозидания результат официального обнародования юридической нормы, института права, нарушающий в силу добросовестного заблуждения или виновного противоправного деяния общие принципы либо конкретные правила правообразования, влекущий или способный вызвать негативные социальные и юридические последствия и выступающий основанием для требования от обязанной стороны устранить допущенную ошибку, возместить причиненный вред» [7, с. 11].

По мнению В.М. Баранова данная дефиниция представлена как «официально зарегистрированное, добросовестное заблуждение, результат неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы социалистического правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные юридические последствия» [8, с. 357]. В свою очередь А.В. Лукашева считает ошибку «официально реализованным добросовестным заблуждением, результатом неправильных действий законотворческого органа, нарушающим общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не отвечающим потребностям, уровню развития регулируемой деятельности и влекущим отрицательные последствия в юридической, социальной и иных сферах» [9, с. 58].

Акцентируют свое внимание на связи ошибки с добросовестным заблуждением также ученые, рассматривающие определение ошибок в правоприменительном аспекте.

Таким образом, А.С. Еременко считает, что юридическая ошибка правоприменителя, является «юридически значимым результатом невозможности квалифицировать отношение, т.е. невозможности установить тождество между фактическим составом и юридическим составом квалифицируемого отношения, вызванной только таким добросовестным заблуждением правоприменителя относительно обстоятельств, имеющих юридическое значение, которое непреодолимо в данных конкретных условиях правоприменения при отсутствии вины правоприменителя в действиях либо бездействии по устранению такого заблуждения» [10, с. 25]. В.В. Колосовский раскрывает данную категорию как «негативный результат действий правоприменителя, отраженный в нормативном акте, затрагивающий и (или) нарушающий права и законные интересы лиц, а также интересы общества и государства, заинтересованных в правильности применения правовых норм, основанный на его заблуждении и (или) неведении, который выявлен правоприменителем (правоприменителями), обладающий полномочиями на выявление и устранение ошибок» [11, с. 33].

Учитывая вышеизложенное, целесообразно отметить, что указанные особенности ошибки, определяющие ее юридическое значение не являются исчерпывающими и требуют дальнейшего исследования, однако проведенный в статье анализ общетеоретических понятий *юридической ошибки* и ее основных признаков позволяет нам сделать вывод и определить данную дефиницию как *непреднамеренное, под воздействием заблуждения, допущение субъектом юридической деятельности неправильных действий, бездействий, правомочий, которое приводит к деформированию результатов и нарушению действующего законодательства.*

Литература

1. Дзюбак Н.М. Помилка як об'єкт наукового вивчення [Текст] / Н. М. Дзюбак // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. – 2014. – Вип. 35. – С. 9-11.
2. Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 3-9.

3. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность: вопросы теории и практики. – Ярославль, 1992. – 88 с.

4. Голубева М.Л. Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ: дис. ... канд. юрид. наук / М.Л. Голубева. – Нижний Новгород, 2009. – 250 с.

5. Фаткуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук / М.Б. Фаткуллина. – Екатеринбург, 2001. – 199 с.

6. Якушин В.А. Ошибка и ее влияние на вину и ответственность по советскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук / В.А. Якушин. – Казань, 1985. – 215 с.

7. Лашков А.С. Правотворческие ошибки. Проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – С. 11.

8. Баранов В.М. Истинность норм советского права. – Саратов, 1989. – С. 357.

9. Лукашева А.В. Законотворческие ошибки / А. В. Лукашева // Гражданин и право. – 2000. – № 3. – С. 58.

10. Еременко А.С. О понятии юридической ошибки в правоприменительной деятельности / А. С. Еременко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 110. – С. 25-28.

11. Колосовский В. В. О понятии «ошибка в применении норм права» / В. В. Колосовский // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича. – Минск, 2018. – С. 33-35.

УДК 342.4

Л.Н. Горбатюк

ИСТОКИ «ФЕДЕРАЛИЗМА» В УКРАИНЕ

В статье исследуются особенности и основные тенденции развития идеи федерализма в украинской политико-правовой мысли во второй половине XIX века. Проанализированы концепции украинских правоведов, общественных и политических деятелей, в которых рассматриваются преимущества и недостатки, а также перспективы внедрения федерализма в государственном строительстве Украины.

Особое внимание уделено анализу федералистских воззрений М. Драгоманова. Взгляды М. Драгоманова рассматриваются в контексте политической и интеллектуальной истории того времени. Проанализировать идеи федералитета будущих представителей украинских партий УДП, УРП, а в дальнейшем и УДРП. Показаны принципы, которые легли в основу демократической федеральной перестройки России.

Ключевые слова: *федерализм, децентрализация, форма государственного устройства, украинские партии, федералистские идеи.*

This article explores the features and major trends in the idea of federalism in the Ukrainian political and legal thoughts in the period between the first and second world wars. We analyzed the concept of Ukrainian lawyers, public and political figures, which discusses the advantages and disadvantages as well as the perspective of federalism in state building of Ukraine.

Genesis and development of federalist looks of M. Dragomanova is analysed in the article. Looks of M. Dragomanova were showed in the context of political and intellectual history of this time. In the article there is given an analysis of the development of the federation's ideas, which have been pulled out by the Ukrainian UDP, the URP, and afterwards the UDRP. There have also been shown the principles of democratic-federal restructuring of Russia, considering a federation the matter of the nearest future.

Keywords: *federalism, decentralization, form of government, Ukrainian parties, federalist ideas.*

События, которые происходили в течение 2004 – 2014 гг. во внутриполитической жизни Украины и Донбасса, вызвали острые дискуссии относительно выбора вектора будущего развития страны, а также форм децентрализации публичной власти, которая рассматривается сегодня как действенный механизм решения политических и экономических проблем.

Чаще всего споры возникают вокруг идеи федерализма, сторонники которой предлагают использовать ее как средство демократизации общественно-политической жизни на основе предоставления регионам широкой самостоятельности, в том числе и в решении политических вопросов. Аргументируя целесообразность такой формы децентрализации власти, теоретики современного федерализма, кроме внимания опыта государственной практики зарубежных стран, часто обращаются и к исследованию особенностей развития этой идеи в Российской империи. В этом контексте показательной является позиция современного

сторонника идеи федерализма в Украине В. Медведчука. В одной из статей он отмечает: «... следует почеркнуть, что идеи федерализма, принципиально неправильно навязывать обществу как современное изобретение мнимых «антиукраинских сил». Если это так, то такое «изобретение», нельзя считать современным, поскольку его истоки на отечественной почве существуют с XIX в.» [12, с. 6]. Автор делает вывод: «Наработанные отечественными мыслителями идеи федеративного устройства государства являются теоретической основой для реализации будущей формы государственной организации...» [12, с. 9].

По нашему мнению, следует согласиться с В. Медведчуком так, как федерализм как политическая идеология – явление международное. Как направление государственно-правовой идеологии, оно связано с развитием идей рационализма, просвещения, особенно теории естественного права. Цель о том, что все люди по своей природе равны и свободны, а любое притеснение и неравенство в обществе создано не Богом или природой, а человеком, подталкивала мыслителей к созданию различных моделей организации общества, в том числе к федеративному пути решения данной сложной проблемы [14, с. 72].

В XIX в. в общественном сознании Восточной Европы уже существовала федералистская традиция. Требование федеративного устройства России было представлено еще декабристами, их идеи потом развивали А. Герцен, Н. Чернышевский и Н. Огарев, пытались что-то подобное излагает Н. Костомаров, Т. Шевченко и др. члены Кирилло-Мефодиевского братства, авторы «Русалки Днестровской». Однако, очевидно, самым выдающимся представителем федералистской мысли Украины XIX в. был М. Драгоманов. По мнению Е. Мошак заинтересованность в таких исследованиях начали проявляться уже с середины XIX в.: «Развитую народниками и Драгомановым традицию в нач. XX в. продолжили в юго-западной России М. Грушевский, С. Ефремов, В. Винниченко и др., отождествляя идею федерализма с децентрализацией Российской империи» [5, с. 11].

В противовес руководитель «Южного общества» Павел Пестель в «Конституции» представлялся рьяным централистом. Его

идеалом была унитарная республика, где все народы станут «единым русским народом». Недостаток федеративного устройства государства П. Пестель видит в том, что в федерации местные интересы неизбежно возьмут верх над общегосударственными. Особая форма правления и свои законы в частях федерации приведут к ослаблению связей между ними и к распаду государственной организации. Наряду с провозглашением верности республиканским и демократическим идеалам в документе нашла отражение идеология макиавеллизма, выраженная в схеме: «одна территория – одно государство – один язык – один закон» [14, с. 75].

Последующий анализ истории правовой и политической мысли России позволяет выделить новые направления развития федералистских идей. Первое направление основывалось на представлении о будущем России как национальной федерации. Условно его можно назвать «национальный федерализм». Его сторонниками были, как правило, представители революционной интеллигенции различной политической ориентации, стремившиеся после падения самодержавия создать или федерацию славянских народов, или национально-территориальную федерацию, реализовав право народов на самоопределение в форме политической автономии в пределах Российского государства.

Так, согласно проекту Н. Муравьева, будущая Россия должна была стать федеративным государством. Оно состояло из отдельных федеральных единиц, Муравьев называл их «государствами», со своими законодательными и исполнительными органами власти. Россия делилась на 13 государств, среди них была и Украина со столицей в Харькове и Черноморье со столицей в Киеве. Эти два образования, как и другие, имели право решать проблемы внутренней жизни и управления, за исключением чеканки монет, международных отношений и военных действий [15, с. 55].

Истоки федералистских идей необходимо также искать в программных документах Кирилло-Мефодиевского общества. Именно они оказывали решающее воздействие на идеологию украинского демократического движения второй половины XIX – начала XX в. Идея федерализма всегда присутствовала в украин-

ской политической мысли не только в виде принципа государственного устройства, но в и решении вопросов формирования новых общественных отношений.

Проект «кирилло-мифодиевцев» предполагал возможность принятия субъектами федерации собственных конституций, изменения их правового положения, территории. Федерация основывалась на территориальном принципе, поэтому национальный фактор не учитывался. Один из членов Кирилло-Мефодиевского братства Г. Андрузский под влиянием Н. Гулака разработал «Очерки Конституции Республики», где «особое внимание уделялось вопросам самоуправления и особенностям функционирования общества... Вновь созданное государство должно было объединить семь автономных штатов со своими президентами. Среди них и Украина с Черноморьем, Галицией и Крымом» [15, с. 56].

Первичной единицей федерации должна была стать община, которая решала местные вопросы путем голосования, наказывала за мелкие правонарушения. Общины объединялись в округа, округа в области, области в штаты, причем все они имели четко определенные конституцией полномочия. Субъект федерации – штат – имел законодательную власть в лице сената, исполнительную власть в лице Президента. На уровне федерации предусматривались Законодательные собрания, Государственный совет во главе с Президентом, министерства [11, с. 377]. Политические взгляды Н. Гулака и Г. Андрузского стали первыми жизнеспособными концепциями в истории украинской политико-правовой мысли касательно идей федеративного устройства. На смену им и пришел выдающийся представитель федералистской мысли России XIX века М. Драгоманов, пророческие слова которого вынуждают нас вспоминать политические реалии сегодняшней Европы.

Проблему национальной свободы М. Драгоманов понимал, как часть политической свободы. Последняя, в свою очередь, не мыслилась им без свободы социальной. Все эти аспекты объединяло главное понятие политической философии мыслителя, важнейшее для понимания его общественного идеала, – федерализм. Данная идеологическая формула доказывает влияние на

М. Драгоманова и его единомышленников идей П. Прудона. Во вступительном слове к программному документу «Общества» читаем: «Прудон не зря говорит: «Когда говоришь: воля – говори: федерация, или не говори ничего; когда говоришь республика – говори: федерация, или не говори ничего; говоришь: социализм – говори: федерация, или не говори ничего» [6, с. 131]. Но анархистское учение Прудона Драгоманов воспринимал сквозь призму собственного федералистского идеала «общественного социализма». Принцип федерализма использовался М. Драгомановым при рассмотрении вопросов социального и политического освобождения трудящихся, он распространял на все сферы жизни людей: частную и общественную, политическую и экономическую. Федерализм Драгоманова, действительно кажется более глубоким, чем просто рациональный проект государственного устройства.

По мнению И. Франко влияние на М. Драгоманова С. Подольского и др. не доказано, потому что он был убежденным федералистом еще в Киеве до 1876 г. Более того, уже в первые эмигрантские годы М. Драгоманов активно пропагандировал свои федералистские взгляды среди тех же анархистов. Можно считать, что федералистские взгляды М. Драгоманова сформировались рано, очевидно, еще в 1860-ые гг., однако они не оставались неизменными. Как отмечает известный специалист, по-научному наследовать мыслителя Г. Иванова, демократическая основа федералистской концепции М. Драгоманова всегда оставалась неизменной и являлась краеугольным камнем его мировоззрения. Изменялась только форма его реализации федералистского идеала. Во второй половине 70-х гг. XIX в., в период революционного подъема, он выдвинул программу безначальственного союза обществ как конечной цели демократических изменений. В 1880-ые гг., во времена реакции, М. Драгоманов пришел к более реалистичному взгляду на возможные преобразования в России, разработав программу местной и краевой автономии при условии проведения демократических реформ [8, с. 40].

Драгомановский федерализм 1870-х гг. – это представление о будущем обществе социального равенства, свободной федерации свободных обществ. Именно эта концепция имеется в виду,

когда речь идет о так называемом «общественном социализме». Но уже в это время М. Драгоманов обосновывает положение о федерации славянских народов («державні путы на ногах украинских, растопятся только в свободном союзе всеславянском») [1, с. 152], которая потом должна слиться с другими народами во всемирную федерацию. В программе журнала «Громада», написанной вместе с С. Подолинским и М. Павликом в 1880 г., М. Драгоманов отмечает, что национальные меньшинства (болгары, немцы и др.) также объединенные в сообщества, «должны иметь во всем равные права и свободы с украинцами» [1, с. 154].

Как видим, Драгомановскому федерализму с самого начала были присущи глубокий гуманизм, интернационализм, убеждение в праве всех национальностей и национальных групп на свободное развитие. Все эти черты характеризовали федералистскую концепцию мыслителя и в поздний период его творчества. «Мы не хотим господства одной народности над другой, мы сторонники федерации и убеждены, что каждый народ может развиваться успешно только на основе самостоятельной жизни и полной свободы», – писал он в 1884 г. [4, с. 132].

Как и классические федералисты XVIII – начала XIX в., М. Драгоманов был против политического централизма и бюрократических методов управления. Интересно, что он, в отличие от многих поколений революционеров, не идеализировал республиканский строй как таковой. М. Драгоманов был убежден (и особенно четко выразил это в 80-ые гг.), что к новому обществу приведет не установление революционной власти с сохранением централизма в унитарном государстве, а развитие местного самоуправления, децентрализация. Он боялся, что в России на смену свергнутому самодержавию придет коллективный революционный деспотизм, как это произошло во Франции после революции 1789 – 1791 гг. Неоднократно предостерегал М. Драгоманов и против революционной централизации, особенно в России, где она «тем более опасна для свободы, при неразвитости масс, вероятнее всего можно побаиваться диктатуры полностью реакционной, даже после временного успеха революции прогрессивной» [6, с. 401-402].

Более того, по мнению М. Драгоманова, при государственной централизации вообще не может быть настоящей политической свободы. Обосновывая свои выводы, он указывал, что политические перевороты в Европе конца XVIII – первой половины XIX в. только совершенствовали централизованную бюрократическую машину управления. Seriously о политической свободе можно говорить, считал Драгоманов, только в таких странах, как федеративная Швейцария, Англия с ее системой сословных и корпоративных привилегий, привилегий графств и городов, муниципальная Бельгия, прежняя федеративная республика Голландия и скандинавские государства, страны, где система государственной централизации никогда не имела большой силы [3, с. 63]. Швейцарию М. Драгоманов считал единственным федеративным государством в Европе и образцом федеративного устройства. Он даже популяризировал швейцарскую модель в брошюрах для простого народа [7, с. 37].

В целом современная М. Драгоманову Европа иллюстрировала скорее упадок федерализма, и он это хорошо осознавал. Децентрализация, которую он проповедовал, предусматривала установление местной автономии и самоуправления. М. Драгоманов различал демократическую децентрализацию на принципах самоуправления и деконцентрацию власти (систему наместничеств) [14, с. 85].

В то же время Драгоманов активно искал конкретные пути возможного перехода к федеративному строю в России. Эти поиски привели его к убеждению, что «украинские автономисты сделают умнее, если решительно свяжут судьбу свою с судьбой земств на Украине и во всей России» [3]. Он обратил внимание на передовые земства, которые выступали за конституцию, демократические свободы и местное самоуправление. В земствах, как официальных учреждениях, он видел возможную базу для легальных преобразований российской государственной машины. По мнению М. Драгоманова, 25-летняя история земских учреждений доказала, что лучшие земства (среди которых были черниговское и херсонское) фактически стали на путь децентрализации.

Сегодняшние реалии не позволяют сделать нам аналогичный вывод, но в действительности, в то время наиболее последовательными и горячими сторонниками федерации Украины в составе России были представители как раз западной Украины. И. Франко был одним из основоположников радикального движения на западноукраинских землях, за политическую самостоятельность западноукраинских земель от Австро-Венгрии, а будущее Украины связывал непосредственно с идеей создания Российской Федерации на принципах демократии и равноправия. В такую федерацию все народы должны войти на принципах автономии, которую И. Франко отождествлял с демократической республикой. Как и М. Драгоманов, И. Франко выступал за федерацию славянских народов в составе будущей Российской федерации, ставшей моделью развития федерации государств всего мира.

Политическим лозунгом И. Франко был тезис о том, что каждая нация должна иметь право на создание собственного государства. Процессы будущей федерализации народов России он связывал с автономией, основанной на принципах самоуправления [16, с. 9]. Также идею федерации всех славянских народов в составе России разрабатывал и выдающийся западноукраинский общественно-политический деятель Остап Терлецкий.

Идейно-теоретическое достояние интеллектуальной элиты на рубеже веков было предопределено предыдущим творческим достоянием Драгоманова и интеллектуалов 80-х гг. XIX в. Идею федерализма подхватили представители украинских политических партий и общественных движений Российской империи 1890-х – 1900-х гг. Они объявили своей целью демократическое федеративное преобразование России. Причем, если федерация считалась делом недалекого будущего, то с социализмом было иначе. «Социализм, – писал один из авторов программы УДП Е. Чикаленко, – я считаю путеводной звездой, которая указывает путь, по которому человечество должно идти, но не достигнет его» [16, с. 11].

Литература

1. Громада: Українська збірка, впорядкована Михайлом Драгомановим. №1. Передне слово «Громади». – Женева: Печатня «Громади», 1878-1882. [№ 1]. – 1878. – 101 с. Зміст: Передне слово. – С. 3-101. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://litopys.org.ua/drag/drag11.htm>.

2. Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття: Нариси політичної історії. – К.: Либідь, 1993. – 288 с.

3. Драгоманов М.П. Великорусский интернационал и украинско-польский вопрос [Электронный ресурс]. – Казань: Типограф. Окружного штаба, 1906. – 135 с. – Режим доступа: <http://www.library.univ.kiev.ua/ukr/elcat/dragomanov.php3>.

4. Драгоманов М.П. Вольный союз – Вільна спілка. Опыт украинской политико-социальной программы. Свод и объяснения // Шлях до свободи: (Михайло Драгоманов про права людини) / Т. Андрусак; Фонд сприяння розвитку укр. прав. – Львів, 1998. – С. 121-188.

5. Драгоманов М.П. Конституция и народ. Конституция и народ // Драгоманов М. Политические сочинения / под ред. И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского. – Москва, 1908. – Т. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.univ.kiev.ua/ukr/elcat/dragomanov.php3?2>

6. Драгоманов М.П. «Народная воля» о централизации революционной борьбы в России // Драгоманов М. Политические сочинения / под ред. И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского. – Москва, 1908. – Т. 2. – С. 391-412.

7. Драгоманов М.П. Шістьсот років Швейцарської спілки (1291-1891). – Львів, 1892. – 33 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.pdaa.edu.ua:8080/bitstream/123456789.pdf>.

8. Иванова Р.П. Михайло Драгоманов у суспільно-політичному русі Росії та України (II пол. XIX ст.) / Р.П. Иванова. – Київ: Вид-во Київського Університету, 1971. – 235 с.

9. Кармазіна М.С. Ідея державності в українській політичній думці (кінець XIX – початок ХХ ст.). – К.: Ін-т політ. і етнонац. досл. НАН України, 1998. – 350 с.

10. Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография / Сост. и ист.-биограф. очерк В.А. Замлинского. Примеч. И.А. Бутича. – К.: Изд-во при Киев. Ун-те, 1989. – 739 с.

11. Крестовская Н.Н., Цвиркун А.Ф. История политических и правовых учений. Курс лекций. / Н.Н. Крестовская - Харьков: Одиссей, 2002. - 446 с.

12. Медведчук В. Український вибір: федералізм як концепт і модель суспільно-державного розвитку / В. Медведчук // Публічне право. - 2012. - № 4 (8). - С. 6-13.

13. Реєнт О. П. Україна в імперську добу (XIX - початок XX ст.). - К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. - 340 с.

14. Сокурєнко В.Г. Демократические учения о государстве и праве на Украине во второй половине XIX века [Текст]: М. Драгоманов, С. Подолинский, О. Терлецкий / В.Г. Сокурєнко. - Львов: ЛГУ, 1966. - 265 с.

15. Томенко М.В. Історія української Конституції: навч. посіб. / М.В. Томенко - К.: Освіта, 2009. - 464 с.

16. Чикаленко Є. Спогади (1861-1907). - Ч. III. - Львів: Діло, 1926. - 130 с.

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО,
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО,
ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО,
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
И АРБИТРАЖНОГО ПРАВА**

УДК 347.6

А.В. Бондарчук

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье дана оценка вопросам публично-правового регулирования механизма управления экономическим развитием в Луганской Народной Республике. Обосновано, что государственное регулирование экономическим развитием должно быть направлено на обеспечение благоприятной правовой базы и общественной атмосферы, на определение стратегии развития Республики, индикативное макроэкономическое планирование, стимулирование приоритетных направлений инновационной и инвестиционной деятельности, на стабилизацию экономики и социальную защиту населения, охрану окружающей среды.

Ключевые слова: *права предпринимателей, субъекты хозяйствования, защита прав, конкуренция, экономическое развитие.*

The article assesses the issues of public legal regulation of the mechanism of economic development management in the Luhansk people's Republic. It is proved that the state regulation of economic development should be aimed at providing a favorable legal framework and social atmosphere, to determine the development strategy of the Republic, indicative macroeconomic planning, stimulation of priority areas of innovation and investment activities, to stabilize the economy and social protection of the population, environmental protection.

Keywords: *rights of entrepreneurs, business entities, protection of rights, competition, economic development.*

Постановка проблемы. Согласно оперативным сводкам криминогенной обстановки на территории Луганской Народной Республики совершается большое количество краж, причиной которых являются неустойчивая экономическая ситуация, отсутствие стабильного заработка и рабочих мест.

В этой связи становятся актуальными вопросы формирования рычагов и средств правового регулирования механизма управления экономическим развитием молодой Республики. Одним из таких инструментов, в первую очередь, должны стать конституционные положения «на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» (ст. 27 Конституция ЛНР). Грамотная реализация данного положения даст возможность не только улучшить криминогенную ситуацию в Луганской Народной Республике, но и обеспечить условия для нормальной жизнедеятельности экономики Республики, поддерживать отечественного товаропроизводителя, создать новые рабочие места и пополнить государственный бюджет.

Анализ последних исследований и публикаций. Весомый вклад в теорию и методологию публично-правового регулирования экономических рынков внесли Г. Мартыненко, М. Смоленский. Однако немало проблем, а именно вопросы публично-правового регулирования механизма управления экономическим развитием, остаются вне поля зрения ученых.

Цель. Целью статьи является изучение вопросов публично-правового регулирования экономическим развитием в Луганской Народной Республике.

Изложение основного материала. Большинство юристов и экономистов полагают, что основное предназначение государства состоит в создании запретов и ограничений в экономической деятельности. Однако разнообразие экономических отношений опровергает данное мнение, что подтверждает историческими фактами и экспериментами по созданию социалистического государства.

В первую очередь, государственное регулирование экономическим развитием должно быть направлено на обеспечение бла-

гоприятной правовой базы и общественной атмосферы, на определение стратегии развития Республики, индикативное макроэкономическое планирование, стимулирование приоритетных направлений инновационной и инвестиционной деятельности, на стабилизацию экономики и социальную защиту населения, охрану окружающей среды.

Через установление паритета интересов субъектов экономической жизни и защиту слабой стороны подобных взаимоотношений государство может сформировать социально-ориентированную экономику. При этом свободу в экономической деятельности не следует отождествлять со своеволием и вседозволенностью, а механизм управления государством должен стимулировать развитие экономики для общего блага.

Действующее в Луганской Народной Республике законодательство по регулированию экономических отношений между Республикой и ее субъектами, далеко от совершенства, что объясняется наличием пробелов, создает юридические коллизии и не во всех ситуациях механизм его реализации является адекватным. Однако, развитие Луганской Народной Республики как правового государства подразумевает формирование конкретной системы законов, особенно в экономической сфере, которая установит правила и принципы взаимодействия субъектов хозяйствования в государстве. На финансовой обеспеченности Луганской Народной Республики негативно сказывается несовершенство налогового и бюджетного законодательства, что приводит к сложностям в реализации стоящих перед государством функций и задач. Именно поэтому изучение специфики экономической функции государства на примере действительности, особенностей нормативно-правовых актов, которые регулируют публичные отношения в данной сфере, приобретают важное теоретическое и практическое значение.

Экономическая среда, которая формируется в Луганской Народной Республике, характеризуется достаточным разнообразием. Так, по данным Государственного комитета статистики Луганской Народной Республики на 1 января 2019 г. на территории Республики зарегистрировано 8621 субъект хозяйствования, среди которых 97,7% созданы в форме юридического лица. На 1 ноября

2019 г. на 1000 жителей Луганской Народной Республики приходится 6 субъектов хозяйствования всех видов экономической деятельности. Среди юридических лиц наибольший удельный вес занимают предприятия сферы образования – 18,8%, оптовой и розничной торговли – 14,1%, административного и вспомогательного обслуживания – 11,7%. В тройку лидеров среди субъектов, которые работают без создания юридического лица, входят предприниматели сферы искусства, спорта, развлечения и отдыха – 14,2%, оптовой и розничной торговли – 14,2%, транспорта – 11,7%. Доля субъектов, которые находятся на финансировании республиканского или муниципального бюджетов, составляет 42,7%, что свидетельствует о структурном перекосе в экономической среде [2].

Механизм управления экономическим развитием может варьировать в зависимости от политической и военной ситуации с целью обеспечения экономической безопасности Республики. Роль права в реализации конституционных положений о свободной экономической деятельности становится первоочередной. В настоящее время в Луганской Народной Республике остро ощущается недостаток правового регулирования экономической конкуренции, защиты прав потребителей, правовых основ банкротства, банковской, страховой и других сфер экономической жизни. Бессистемное формирование законодательства в Луганской Народной Республике является результатом отсутствия правовой политики, в т.ч. в сегменте предпринимательства и бизнеса.

Параллельно с конкурентным правом необходимо отрегулировать таможенное, налоговое, уголовное, гражданско-правовое и административное государственное регулирование. При отсутствии данного условия об эффективной работе рыночной среды следует забыть. Залогом стабильного экономического развития, стимулирования производства, широко ассортимента, стабильных цен, развития научно-технического прогресса, обоснованных изменений структуры рынка является конкуренция.

Сегодня антимонопольное законодательство, направленное на поддержание конкуренции и ограничение монополистической деятельности, присутствует более чем в 100 странах мира. Из

этого следует, что в направлении антимонопольного регулирования возможно активное международное сотрудничество, а также является допустимым совершенствование отечественного законодательства при использовании зарубежной правоприменительной практики в данной сфере. Российское антимонопольное законодательство сформировалось относительно недавно, его появление обусловлено переходом России к рыночной экономике, в рамках которой защита конкуренции приобрела особую значимость. За двадцать лет своего существования оно подвергалось многочисленным изменениям.

Но именно анализ эволюции системы антимонопольного законодательства в России позволил доказать, что антимонопольная политика представляет собой не разовые мероприятия, а постоянно действующие и гибко меняющиеся в зависимости от экономической обстановки меры, осуществляемые государством в области регулирования экономики [4].

В настоящее время для формирования субъективной стороны правонарушения при недобросовестной конкуренции необходим большой отрезок времени, связанный с процессом анализа и оценки рынка, правовой оценкой и получением информации о направленности соглашений между субъектами хозяйствования и разработкой антимонопольными органами постановлений по устранению нарушений антимонопольного законодательства. Перечисленные вопросы, несомненно, следует принимать во внимание при разработке соответствующего законодательства, которое направлено на создание эффективного инструмента уголовно-правового влияния.

Одновременно с этим необходимо уделять внимание социальной ответственности бизнеса. Совокупность организационных, правовых и экономических методов государственного регулирования, которые будут мотивировать хозяйствующих субъектов этой сферы, в том числе правовые преференции в лицензировании, льготное кредитование и налогообложение и др., позволять укрепить правовую дисциплину среди всех участников рынка. Все это доказывает межотраслевой характер вопросов, касающихся сферы конкуренции, для разрешения которых необходимы специалисты различных отраслей с использованием системного подхода.

На наш взгляд, устранение проблем по реализации государственной задачи формирования здоровой конкуренции и развитию антимонопольной политики может способствовать созданию «дорожной карты». Действенным государственно-правовой механизм обеспечения и формирования защиты экономической среды, который включает институциональные и правовые элементы, позволит предупредить негативные последствия криминального характера.

Несомненно, в некоторых отраслях законодательства наблюдается эволюция, в таких как инвестиционная деятельность, сфера строительства, АПК, налогообложение и др., вносятся поправки, дополнения к законам и кодексам. Как нам видится, следует сформировать понимание необходимости системного регулирования предпринимательства через создание Совета по кодификации законодательства в сфере экономики с включением в его состав представителей разных отраслей производства и бизнес-сообщества. Это позволило бы с разных сторон посмотреть на проблему формирования экономического законодательства.

Сложная военно-политическая ситуация в Луганской Народной Республике требует быстрой и адекватной реакции законодателя на изменяющиеся условия хозяйствования. Однако многие страны, в т.ч. и Российская Федерация, находятся под влиянием экономических санкций, и подобные кризисные явления уже имели место в истории и будут повторяться в будущем. Именно потому задача законодателя состоит в компиляции исторического опыта и экстраполяции его в экономическую жизнь Луганской Народной Республики.

Одним из действенных инструментов реализации свободы предпринимательской деятельности является защита прав и свобод предпринимателей. В современных условиях отсутствие арбитражных судов тормозит воплощение в реальную жизнь конституционных принципов свободы экономической деятельности. В то же время защита прав и свобод предпринимателей в суде предполагает решение существующих конфликтов, а досудебное урегулирование споров реализуется только через систему жалоб и обращения граждан. Современные нормативно-право-

вые акты могут ущемлять и, тем самым, нарушать задекларированные в ст. 27 Конституции Луганской Народной Республики права граждан на свободную предпринимательскую деятельность. Имеет место нарушение охраняемой Конституцией Луганской Народной Республики право частной собственности субъектов хозяйствования. Одной из важных задач, которая стоит перед государством, является защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Деятельность предпринимателя всегда сопряжена с определенным риском. Причиной этого могут быть как объективные обстоятельства, так и возможность ущемления прав предпринимателя со стороны третьих лиц, органов власти и управления и даже самого государства. Защита прав и интересов предпринимателей является частью правового режима предпринимательства, установленного главным Законом страны – Конституцией. Только установление соответствующих законодательных положений может твердо гарантировать права предпринимателя и способствовать успешному развитию предпринимательской деятельности. Одним из основных источников налоговых поступлений в казну государства являются доходы от предпринимательской деятельности. Этот факт делает предпринимательство жизненно необходимым для самого государства [3].

Несовершенство законодательства, правовая неграмотность предпринимателей, отсутствие арбитражных судов приводит к тому, что некоторые субъекты экономической деятельности даже не понимают, что их права нарушены. Государство, которое закрепило в Конституции право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, обязано гарантировать защиту этих прав и должно располагать набором инструментов для их защиты, включая гарантии, средства, способы и формы защиты, а в случае необходимости совершенствовать имеющийся правовой арсенал.

Выводы. Таким образом, активизация экономической жизни в Луганской Народной Республике, увеличение поступлений в бюджет, обеспечение экономической безопасности Республики возможно через формирование сбалансированных отношений

между органами государственной власти и участниками предпринимательской жизни. В этой связи увеличивается роль правоприменителей, а юридическое образование и правовая наука должны лежать в основе механизма управления экономическим развитием в Луганской Народной Республике.

Литература

1. Конституция Луганской Народной Республики (с изменениями, внесенными законами Луганской Народной Республики от 06.09.2018 № 263-П) [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/>

2. Государственный комитет статистики Луганской Народной Республики. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. Режим доступа: <https://gkslnr.su> // (дата обращения: 19.11.2019).

3. Данилова М. А. Защита прав предпринимателей [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2012. – № 12. – С. 374-376. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/47/5807/> (дата обращения: 17.11.2019).

4. Мартыненко И. Правовая защита конкуренции: учебное пособие. – М.: Юстиц-информ, 2016. – 391 с.

УДК 336.02

С.И. Меженская
Г.И. Волкова

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье проанализировано понятие финансовой безопасности предприятия; рассмотрены различные аспекты и признаки финансовой безопасности, а также показана роль информации и аналитической деятельности в обеспечении финансовой безопасности предприятия.

Ключевые слова: конкурентная среда, безопасность, финансовая безопасность предприятия, аналитическая деятельность, финансовые инструменты, информационное аналитическое обеспечение финансовой безопасности.

The article analyzes the concept of financial security of an enterprise; various aspects and signs of financial security are considered, and the role of information and analytical activity in ensuring the financial security of an enterprise is shown.

Keywords: *competitive environment, security, financial security of the enterprise, analytical activities, financial instruments, information and analytical support for financial security.*

Постоянными спутниками рыночной экономики и конкурентной среды являются финансовая нестабильность, кризисные явления субъектов предпринимательства и банкротство. В этой связи их основной задачей стало предупреждение указанных негативных явлений и обеспечение эффективной деятельности.

Это требует от субъектов предпринимательства необходимости постоянно осуществлять мониторинг финансового состояния, оценивать совокупность различных факторов, что позволяет на ранней стадии выявить признаки кризисного развития, спрогнозировать его масштабы, исследовать основные причины, его обуславливающие, разработать меры по предотвращению кризиса и предупреждению банкротства, осуществлять контроль за реализацией этих мер путем использования различных финансовых инструментов. Такая система оправдывает себя и выступает действенным способом по предотвращению кризиса предприятий, обеспечению их стабильной эффективной деятельности и финансовой безопасности в целом.

Следует отметить, что вопросам обеспечения экономической и финансовой безопасности предприятий посвящены работы целого ряда авторов, в частности Альтмана Е., Барановского О.И., Горячевой К.С., Епифанова А.О., Новосядько Е.В., Казаковой Н.А., Ивановой А.Н. и др.

Высоко оценивая их вклад в решение теоретических и практических аспектов финансовой безопасности субъектов предпринимательства, необходимым остается дальнейшее их развитие. В данной сфере, имеет место целый ряд проблемных вопросов, в частности, в области финансовой диагностики, анализа и прогнозирования кризисных явлений, в выборе финансовых рычагов и методов обеспечения финансовой стабильности и эффективной деятельности.

Цель данной публикации состоит в том, чтобы уточнить сущность финансовой безопасности предприятия и показать

роль и значение аналитической деятельности как одного из важнейших инструментов в системе обеспечения финансовой безопасности.

До недавнего времени внимание специалистов было сосредоточено исключительно на понятии экономической безопасности. В данный момент все больше подчеркивается необходимость обеспечения именно финансовой безопасности как важной составляющей экономической безопасности. Выделение финансовой безопасности в экономической, на наш взгляд, является вполне своевременным и обоснованным шагом.

В современном мире, при постоянно меняющихся жестких конкурентных условиях чрезвычайно актуальными становятся вопросы стабильного бескризисного развития предприятий, что неразрывно связано с обеспечением финансовой независимости и стабильности.

Приоритетным является мнение, что сущность финансовой безопасности предприятия заключается в его способности самостоятельно разрабатывать и проводить финансовую стратегию, в соответствии с целями корпоративной стратегии, в условиях неопределенности и конкурентной среды. То есть финансовая безопасность представляет такое состояние предприятия, которое:

1) позволяет обеспечить финансовое равновесие, стабильность, платежеспособность и ликвидность предприятия в долгосрочном периоде;

2) удовлетворяет потребности предприятия в финансовых ресурсах для устойчивого расширенного воспроизводства предприятия;

3) обеспечивает достаточную финансовую независимость предприятия;

4) способно противостоять существующим и возникающим опасностям и угрозам, стремящимся нанести финансовый ущерб предприятию, или изменить нежелательно структуру капитала, или принудительно ликвидировать предприятие;

5) обеспечивает достаточную гибкость при принятии финансовых решений;

6) защищает финансовые интересы владельцев предприятия [4, с. 101].

В результате обобщения существующих определений, трактующих сущность финансовой безопасности предприятия наиболее широко, можно выделить следующие ее аспекты:

– финансовое состояние, обеспечивающее стабильную защищенность предприятия от идентифицированных внутренних и внешних, потенциальных и реальных угроз;

– финансовое состояние, позволяющее предприятию самостоятельно разрабатывать и реализовать финансовую стратегию в условиях нестабильности и неопределенности внешней среды;

– финансовое состояние, обеспечивающее реализацию системы интересов достаточными (оптимальными) объемами финансовых ресурсов;

– финансовое состояние, характеризуемое эффективным формированием и использованием финансовых ресурсов предприятия, сбалансированностью их движения на всех стадиях кругооборота;

– финансовое состояние предприятия, обеспечивающее его устойчивое развитие (адаптацию к изменениям внешней среды, обновление и совершенствование всей системы предприятия на основе инноваций) [7, с. 128].

В настоящее время все больше представителей, занятых в сфере предпринимательской деятельности стремятся иметь в штате сотрудников специалиста-аналитика, учитывая важность их деятельности в прогнозировании кризисных явлений.

Экономический анализ позволяет выбрать наиболее оптимальный вариант решения экономических задач, выявить резервы повышения эффективности производства за счет более полного использования имеющихся ресурсов.

Функционально-стоимостный анализ, представляющий собой метод выявления резервов, базирующийся на функциях, которые выполняет объект, сориентирован на определение оптимальных методов их реализации на всех стадиях жизненного цикла изделия. Его основное назначение в том, чтобы выявить и предупредить лишние затраты.

Трудно переоценить диагностику и анализ финансового состояния предприятия, осуществляемые на основе изучения баланса.

Крайне важны и другие виды анализа. В совокупности все это позволяет повышать конкурентоспособность предприятия, сохранять его позиции на рынке.

На эффективность организации финансовой безопасности в предприятии, по мнению специалистов, в значительной степени влияет деятельность аналитического отдела и обеспечение его по возможности полной, достоверной и актуальной информацией о состоянии и динамике развития окружающей среды, влияющей на положение предприятия в отрасли. Кроме этого, важное значение имеет мониторинг, анализ и прогнозирование, способствующие в дальнейшем поиску оптимальных путей воздействия на ситуацию в плане предупреждения кризисных явлений и недопущения нанесения ущерба жизненно важным финансовым интересам предприятия.

Для выполнения указанных функций в средних и крупных по размерам предприятиях, как правило, создаются специальные подразделения. Организационная деятельность на предприятии предусматривает создание структуры, в функции которой входит анализ финансовой безопасности предприятия как составляющей экономической безопасности и разработка мер по ее обеспечению на предприятии в целом. И зависит это от особенностей бизнеса и может быть, как собственным подразделением, так и привлеченным на договорной основе.

Деятельность по обеспечению финансовой безопасности включает прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности. Она может входить в компетенцию общей системы внутреннего контроля бизнес-процессов или быть функцией службы внутреннего аудита [2, с. 19].

Согласно «идеальной» рекомендуемой модели, аналитическая служба должна подчиняться собственнику и быть независимой от управляющего (генерального директора) для формирования более достоверной информации. Однако на самом деле в подавляющем большинстве предприятий данная служба подчиняется финансовому директору [5, с. 97].

Информация, которая является результатом информационно-аналитической работы, должна освещать влияние внутренних и внешних факторов на уровень финансовой безопасности

предприятия, а также сам уровень данной категории. Без этих данных невозможна организация постоянного мониторинга за состоянием финансовой безопасности, а также осуществление анализа влияния вышеуказанных факторов на ее уровень.

Основными источниками информации для осуществления мониторинга состояния финансовой безопасности являются данные бухгалтерского, оперативного и статистического учета и отчетности.

Для анализа влияния внешних факторов должны использоваться данные маркетингового учета, статистические данные по стране и по регионам и другие информационные ресурсы, а также данные сети Internet. Качество и полнота информационной базы способствует выявлению слабых сторон в финансовой деятельности и выработке правильных управленческих решений по его надлежащему функционированию.

В интересах предприятия является создание электронной обобщенной базы информационных ресурсов, позволяющей контролировать массивы показателей, характеризующих общее финансовое состояние предприятия, включая и уровень его финансовой безопасности.

Среди основных этапов формирования информационно-аналитического обеспечения финансовой безопасности предприятия можно выделить следующие:

- формулирование целей и задач работы аналитического отдела, с учетом финансовых интересов предприятия;
- выбор системы показателей финансового состояния индикаторов, которые позволяют представить количественную характеристику состояния финансовой безопасности;
- определение факторов, влияющих на уровень финансовой безопасности предприятия;
- поиск информационных источников, необходимых для определения состояния финансовой безопасности предприятия;
- определение качества используемой информации, прежде всего ее достоверности и полноты;
- анализ имеющейся информации с целью выявления степени влияния внешних и внутренних факторов на состояние финансовой безопасности;

- подготовка мероприятий в целях обеспечения необходимого уровня финансовой безопасности.

Из сказанного можно сделать вывод, что финансовую безопасность следует рассматривать как одно из важнейших условий обеспечения эффективности финансовой деятельности предприятия в кратко-, средне- и долгосрочном периоде. Главная цель ее состоит в том, чтобы способствовать обеспечению реализации комплекса задач предприятия и выполнению всех его обязательств.

Способность предприятия своевременно выявлять и противостоять внутренним и внешним, потенциальным и реальным угрозам, используя при этом финансовый инструментарий и комплекс мероприятий диагностического и профилактического характера – определяет уровень финансовой безопасности.

Таким образом, созданная в предприятии информационно-аналитическая система, используемая как инструмент обеспечения финансовой безопасности, служит для объективной и оперативной оценки ее уровня и позволяет эффективно прогнозировать появление возможных внешних и внутренних угроз, не давая им перейти в состояние кризисных.

Формирование системы информационно-аналитического обеспечения финансовой безопасности предприятия является действенным инструментом адаптации его к изменяющимся условиям внешней среды.

Литература

1. Бланк И.А. Управление финансовой безопасностью предприятия. – К.: Ника-Центр, Эльга, 2006. – 776 с.
2. Горячева К.С. Информационно-аналитическое обеспечение финансовой безопасности предприятия // Актуальные проблемы экономики. – 2003. – № 9. – С. 16-21.
3. Горячева К.С. Финансовая безопасность предприятия. Сущность и место в системе экономической безопасности // Экономист. – 2003. – № 8. – С. 65-67.
4. Гукова А.В., Аникина И.Д. Роль финансовой безопасности предприятия в системе по экономической безопасности // Образование и общество. – 2006. – № 3. – С. 98-102.

5. Казакова Н.А. Иванова А.Н. Финансовая безопасность компании: аналитический аспект // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – № 10. – С. 93-105.

6. Новосядько Е. В. Система управления финансовой безопасностью фирмы // Свое дело и карьера. – 2006. – № 14. – 28 мая. – С. 14-16.

7. Рогатенюк Э.В. Морфологический анализ сущности понятия «Финансовая безопасность предприятия» // Проблемы материальной культуры. – 2016. – № 7. – С. 126-129.

УДК 347.451.03

Е.С. Жидкова
Е.Е. Шовкопляс

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Особое место в обширнейшем массиве гражданско-правовых норм занимает институт защиты прав потребителей в договорных отношениях, это объясняется значимостью рассматриваемого возмездного договора для широко круга граждан-потребителей, продавцов (изготовителей, исполнителей), государства и общества в целом. В статье анализируется правовое регулирование правоотношений в данной сфере, а также определяются пути решения проблем реализации права на защиту потребителя от недобросовестных действий контрагента, который может навязать выгодные для себя условия. Для осуществления поставленной задачи на основании законодательного определения, сравнительного анализа различных точек зрения ученых потребительский договор определен в качестве публичного договора, закрепленного в ГК ЛНР, и одного из вида гражданско-правовых договоров. Помимо этого, рассмотрена правовая природа потребительского договора, выражающаяся в особом субъектном составе, форме выражения воли субъектов гражданского права, процедуре заключения и элементах, составляющих структуру договорной конструкции. От правильного понимания данных особенностей напрямую зависит процесс совершенствования договорного механизма.

Ключевые слова: *потребитель, потребительский договор, контрагент, хозяйствующий субъект, товар (услуга, работа).*

The institution of consumer protection in contractual relations occupies a special place in the vast array of civil law norms, this is explained by the

significance of the onerous contract under consideration for a wide range of consumer citizens, sellers (manufacturers, performers), the state and society as a whole. The article analyzes the legal regulation of legal relations in this area, as well as identifies ways to solve the problems of exercising the right to protect the consumer from unfair actions of the counterparty, which can impose favorable conditions on itself. In order to carry out the task on the basis of a legislative definition, a comparative analysis of various points of view of scientists, a consumer contract is defined as a public contract enshrined in the LC of the LPR and one of the types of civil contracts. In addition, the legal nature of the consumer contract is examined, expressed in a special subjective composition, a special form of expression of the will of civil law subjects, the conclusion procedure and the elements that make up the structure of the contract design. The process of improving the contractual mechanism directly depends on a correct understanding of these features.

Keywords: *consumer, consumer agreement, counterparty, business entity, product (service, work).*

Институт защиты прав потребителей предполагает соблюдение одного из главных принципов гражданско-правовых отношений – добросовестности, содержащейся в п. 1 ст. 10 ГК ЛНР [1]. Сообразно с этим, основная цель исследования заключается в изучении одного из главных направлений государственной потребительской политики – механизма реализации прав на защиту потребителей от недобросовестных действий другой стороны потребительского договора.

Представляется целесообразным начать с определения потребительского договора в качестве публичного, характеристика которого раскрывается в ст. 529 ГК ЛНР, и согласно некоторым доктринальным представлениям одного из видов гражданско-правового договора [1]. Чтобы понять сущность договора в сфере обслуживания проведем подробный анализ его субъектного состава, перечислим возможные формы данного соглашения, рассмотрим элементы, составляющие его структуру, разберем цену и цель заключения договора контрагентами, а также способы обеспечения исполнения обязательств, установленных заключивших сделку лицами.

Во-первых, предпочитаем говорить, что субъектный состав потребительского договора будут составлять – лицо, осуществля-

ющее предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность (контрагент потребителя), и лицо, не обладающее специальными познаниями в области свойств и характеристик товаров (потребитель). Похожее определение дано в ст. 529 ГК ЛНР, в которой дополнительно установлено требование к субъекту предпринимательской деятельности осуществлять свою деятельность в отношении каждого, кто к нему обратиться. Хотя данное положение является исключением из принципа свободы договора (ст. 523 ГК ЛНР), оно доказывает тот факт, что в рыночных отношениях не допускается какой-либо вид дискриминации, если для этого не существует веских причин, закрепленных на законодательном уровне. Что касается гражданина-потребителя, то В.И. Образцова рассматривает в качестве потребителя лиц, которые только изъявляют намерение заказать или приобрести товары (работы, услуги), и лиц, которые используют перечисленные объекты гражданского оборота [2, с. 49]. В частности, на стадии намерения потребитель формирует свой имущественный интерес, который позже превращается в поиск контрагента. А использовать объекты гражданских правоотношений можно по-разному: готовить на новой кухонной плите или являться зрителем в кинотеатре по купленному билету. Оба состояния потребителя имеют прочную связь с хозяйственным субъектом, который продает не изъятые из оборота товары, выполняет работы либо оказывает услуги. Также Г.Р. Игбаева утверждает, что потребителем может стать третье лицо, в пользу которого были совершены определенные действия, такие как заключение договора страхования или договора возмездного оказания туристических услуг [3, с. 196]. Данное обстоятельство будет считаться действительным, если третье лицо реально использовало предоставленное другим лицом право.

Во-вторых, форма выражения воли сторон потребительского договора подразделяется на словесную (устную или письменную), электронную и конклюдентную.

Самыми распространенными являются сделки, совершенные на словах, поскольку с ними в повседневной жизни сталкивался каждый.

Большой интерес для современных потребителей представляет электронная форма заключения сделки. Исходя из тенденции, в последнее время распространена онлайн форма, сущность которой состоит в электронной коммерции социальных сетей, например, Facebook. Переговоры по поводу условий договора между продавцом (изготовителем, исполнителем) и потребителем возможны благодаря электронной почте, поэтому данная форма выражения воли вполне жизнеспособна и доступна неограниченному количеству пользователей Мировой сети.

Конклюдентная сделка заключается вследствие поведения лица, намеривающегося вступить в имущественные отношения с хозяйствующим субъектом. Речь идет о молчаливых контрактах, при которых отсутствуют действия и слова. Демонстрирует данный вид договоров оплата товара с помощью кассы-самообслуживания или через автомат. Подобные обязывающие потребительские договоры обладают формами выражения воли, которые присущи всем видам гражданско-правовых договоров, что позволяет говорить об их взаимосвязи.

В-третьих, общей каузой (целью) клиента должно быть удовлетворение потребительских нужд (бытовых и (или) личных), а не предпринимательская и иная профессиональная, социально-значимая деятельность. То есть товары, услуги, работы не должны являться средством производства, а социально-экономические цели могут заключаться, например, в медицинских услугах или приобретении товаров первой необходимости. Данные цели не являются исчерпывающими, в тоже время они должны подходить по указанным критериям.

Независимо от организационно-правовой формы организаций и индивидуальных предпринимателей главная цель – извлечение прибыли, что соответствует характеру их деятельности. Нарушение данных требований создает вероятность признания потребительского договора недействительным. Впрочем, список нарушений в данной сфере не исчерпывается только целью заключения договора. Обратимся к регулируемому нормативно-правовыми актами порядку ценообразования, нарушение которого запрещается любыми субъектами гражданского права. Прежде всего, цена должна быть указана, то есть должны присутствовать

ярлыки цен (ценники) на образцах товара. Добавим, что даже при разносной торговле представитель продавца должен иметь при себе прейскурант, заверенный подписью лица, ответственного за оформление. В случае нарушения данных правил можно подать жалобу в административные органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения потребителей (ассоциации, союзы). Помимо этого, цена должна быть одинакова для всех потребителей. Исключение составляют отдельные категории граждан, которым по закону положены потребительские льготы. Классический пример содержится в постановлении Правительства ЛНР от 08 июня 2018 года № 326/18 «Об утверждении Временного порядка предоставления права льготного проезда в пассажирском транспорте общего пользования (кроме такси) отдельным категориям граждан, проживающих на территории Луганской Народной Республики», в соответствии с которым льготы предоставляются по договору перевозки транспортом общего пользования участникам боевых действий в размере 100% скидки [4]. В довершении к данной мере контроля разумного уровня стоимости товаров (услуг, работ) государство регулирует цены на отдельные виды товаров, торговых надбавок (наценок) к ценам на них. Такие случаи установлены, например, в постановлении Правительства ЛНР от 26 апреля 2016 года № 207 «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств для медицинского применения в Луганской Народной Республике и предельных (максимальных) надбавок к оптово-отпускной цене производителя (таможенной стоимости) на данные лекарственные средства» [5].

Как было показано, в договоре с участием потребителя не допустима ценовая дискриминация, также, как и снижение цены до уровня, который при условиях надбавки не превысит минимальную цену конкурентов. Иначе говоря, данные незаконные действия приведут к монопольному положению хозяйственного субъекта в рамках торговой сети, что нарушит принцип добросовестной конкуренции и повлечет за собой применение императивно установленного порядка защиты потребителей в случае посягательств на их права.

Прежде чем перейти к практическим вопросам защиты прав потребителей рассмотрим элементы, входящие в структуру потребительского договора, и его срочность. В частности, в договорную конструкцию согласно п. 2 ст. 541 ГК ЛНР входят – предложение заключить договор (публичная оферта) и согласие на него контрагентом (акцепт) [1].

Предложение заключить договор выражается в направлении оферты неограниченному количеству лиц. Предложение содержит существенные условия сделки, выражающие намерение и волю сторон договора с участием потребителя. Данный договор в сфере обслуживания должен быть составлен в соответствующей форме. Особое внимание стоит уделить рекламе и иным предложениям, которые в своей совокупности являются приглашением делать оферты (п. 1 ст. 547 ГК ЛНР) [1]. Однако Н.А. Внуков полагает, что офертой может являться также реклама и иные предложения, в которых сообщают о предмете (например, телевизоре, кухонной утвари) и цене. В таком случае рекламодатели указывают, что цены действительны на момент публикации [6, с. 110].

Как явствует из предшествующего положения, оферта требует обязательного ответа (акцепта) лица, которому она адресована. Согласие можно выразить такими способами как пробитие товара через кассу, отправление подтверждение по электронной почте и т.д. Следует заметить, что, принимая предложение, сторонам договора запрещается изменять, дополнять основные пункты. В противном случае такой ответ, содержащий иные условия, чем предложенные в оферте, необходимо рассматривать как акцепт на иных условиях, который, по сути, не является акцептом и признается новой офертой (ст. 553 ГК ЛНР) [1]. В частности, не допускается изменение срока действия и срока существования договора, которые играют значительную роль при согласовании условий данной сделки. Существенно то, что в потребительских договорах содержатся одновременно два срока: срок действия и срок существования договора. Основное различие между указанными сроками обусловлено тем, что продолжительность первого срока закрепляется в законе или соглашении сторон, длительность же срока существования потребительского обязательства

зависит от целого ряда обстоятельств: наличия сроков, предусмотренных потребительским законодательством, наличия гарантийного обязательства, возможности причинения вреда вследствие недостатков товаров, работ, услуг и т.п.

Впоследствии прохождения всех особенностей процедуры заключения обязывающего договора продавец (изготовитель, исполнитель) и гражданин-потребитель обмениваются чем-то ценным (например, за денежное вознаграждение покупатель получает новый гарнитур) или на этих лиц возлагаются взаимные права и обязанности, которые должны соблюдаться с момента вступления соглашения и не нарушаться в дальнейшем. Сообразно с этим существует целый ряд мер государственной и общественной защиты прав потребителей, которые направлены на реализацию права на защиту от недобросовестных действий одной из сторон потребительского договора. Прежде всего, контрагент, нарушивший условия договора несет ответственность в порядке, установленном законом. Потребители, в частности, руководствуясь гражданскими, гражданско-процессуальными, административными и нормами других отраслей права, могут обратиться в административные органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения потребителей (ассоциации, союзы). Наряду с этим, потребитель может инициировать административное производство в отношении продавца (глава 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности» Кодекса ЛНР об административных правонарушениях: ст.ст. 14.1-14.8, 14.10, 14.15, 14.16, 14.18) [7]. Между тем, руководствуясь судебной практикой, ответственность изготовителей, продавцов, исполнителей за нарушение прав потребителей в отдельных случаях не наступает. Например, в споре о качестве проданного товара продавец доказывает суду то обстоятельство, что недостатки либо отсутствуют, либо возникли не по его вине. Если потребитель не сможет доказать обратное, то требования к продавцу, такие как замена товара, возвращение стоимости товара и так далее, не будут удовлетворены. Разумеется, согласно п. 1 ст. 8 Законом Украины «О защите прав потребителей» товар ненадлежащего качества можно вернуть (обменять) соответствующему субъекту (лицу),

которому предъявляются требования. Далее по тексту данного закона закрепляется, что при выявлении недостатков, не оговоренных продавцом, потребитель вправе требовать «пропорционального уменьшения цены; безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок; возмещения расходов на устранение недостатков товара» [8]. Тем не менее, в досудебном порядке доказать свою правоту и применить прописанные в законе меры воздействия во многих случаях затруднительно.

В связи с этим, причиной неоднозначности действия мер государственной и общественной защиты является ряд подводных камней, которые должен предвидеть потребитель, прежде чем давать согласие и подписывать гражданско-правовой договор купли-продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Среди них выделяют сложности при составлении обращения в уполномоченный орган, рассматривающий их в установленном порядке. Если потребитель изъявил желание написать письменное заявление, то он должен знать, хотя бы территориальное расположение торгового объекта, причину конфликта, приложить к составленному заявлению квитанции, кассовый, товарный чек и иные документы, подтверждающие: приобретение товара (услуги) ненадлежащего качества в данной точке продаж (оказания услуг), а также стоимость данного приобретения. Даже если перечисленные доказательства были выброшены или потеряны можно обратиться в магазин с письменным требованием и получить дубликат документа. Все сказанное является целесообразным требованием, поэтому при заключении простой письменной формы составляется единый документ, подписанный обеими сторонами, например, квитанция, подписанная потребителем и исполнителем.

Если юридическая процедура заключения сделок требует государственной регистрации, тогда только в момент ее совершения договор вступит в законную силу (ст. 213 ГК ЛНР). В Российской Федерации приняты отдельные нормативно-правовые акты, предусматривающие момент вступления договора в силу. Так, в соответствии п. 3 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении

изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» это правило обязательной государственной регистрации применяется к договору участия в долевом строительстве [9].

После заключения договора потребитель имеет право потребовать:

- кассовый, товарный чек, квитанцию, свидетельство или иной документ, подписанный лицом, уполномоченным на заключение потребительского договора;

- номерной жетон (номер), иной знак, если такая форма заключения потребительского договора предусмотрена законом или иным правовым актом, либо обычна (ст. 5 ГК ЛНР) для данного вида потребительского договора.

Проблема возникает в случае, если у торгового объекта отсутствует кассовый аппарат, к сожалению, это распространенная практика в киосках на рынке. В связи с этим, начальник отдела защиты прав потребителей управления по вопросам торговли и сферы услуг АГЛ ЛНР Татьяна Чистякова отмечает: «Покупатель вправе потребовать так называемый «мягкий чек», удостоверяющий факт покупки, в котором указываются наименование субъекта хозяйствования и рынка, ряд и номер торгового места, наименование товара, цена товара, дата продажи, фамилия, инициалы продавца и его подпись. То, что продавец отказывается предоставлять чек, должно насторожить. Для решения этого вопроса нужно сразу обращаться в администрации рынков» [10]. Полагаем, что данное решение проблемы является эффективным и от себя добавим, как аргумент при решении конфликта можно использовать свидетельские показания, однако это может быть энергозатратно и малоэффективно. Кроме того, чтобы не возникало ненужных споров, покупатели имеют право требовать предоставление документов, подтверждающих качество и безопасность приобретаемых товаров. В тоже время, если при составлении письменного заявления в уполномоченный государственный орган не возникло серьезных проблем, то в течение 30 дней обратившемуся лицу будет предоставлено официальное заключение, основания для которого были подтверждены соответствующими службами и ведомствами: городской санстанции, МВД Республики, ГКНС ЛНР и другими. После при выявлении

нарушений законодательства, субъект хозяйствования должен будет произвести обмен товара или возврат его стоимости.

Необходимо упомянуть также – можно позвонить на горячую линию, где будет достаточно указать место расположения торговой точки, дату и суть возникшей проблемы; консультации в отделах защиты прав потребителей, а также комплекс мер самозащиты.

Все перечисленные меры по-своему действенны и требуют отдельного исследования.

В заключение отметим, что особенности потребительских договоров раскрываются, во-первых, в особом субъектном составе; во-вторых, в универсальной форме выражения воли субъектов потребительских правоотношений; в-третьих, в охраняемом законом процессе ценообразования и социально-экономической цели сделки в части предназначения объекта исключительно для бытовых и (или) личных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской и иной профессиональной, социально-значимой деятельности; а также в процедуре заключения и способах исполнения обязательств.

Литература

1. Гражданский кодекс Луганской Народной Республики № 265-III от 10 октября 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://glavalnr.info/sites/default/files/documents/pdf/kodeks-grazhdanskiy-kodeks-luganskoj-narodnoj-respubliki_3.pdf (дата обращения: 30.03.2020).

2. Образцова В.И. Понятие и признаки потребительского договора / В.И. Образцова // Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки. – 2016. – № 7. – С. 48-52.

3. Игбаева Г.Р. Обязательное страхование как способ защиты прав и интересов страхователей и третьих лиц / Г.Р. Игбаева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 194-201.

4. Временный порядок предоставления права льготного проезда в пассажирском транспорте общего пользования (кроме такси) отдельным категориям граждан, проживающих на территории Луганской Народной : утв. постановлением Совета Министров ЛНР от

08 июня 2018 г. № 326/18 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ua/view/377792872/?*=e%2F6A91Vk1HK%2FZ0azcp9wHS6MtvP7InVybCI6lnlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUJySljYbFVGb2V3cnVBeW9VZWN2UFZXbG4xQnFla1ZIRFc3czN5SfJLN3NJaGhFa2xlcHdrQVRORWtQSDdYTXZScVVaTU42TWowSGxjZfZBbVRLYzhxUIFnNnZ3NlhqeUttc0JMdWNZVklfazhwQzkwYUftZGtWd3I5X18zZTFtVnVXTUgyOWhwR05ERIE9PT9zaWduPwk2MUxjaWFUc0lCeTg1YmtrM3pXefFfbVlqUXIwa1FjZmdqRTQ0dks1bmM9IiwidGl0bGUiOiIzZmJzZmMthfcHluZG9jliwibm9pZnJhbWUuOmZhbnHNILCj1aWQioiIzNzc3OTI4NzIiLj0cyI6MTU4NTU2NzcyNTE2MywieXUiOiIyOTg1NjcyNTE1MDU4MzA5MjgifQ%3D%3D (дата обращения: 30.03.2020).

5. Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств для медицинского применения в Луганской Народной Республике и предельных (максимальных) надбавок к оптово-отпускной цене производителя (таможенной стоимости) на данные лекарственные средства: утв. постановлением Совета Министров ЛНР от 26 апреля 2016 г. № 207 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sovminlnr.ru/akt/29.04.2016/207.pdf> (дата обращения: 30.03.2020).

6. Внуков Н.А. О порядке заключения потребительских договоров / Н.А. Внуков // Среднерусский вестник общественных наук. Политика и право. – 2010. – № 4. – С. 106-111.

7. Кодекс Луганской Народной Республики об административных правонарушениях: Закон Луганской Народной Республики от 15 июля 2016 года № 109-II // Сайт Народного Совета Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Луганск, 2019. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3207/> (дата обращения: 30.03.2020).

8. О защите прав потребителей: Закон Украины от 12 мая 1991 года № 1023-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meget.kiev.ua/zakon/zakon-zaschite-prav-potrebiteley/> (дата обращения: 30.03.2020).

9. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1. – Ст. 27.

10. Ализаре Э. Куда обращаться в Луганске в случае нарушений прав потребителей? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

niaistok.su/kuda-obrashhatsya-v-luganske-v-sluchae-narushenij-prav-potrebitelej// (дата обращения: 30.03.2020).

11. О защите прав потребителей (статья): [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации города Луганска. – Режим доступа: <http://gorod-lugansk.com/2018/10/17/o-zaschite-prav-potrebiteley-statya.html#> (дата обращения: 30.03.2020).

УДК 349.2.

Л.В. Карабут

ПРИНЦИПЫ ПРОЦЕССУАЛЬНО- ТРУДОВОГО ПРОИЗВОДСТВА И ИХ МЕСТО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье обоснована необходимость нормативного закрепления основных принципов процессуально трудового производства. Разработаны авторские формулировки, конкретизирующие содержание ряда общеправовых принципов применительно к процессуально-трудовому производству. Предложены структурные изменения Трудового кодекса Луганской Народной Республики.

Ключевые слова: *процессуально-трудовое производство, общеправовые принципы, принципы процессуально-трудового производства.*

The article substantiates the need for normative consolidation of the labor proceedings basic principles. Author's formulations have been developed that specify the content of a number of general legal principles in relation to the labor proceedings. Structural changes to the Labor Code of the Luhansk People's Republic are proposed.

Keywords: *labor proceedings, general legal principles, labor proceedings principles.*

Формирование стройной системы правовой регламентации любого процессуального производства невозможно без определения основных принципов данной деятельности, то есть основополагающих идей, которые определяют сущность и социальное назначение конкретного вида процессуального производства.

Классически принципы процессуального производства принято закреплять в Общей части отраслевого процессуального законодательства. Именно такой логикой руководствовался отече-

ственный законодатель при закреплении принципов гражданско-процессуального производства [1], уголовно-процессуального производства [2]. Однако в отношении процессуально-трудового производства в настоящий момент существует глобальный пробел в части закрепления основных принципов данной деятельности. В первую очередь это обусловлено отсутствием специального законодательного акта, регулирующего данную разновидность процессуального производства. Нормы, регулирующие процессуально-трудовое производство, в настоящий момент разобщены, будучи разбросаны по разным главам Трудового кодекса Луганской Народной Республики (далее – ТК ЛНР) [3, гл. 61, 62]. Кроме того, часть норм, регулирующих процессуально-трудовое производство, находятся в законодательном акте иной отраслевой принадлежности – в Гражданском процессуальном кодексе [1]. В этой связи общие принципы процессуально-трудового производства не получили своей четкой формальной определенности. Между тем, эффективное правовое регулирование процессуально-трудового производства невозможно без нормативного закрепления основополагающих принципов данной деятельности с учетом ее специфики.

Целью данной публикации является разработка концепции нормативного закрепления принципов процессуально-трудового производства с тем, чтобы четко заложить основы осуществления процессуальных действий его участниками, и обеспечить единый подход к структуре процессуально-трудового производства.

Слово «принцип» происходит от латинского «*principium*» [4, с. 15], что в переводе с латинского означает «основа», «первоначало». Понятие «принцип» в настоящее время используется в трех значениях: во-первых, как основное исходное положение какой-либо научной системы, теории, идеологического направления; во-вторых, как особенность, лежащая в основе создания или осуществления чего-либо; и, в-третьих, как убеждение, правило, которым руководствуется кто-либо в своих действиях, поведении, жизни [5, с. 174].

В научной литературе под принципами права понимаются основополагающие идеи, которые выражают сущность, основные свойства и общую направленность развития правовых норм

в пределах системы права либо ее отдельных отраслей (или институтов). Как справедливо отмечает Г.Х. Афзалетдинова, принципы права направлены на обеспечение единства составляющих ее элементов, т.е. отдельных отраслей и институтов [6, с. 371].

Принципы процессуально-трудового производства следует, на наш взгляд, рассматривать с точки зрения соотношения материального и процессуального права, именно такой подход в значительной мере поможет определить их содержание.

Законодательная фиксация принципов процессуально-трудового производства должна учитывать их комплексный, системный характер, предполагающий подразделение на несколько групп: 1) общеправовые принципы – основополагающие идеи, общие для всей системы права, действующие во всех правовых отраслях; 2) межотраслевые процессуальные принципы и 3) отраслевые принципы, т.е. принципы, свойственные отображающие исключительную специфику процессуально-трудового производства.

Общеправовые принципы представляют собой своеобразную систему координат, в рамках которой развивается национальная правовая система, и одновременно вектор, определяющий направление развития этой правовой системы [7, с. 275]. Они действуют во всех отраслях права, однако в рамках процессуально-трудового производства общеправовые принципы приобретают специфические особенности, которые должны быть учтены при их законодательном закреплении.

К общеправовым принципам, которыми должно руководствоваться и трудовое процессуальное право при осуществлении нормативного регулирования трудовых процессуальных отношений, относятся: принцип свободы, принцип справедливости, принцип равенства субъектов, принцип гуманизма, принцип демократизма и принцип законности.

Принцип свободы заключается в том, что человеку предоставляются определенные права и свободы, воспользоваться которыми он может только по своему усмотрению. Права и свободы человека не ограничиваются ничем, кроме прав и свобод других людей. В процессуально-трудовом производстве данный принцип реализуется в предоставлении заинтересованной стороне

свободы выбора: мириться ли с ущемлением своих трудовых прав (интересов) или же отстаивать их через предусмотренные процессуальные механизмы. При этом выбор предпочтительного процессуального механизма разрешения трудового спора (внесудебного или судебного) тоже должен быть свободным. С этой целью для ряда трудовых разногласий предусмотрена альтернативная подведомственность, то есть заинтересованная сторона может обратиться, как в суд, так и во внесудебный орган для разрешения возникшего разногласия. Поскольку принцип свободы применительно к процессуально-трудовому производству предполагает предоставление диспозитивных возможностей, в которых никто не может быть ограничен, будет уместно законодательно определить его как «Неотъемлемость права на судебную и внесудебную защиту трудовых прав и интересов».

Следует заметить, что в настоящий момент, ввиду отсутствия нормативного закрепления, обозначенного выше принципа, отечественный законодатель не предусмотрел альтернативной подведомственности для коллективных трудовых разногласий: для рассмотрения таких дел предусмотрена исключительно внесудебная форма процессуально-трудового производства [3, гл. 62]. Подобное положение вещей является в корне не верным и противоречащим Конституции, в которой говорится, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [8, ст. 39].

Для устранения указанного противоречия необходимо законодательно предусмотреть возможность судебного рассмотрения коллективных трудовых споров и установить альтернативную подведомственность для ряда коллективных споров искового характера. Считаем, что внесение подобных дополнений в законодательство является необходимым для обеспечения эффективности процессуально-трудового производства.

Принцип справедливости в процессуально-трудовом производстве выражается в требовании соответствия между степенью законности и обоснованности требований и решением юрисдикционного органа, между правами и обязанностями субъектов и т.д. В научной литературе отмечают, что в гражданском праве принцип справедливости представляет собой некое свойство гражданского права как частного права, основанное на началах

равенства сторон, имущественной самостоятельности и автономной воли [9, с. 17]. Однако в процессуально-трудовом производстве принцип справедливости имеет свою специфику.

Понятие «справедливость» в процессуально-трудовом производстве нельзя рассматривать в отрыве от распределения бремени доказывания и других процессуальных прав и обязанностей сторон трудового разногласия. Работодатель фактически является более сильной стороной, ведь он обладает властными полномочиями в рамках материальных трудовправовых отношений, обладает правом собственности или управления имуществом организации, имеет доступ к документам, которые могут составить доказательственную базу, и осуществляет контроль над ведением и хранением различной документации. Иными словами, можно сказать, что подавляющая часть потенциального доказательственного материала, необходимого для процессуально-трудового производства, находится в распоряжении работодателя. Работодатель имеет практически беспрепятственную возможность, как предоставлять необходимые материалы на рассмотрение юрисдикционного органа, так и сокрыть их, если исследование данных материалов процессуально-трудовом производстве противоречит его интересам. При этом вторая сторона трудового разногласия – работник, может оказаться лишенной доступа к каким-либо доказательствам в пользу своей юридической позиции. С учетом этого крайне важно законодательно закрепить в качестве самостоятельного принципа процессуально-трудового производства производную форму общеправового принципа справедливости – «Принцип справедливого распределения бремени доказывания и иных процессуальных прав и обязанностей».

Фактическая реализация принципа справедливого распределения бремени доказывания в процессуально-трудовом производстве не должна зависеть исключительно от оценочных суждений членов юрисдикционного органа, а должна быть обеспечена согласованным правовым механизмом. Элементом такого механизма может стать законодательное закрепление презумпции правоты работника. Однако при этом важно не допустить пренебрежения законными интересами работодателя, поскольку, как

справедливо отмечает профессор Л.И. Лазор, целью права на современном этапе является необходимость, с одной стороны, в полной мере выполнять защитную функцию в отношении работников, а с другой – предоставить работодателю возможность эффективного развития деятельности [10, с. 9]. Поэтому полностью освобождать работника от бремени доказывания в процессуально-трудовом производстве нельзя. На работника должна возлагаться обязанность чем-либо подтвердить свою позицию и требования: показаниями свидетелей, наличием ущерба здоровью, наличием имущественного ущерба и т.п. И, если работодатель ничем не может опровергнуть этот факт, значит, закон должен быть на стороне работника. Таким образом еще одним законодательным принципом процессуально-трудового производства должен стать «Принцип презумпции обоснованности требований работников, подкрепленных прямыми или косвенными доказательствами».

Принцип равенства в процессуально-трудовом производстве находит свое проявление в равенстве процессуальных возможностей сторон при рассмотрении трудового разногласия. То есть несмотря на то, что в рамках трудового правоотношения работодатель имеет властные полномочия по отношению к работнику, в трудовых процессуально-трудовом производстве работники полностью независимы от работодателя и обладают абсолютно равноценным комплексом процессуальных прав в отношении представления доказательств, ознакомления с материалами дела и т.п. для состязательного участия в деле. Данный общеправовой принцип следует законодательно закрепить как «Принцип равноправия и состязательности сторон трудового спора или конфликта».

Принцип гуманизма в процессуально-трудовом производстве должен проявляться в запрете ущемления естественных неотчуждаемых прав человека в ходе процесса. К таким правам относится жизнь, здоровье, личная свобода и безопасность, право на охрану чести и деловой репутации и т.д. Поэтому приоритетными ценностями, защищаемыми в ходе процессуально-трудового производства, должны быть именно неотчуждаемые естественные права, закрепленные в Конституции. В этой связи принцип гуманизма применительно к процессуально-трудовому

производству следует закрепить как «Приоритет процессуальной защиты конституционных прав и свобод по сравнению с экономической выгодой работодателя».

Принцип демократизма в процессуально-трудовом производстве находит свое проявление в том, что ряд юрисдикционных органов, а именно, комиссия по трудовым спорам, примирительная комиссия, трудовой арбитраж создаются при непосредственном участии работников. Так, комиссия по трудовым спорам избирается общим собранием коллектива работников [3, ст. 420], примирительная комиссия состоит из равного числа представителей спорящих сторон, трудовой арбитраж создается по соглашению сторон [3, ст.ст. 438, 440]. Проявлением демократизма следует признать также то, что по желанию работника его интересы в индивидуальном трудовом споре либо конфликте на всех уровнях могут защищать иные лица: представитель профсоюза, адвокат, иное лицо.

Как отмечал профессор В.В. Лазор, в условиях рыночных отношений принцип демократизма при рассмотрении трудовых споров и конфликтов занимает особую роль, поскольку он способствует постановлению справедливого решения по трудовому спору, либо достижению социального компромисса в трудовом конфликте [11, с. 121]. Социальный компромисс между сторонами разногласия, рассматриваемого в ходе процессуально-трудового производства, нередко достигается посредством переговоров в рамках социального партнерства. Поэтому принцип демократизма применительно к процессуально-трудовому производству целесообразно сформулировать таким образом: «Принцип демократизма и социального партнерства».

Принцип законности в процессуально-трудовом производстве должен выражаться, во-первых, в требованиях качества нормативно-правовых актов, отсутствия правовых коллизий; во-вторых, в соблюдении правовых норм, как сторонами трудового разногласия, так и другими субъектами процесса (должностными лицами юрисдикционного органа, свидетелями, представителями, экспертами и т.д.); и, в-третьих, в неотвратимой ответственности за нарушения норм материального и процессуального права

любым участником процессуально-трудового производства. Таким образом, соблюдение принципа законности должно обеспечиваться тем, что законодательно будут предусмотрены определенные санкции за любое нарушение требований законности. Данный принцип процессуально-трудового производства следует, на наш взгляд, сформулировать так: «Принцип законности и неотвратимости ответственности сторон трудового разногласия, юрисдикционного органа и иных участников процессуально-трудового производства за нарушение действующего законодательства».

Для системного нормативного закрепления обозначенных принципов в условиях отсутствия отдельного Процессуально-трудового кодекса, можно предложить следующее решение. Главы 61 «Рассмотрение и разрешение индивидуальных трудовых споров и 62 «Рассмотрение и разрешение коллективных трудовых споров» следует объединить в один раздел под названием «Процессуально-трудовое производство» и в его начале разместить главу 60¹ под названием «Общие положения процессуально-трудового производства», к которой последовательно закрепить все принципы данной разновидности процессуального производства со свойственными им специфическими особенностями.

Законодательное уточнение общеправовых принципов применительно к процессуально-трудовому производству в предложенных формулировках позволит обозначить общие ориентиры в правотворчестве и правоприменении и позволит обозначить их специфическое выражение в процессуально-трудовом производстве, не схожее с проявлением и реализацией этих принципов в других сферах общественной деятельности.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Луганской Народной Республики [Электронный ресурс] // Народный Совет ЛНР [сайт]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/6978/>

2. Уголовно-процессуальный кодекс Луганской Народной Республики [Электронный ресурс] // Народный Совет ЛНР [сайт]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/>

3. Трудовой кодекс Луганской Народной Республики: Официальное издание. – Луганск, 2018. – 321с.

4. Ершов, В.В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы / В.В. Ершов // Принципы права: проблемы теории и практики. Материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. – Ч. 1. – М.: РГУП. – 2017. – С. 14-38.

5. Власова, Т.В. Принципы права и аксиомы права: соотношение понятий // Т.В. Власова // Принципы права: проблемы теории и практики Материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. – Ч. 1. – М.: РГУП. – 2017. – С. 174-178.

6. Афзалетдинова, Г.Х. К вопросу о соотношении принципов права и принципов законодательства в российском праве / Г.Х. Афзалетдинова // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 370-371.

7. Скакун, О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): Учебник / О.Ф. Скакун. – Харьков: Консум, 2007. – 840 с.

8. Конституция Луганской Народной Республики [Электронный ресурс] // Народный Совет ЛНР [сайт]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>

9. Иванова, С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д.ю.н.: 12.00.01 – Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве; 12.00.03 – Гражданское право; Предпринимательское право; Семейное право; Международное частное право / С.А. Иванова. – Владимир, 2006. – 45 с.

10. Лазор, Л.И. Правовое регулирование правосубъектности в сфере трудового права / Л.И. Лазор // Актуальні проблеми права: теорія і практика. Збірник наукових праць. – Луганськ: Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля. – 2010. – № 17. – С. 8.

11. Лазор, В.В. Принципы рассмотрения трудовых споров / В.В. Лазор // Юридический вестник. – Одесса: «Юридическая литература». – 2003. – № 3. – С. 121-125.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИСПОЛНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Проведен анализ действующих правовых норм по регламентации содержания коллективного договора и ответственности за его нарушение (невыполнение). Определены пути совершенствования правового обеспечения исполнения коллективного договора. Разработаны конкретные предложения по улучшению законодательной регламентации правовых гарантий исполнения коллективного договора.

Ключевые слова: *коллективный договор, правовые гарантии, права работников, социальное партнерство, общественный контроль, юридическая ответственность.*

The analysis of the current legal norms on the regulation of the content of the collective agreement and responsibility for its violation (non-compliance) is carried out. The ways of improving the legal support for the execution of the collective agreement are determined. Concrete proposals have been developed to improve the legislative regulation of legal guarantees for the execution of a collective agreement.

Key words: *collective agreement, legal guarantees, rights of employees, social partnership, social control, legal responsibility.*

В Основном Законе нашей страны закреплено, что Луганская Народная Республика является демократическим, правовым, социальным государством [1, ст. 1]. Из смысла этой нормы следует, что демократические процессы должны пронизывать все направления общественной жизни, в том числе общественные отношения в сфере применения наемного труда. В силу этого коллективный договор, выступая по своей сути актом производственной демократии, является в настоящее время не только важнейшей формой социального партнерства, но и во многом крайне востребованным и необходимым локальным источником регулирования наемного труда в динамичных условиях рыночных отношений.

Современное трудовое законодательство должно предусматривать не только правовое поле, регламентирующее порядок заключения коллективного договора, но и закреплять действенные

правовые гарантии, обеспечивающие безусловное исполнение норм коллективного договора всеми участниками социально-партнерских отношений на локальном уровне.

Отдельные вопросы регулирования коллективно-договорных отношений в сфере применения наемного труда, а также исследование значимости контрольно-надзорной деятельности государства для обеспечения трудовых прав граждан вызывают интерес в юридической науке, что отразили в своих научных трудах многие ученые, например: А.А. Александров, Н.И. Баскакова, А.Н. Головистикова С.И. Джамбулатов, Ю.А. Дмитриев, В.В. Лазор, Л.И. Лазор, Н.А. Плахотина, И.И. Шамшина и др. Вместе с тем вопросы совершенствования правовых гарантий исполнения коллективного договора заслуживают дальнейшего научного поиска.

Целью данной статьи является анализ действующих правовых норм по регламентации содержания коллективного договора и ответственности за его нарушение (невыполнение), обоснование путей совершенствования правового обеспечения исполнения коллективного договора, разработка предложений по улучшению трудового законодательства в этой части.

Трудовой кодекс Луганской Народной Республики (далее – ТК ЛНР) не ограничивает свободу сторон социального партнерства в определении содержания коллективного договора, закрепляя в части первой статьи 35 ТК ЛНР «Порядок ведения коллективных переговоров», что представители сторон, участвующие в коллективных переговорах, свободны в выборе вопроса регулирования социально-трудовых отношений [2]. А статья 39 ТК ЛНР «Содержание и структура коллективного договора» устанавливает только примерный (не исчерпывающий) перечень вопросов, которые по усмотрению сторон могут быть отражены в коллективном договоре. Такой подход законодателя совершенно оправдан и не вызывает никаких возражений. Но все же, представляется, что законодатель должен стимулировать работодателя и работников к конструктивному договорному нормотворчеству с тем, чтобы они сами были заинтересованы в выполнении предписаний коллективного договора.

В этой связи заслуживает внимания анализ зарубежного опыта, представленный А.А. Александровым. Названный автор

отмечает, что с конца 70-х годов XX столетия в западном мире начала распространяться социологическая концепция «качества трудовой жизни», которая стала оказывать влияние на содержание коллективных договоров. В широком аспекте понятие «качество трудовой жизни» включает разные аспекты трудовой жизни, в том числе состояние производственной среды, рабочее время, оплата труда, продвижение по службе, социальное обеспечение, трудовые и социальные отношения, т.е. такие факторы, которые формируют у человека удовлетворение работой. Иными словами, речь идет о содержательности труда и развитии демократических отношений на производстве [3, с. 129-130].

В связи с тем, что коллективный договор является формой производственной демократии, вызывает интерес нормотворческого плана то, что содержание коллективного договора должно быть направлено именно на повышение «качества трудовой жизни». Из этого следует, что коллективный договор в своем содержании должен не только учитывать специфические особенности производственно-трудовой деятельности по профессиональному фактору и адаптировать нормы трудового законодательства к потребностям конкретной организации, но и содействовать выработке, так сказать, «производственного патриотизма», стремясь к достижению высокого «качества трудовой жизни» работников. Обеспечение законодателем такой векторной направленности сотрудничества работодателя и работников в лице их представителей будет выступать своего рода гарантией исполнения коллективного договора.

Важно также чтобы нормы, включенные в содержание коллективного договора, не носили декларативный характер, не дублировали действующее трудовое законодательство и, безусловно, не противоречили ему. Обеспечение указанного содержания коллективного договора должно быть обязанностью представителей сторон, уполномоченных на ведение коллективных переговоров. Но следует принять во внимание, что на данный момент в нашей Республике отсутствует всеобщий высокий уровень юридической грамотности. Поэтому в отношении коллективного договора считаю необходимым предусмотреть *уведомле-*

тельно-инспекционную государственную регистрацию. Это означает, что государственный регистрационный орган, которому будет представлен на регистрацию заключенный сторонами коллективный договор, должен при обнаружении дефекта содержания коллективного договора не регистрировать его, а возвращать сторонам на доработку с целью устранения выявленных недостатков. При этом следует законодательно установить, что коллективный договор вступает в силу не с момента его подписания сторонами, как это предусмотрено сейчас в статье 41 ТК ЛНР, а с момента государственной регистрации. Тем самым будет достигнута превенция существования коллективных договоров с дефектами содержания, что также будет содействовать исполнению предписаний вступившего в силу коллективного договора.

Важной составляющей в системе правовых гарантий исполнения коллективного договора является контроль за его исполнением. Как указывают в современной юридической литературе, надзор и контроль в трудовом праве – это деятельность государственных и общественных органов в пределах своей компетенции по проведению правовых мероприятий, направленных на предотвращение, выявление и пресечение нарушений трудового законодательства [4, с. 379]. В данном определении категория «трудовое законодательство» рассматривается в широком аспекте и включает в себя все нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права. Коллективный договор, являясь нормативным правовым актом договорного нормотворчества, также входит в эту систему. Следовательно, для предотвращения и пресечения нарушения предписаний коллективного договора требуется совершенствовать контрольную деятельность за его исполнением.

Действующее трудовое законодательство предусматривает, что положения о порядке осуществления сторонами коллективного договора контроля за его выполнением *могут* включаться в содержание коллективного договора [2, ст. 39]. Считаю, что для повышения правовых гарантий исполнения коллективного договора необходимо императивно установить, что коллективный договор в своем содержании *обязательно* должен предусматривать подробный порядок осуществления контроля за его выполнением

сторонами коллективного договора в лице своих полномочных представителей.

Важно также законодательно предусмотреть правовые последствия такого контроля в случае обнаружения невыполнения коллективно-договорных норм.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в настоящее время статья 49 ТК ЛНР «Контроль за выполнением коллективного договора, соглашения» содержит только общие предписания, не определяя в достаточной степени механизм государственного воздействия в случае нарушения норм, закрепленных в коллективном договоре. Вместе с тем коллективно-договорные нормы особенно нуждаются в обеспечительной силе государственных санкций.

Н.И. Баскакова справедливо утверждает, что на современном этапе возрастает роль и значение защиты трудовых прав работников. В этих условиях государство способно сдерживать излишнее проявление власти работодателей, обеспечить соблюдение ими трудовых прав работников [5, с. 61]. По мнению названного автора, государственный надзор и контроль занимают особое место среди способов защиты трудовых прав работников, т.к. при их осуществлении используются сила государственного воздействия на работодателей, их представителей, принуждающая их к обязательному выполнению предписаний полномочных органов по устранению обнаруженных нарушений, применение мер государственного принуждения – привлечение виновных в нарушении трудового законодательства к дисциплинарной, материальной, административной или уголовной ответственности [5, с. 62].

Из сказанного можно сделать вывод, что для эффективности общественного контроля за выполнением коллективного договора (т.е. контроля, осуществляемого самими сторонами коллективного договора) этот контроль по правовым последствиям должен быть приравнен к государственному контролю – только такой подход обеспечит надлежащую защиту коллективно-договорных прав работников.

Российские ученые подчеркивают, что общее правило защиты трудовых прав работников можно определить, как право-реализующую деятельность, осуществляемую в установленном

законодательством порядке уполномоченными на то органами, которая выражается в применении правовых мер к работодателю, не выполняющему возложенные на него обязанности и (или) совершающему действия, препятствующие нормальному осуществлению прав работников [6, с. 568].

Исходя из вышесказанного, считаю необходимым законодательно установить, что при обнаружении в процессе общественного контроля (т.е. сторонами коллективного договора) нарушения условий коллективного договора заинтересованная сторона имеет право обратиться в государственный орган, наделенный широкими контрольно-надзорными полномочиями за соблюдением трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права – уполномоченный государственный орган в сфере труда. На данный орган должна быть законом возложена обязанность немедленно отреагировать на сообщение о нарушении коллективного договора, провести государственный контроль и привлечь виновных лиц к соответствующей юридической ответственности. Но при этом договорная природа коллективного договора также должна найти отражение в регламентации контроля за исполнением названных нормативных правовых актов.

Предлагаю дополнить статью 49 ТК ЛНР «Контроль за выполнением коллективного договора, соглашения» частью третьей такого содержания:

«В случае обнаружения любой из сторон социального партнерства в ходе проверки выполнения коллективного договора (коллективного соглашения) каких-либо его нарушений, данный факт должен быть доведен до сведения другой стороны с целью немедленного устранения выявленного нарушения. Если нарушение не было устранено, то заинтересованная сторона имеет право обратиться в уполномоченный государственный орган в сфере труда, который обязан немедленно отреагировать на данное обращение, провести государственный контроль и применить к лицам, виновным в нарушении коллективного договора (соглашения), предусмотренные законом меры юридической ответственности».

В настоящее время в трудовом законодательстве ответственность за нарушение или невыполнение коллективного договора регулируется статьей 53 ТК ЛНР, которая гласит: «Лица, представляющие работодателя либо представляющие работников, виновные в нарушении или невыполнении обязательств, предусмотренных коллективным договором, соглашением, привлекаются к ответственности в виде штрафа в размере и порядке, которые установлены законом». По сути, названная статья носит отсылочный характер и предусматривает административную ответственность виновных лиц. Такой подход относительно государственного реагирования на нарушение (невыполнение) коллективного договора является оправданным, но недостаточным. Необходимо подчеркнуть тот факт, что любое лицо, виновное в нарушении коллективного договора (независимо от того какую сторону – работников или работодателя, оно представляет), состоит в трудовом правоотношении. Следовательно, трудовая правовая сторона юридической ответственности также должен иметь место при нарушении коллективного договора.

Принимая во внимание свойства коллективного договора как института народовластия в сфере производственных отношений и локального источника трудового права, необходимо наряду с административной ответственностью предусмотреть для виновных в нарушении (невыполнении) коллективного договора лиц также ответственность по нормам трудового права, а именно, дисциплинарную ответственность. Закон должен однозначно установить, что нарушение (невыполнение) коллективного договора является дисциплинарным проступком, за который работодатель *обязан* привлечь виновного работника, независимо от того чью сторону он представляет, к дисциплинарной ответственности.

Следует обратить внимание на то, что по действующим нормам трудового законодательства [2, ст. 213] работодатель при наличии факта дисциплинарного проступка *имеет право* (выделено мной – *И.Л.*) применить к работнику дисциплинарное взыскание, но не обязан этого делать. В общем случае такой подход вполне оправдан, поскольку работодатель как организатор приме-

нения наемного труда вправе сам выбирать какой способ обеспечения дисциплины труда избрать применительно к конкретному работнику – методы убеждения и/или поощрения, либо привлечения работника к дисциплинарной ответственности. Это справедливо, так как, совершая дисциплинарный проступок, работник в общем случае причиняет ущерб именно интересам работодателя, который и принимает решение, как ему реагировать в данной ситуации.

Но при нарушении (невыполнении) коллективного договора имеет место факт нарушения нормативного правового акта, исполнение которого должно обеспечиваться принудительной силой государства. Заметим при этом, что нарушить нормы коллективного договора может только лицо, состоящее в трудовом правоотношении с работодателем, который сам является стороной этого коллективного договора. Поэтому актуализируется значение именно трудово-правовой юридической ответственности за нарушение коллективного договора.

Специалисты в сфере теории государства и права А.Н. Головистикова и Ю.А. Дмитриев подчеркивают, что главная цель применения юридической ответственности – поддержание нормального порядка в обществе. Содержание юридической ответственности отвечает ряду принципов, в том числе принципу неотвратимости наказания [7, с. 472].

В силу сказанного считаю, что для поддержания нормального порядка в сфере применения наемного труда на локальном уровне и совершенствования правовых гарантий исполнения коллективного договора дисциплинарная ответственность работников за нарушение (неисполнение) коллективного договора (независимо от того, чью сторону представляет тот или иной работник) должна базироваться на принципе неотвратимости. Поэтому на работодателя следует законом возложить обязанность в случае выявления факта нарушения (невыполнения) коллективного договора привлекать к дисциплинарной ответственности любого работника, в том числе и того, который выступает представителем работодателя в коллективно-договорных отношениях.

Исходя из вышесказанного, предлагаю дополнить статью 53 ТК ЛНР «Ответственность за нарушение или невыполнение коллективного договора, соглашения» частью второй такого содержания:

«При нарушении (невыполнении) коллективного договора виновные лица, представляющие работодателя либо представляющие работников, обязательно должны быть привлечены к дисциплинарной ответственности в соответствии с нормами настоящего Кодекса».

Наличие в законе такой нормы не только повысит уровень государственной обеспечительной силы в отношении коллективного договора, но и будет служить действенной превенцией нарушения коллективного договора со стороны работодателя, поскольку работодатель будет обязан привлекать лиц, действующих в его интересах и нарушающих вследствие этого коллективный договор, к дисциплинарной ответственности. Тем самым будут защищаться трудовые права работников, а также обеспечиваться надлежащий авторитет и эффективность коллективного договора.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что правовые гарантии исполнения коллективного договора требуют дальнейшего развития, на что и направлены предложения, обоснованные в данной статье. Считаю, что совершенствование правовых гарантий исполнения коллективного договора в предложенных направлениях обеспечит высокое качество коллективного договора как нормативного правового акта, будет надлежащим образом защищать трудовые права работников, содействовать полному раскрытию потенциала коллективного договора и повышению его авторитета как источника трудового права и акта производственной демократии.

Литература

1. Конституция Луганской Народной Республики от 18 мая 2014 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2020 г.) [Электронный ресурс] // Законодательство. – Режим доступа: <https://nslnr. su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/> – Народный Совет Луганской Народной Республики. Официальный сайт.

2. Трудовой кодекс Луганской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/> – Народный Совет Луганской Народной Республики. Официальный сайт.

3. Александров А.А. Направления работы / А.А. Александров // Труд за рубежом. – 1994. – № 2 (22). – С. 126-131.

4. Лазор Л.И., Лазор В.В., Шамшина И.И., Плахотина Н.А. Трудовое право: учебник в 2-х томах. Том 2 «Особенная часть» / под общ. ред. проф. Л.И. Лазор. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2019. – 496 с.

5. Баскакова Н.И. Государственный надзор и контроль как способ защиты права на оплату труда / Н.И. Баскакова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 59-64.

6. Трудовое право России: учебник для вузов / А.В. Завгородний, В.В. Коробченко, А.В. Кузьменко и др.; под общ. ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. – М.: ООО «Юрайт-Издат», 2008. – 672 с.

7. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права: учебник / А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев. – М.: ЭКСМО, 2005. – 832 с.

УДК 340.1

А.А. Емельянов

МЕХАНИЗМЫ УСТРАНЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ

Под юридическими коллизиями понимаются расхождения либо противоречия между нормами действующих нормативно-правовых актов, которые регулируют сходные либо идентичные общественные отношения. Данное правовое явление может повлечь за собой нарушение конституционных прав, свобод и законных интересов участников общественных отношений.

Ключевые слова: *юридические коллизии, нормативно-правовой акт, противоречия, устранение и преодоление юридических коллизий, толкование правовых норм.*

Legal conflicts mean discrepancies or contradictions between the norms of existing legal and regulatory acts that govern similar or identical social relations. This legal phenomenon may entail a violation of constitutional rights, freedoms and legitimate interests of participants in social relations.

Keywords: *legal conflicts, legal and regulatory acts, contradictions, elimination and overcoming of legal conflicts, interpretation of legal norms.*

Существует ряд причин возникновения и существования юридических коллизий: объективных и субъективных. Среди первых можно выделить: разнообразие общественных отношений, для урегулирования которых требуется применение различных методов; стремительную изменчивость и динамизм общественных отношений; конфликт между нормами, которые регулируют относительно развивающиеся общественные отношения, и нормами устойчивых – «консервативных» институтов права. Ко второй группе относятся такие явления как: низкий уровень нормотворчества и систематизации НПА; плохая координация в правотворческом процессе; противостояние различных политических сил; правовой нигилизм; превышение различными субъектами нормотворчества своей компетенции и должностных полномочий.

Юридической практикой выработан ряд способов и принципов разрешения и устранения юридических коллизий. К основным способам относятся:

1. принятие нового НПА;
2. внесение изменений и уточнений в действующее законодательство;
3. отмена устаревших актов нормотворчества;
4. систематизация законодательства;
5. толкование правовых норм;
6. конституционное правосудие;
7. переговорный процесс, создание согласительных комиссий и др. [1, с. 5].

Также выделяют ряд принципов, при помощи которых осуществляется преодоление юридических коллизий:

1. принцип приоритета нормы, обладающей более высокой юридической силой;
2. принцип приоритета специальной нормы перед общей;
3. принцип приоритета нормы, принятой позднее.

Данные принципы применяются в указанной выше последовательности, то есть каждый последующий из них применяется, если невозможно применение предыдущего.

Целесообразно рассмотреть применение каждого из вышеуказанных принципов на практике при разрешении конкретных коллизий законодательства.

Принцип приоритета нормы, обладающей более высокой юридической силой. Юридическая сила НПА зависит от его вида либо определяется исходя из органа, его принявшего. Данный принцип применим при коллизии «по вертикали» и является наиболее простым, поскольку определить юридическую силу противоречащих друг НПА не вызывает у правоприменителя затруднений [1, с. 5].

Указанный выше вид коллизий возникает наиболее часто. Так, согласно Приказа ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» в сферу контроля налоговых органов входят посреднические сделки, которые совершенные без наличия разумных экономических или иных причин (деловой цели). Однако, ч. 1 ст. 1005 ГК РФ указывает, что по агентскому договору одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение выполнить по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала. В данном случае никакой деловой цели ГК РФ для совершения сделки не предусматривает. Таким образом, имеет место коллизия между кодифицированным законодательным актом и ведомственным приказом. В данном случае приоритет нормы ГК РФ очевиден.

Другим примером применения вышеуказанного принципа может послужить разрешение коллизии в обжаловании решений органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и решений суда лицом, имеющим право на реабилитацию. На практике зачастую возникает ситуация, когда лицо вынуждено обжаловать решения уполномоченных органов и их должностных в тот же орган, которым было принято решение, что лишает процесс обжалования объективности. Так, п. 10 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда устанавливает, что для определения размера имущественного ущерба

гражданин в течение шести месяцев после направления ему извещения может обратиться либо в вышестоящий ведомственный орган, либо в прокуратуру. Согласно п. 15 вышеуказанной Инструкции, постановление органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры может быть обжаловано гражданином соответствующему прокурору. Если следовать положениям данного НПА, лицо лишается возможности напрямую обратиться за защитой своих прав в судебный орган. По своей сути вышеуказанное положение противоречит положениям Конституции, которая гарантирует право лица на судебную защиту своих нарушенных, непризнанных прав, свобод и законных интересов.

В то же время ч. 2 ст. 135 УПК РФ устанавливает, что реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, который постановил приговор, вынес постановление, определение о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, или в суд по месту проживания реабилитированного, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. УПК РФ устанавливает, что лицо имеет право обратиться напрямую в суд в порядке гражданского судопроизводства, минуя внесудебные инстанции. Вновь налицо коллизия между ведомственным НПА и кодифицированным законодательным актом. Естественно, высшую юридическую силу имеет норма УПК РФ.

Также на последнем примере хорошо иллюстрируется низкий уровень нормотворчества, так как указанная выше Инструкция была принята в начале 1980-х гг. и до недавнего времени сохраняла юридическую силу. Кроме этого, на протяжении последних лет комиссией при Государственной Думе РФ велась работа по разработке нового раздела УПК РФ, который бы четко регламентировал процедуру возмещения вреда лицам, имеющим право на реабилитацию, который был причинен незаконными действиями органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда. Поправка была принята в первом чтении, однако после этого законотворческий процесс в данном направлении не сдвинулся с мертвой точки. Таким образом, вопрос о

противоречиях и разногласиях в области обжалования незаконных решений правоохранительных органов в уголовном процессе остается без решения.

Государства также являются участниками правоотношений, становясь участниками различных международных договоров, в связи с чем периодически возникают коллизии между нормами международного договора и внутренним законодательством [2, с. 43]. В целях преодоления данного вида противоречий для этого случая применяется комплекс мер, позволяющих устранить их. Так, по общему правилу применяется принцип приоритета норм имплементированного международного договора перед нормами внутригосударственных НПА. Например, в случае возникновения коллизий между нормами Таможенного союза и национальным законодательством в сфере регулирования таможенных отношений подлежат применению нормы Таможенного союза.

Принцип приоритета специальной нормы перед общей. Специальный характер нормы определяется либо при помощи указания на возможность установления особенностей правового регулирования в других актах, либо путем сравнения сферы действия норм по субъекту или объекту.

Коллизионные нормы могут содержаться как внутри одного НПА (что проявляется достаточно редко), так и в различных. При этом оба документа имеют одинаковую юридическую силу, вследствие чего принцип приоритета нормы НПА, имеющего высшую юридическую силу, неприменим. В юридической практике гораздо чаще возникают противоречия между различными НПА – общими и специальными. Можно рассмотреть применения данного принципа при коллизии между ГК РФ и Федеральными Законами. Разрешение противоречий между ГК РФ и другими законами должно зависеть от степени и характера конфликта правовых предписаний.

Если закон конкретизирует, дополняет правила ГК РФ, в отдельных случаях делает исключения из общих правил ГК РФ, то возникающие в результате этого коллизии должны разрешаться в пользу специального закона. Однако, если закон содержит предписания по предмету регулирования, которые совпадают с нормами ГК РФ и вследствие этого исключают действие последних,

то этот закон противоречит ГК, нормы которого в данном случае и подлежат применению [2, с. 42].

Применение рассматриваемого принципа также целесообразно рассмотреть на конкретном примере. Так, согласно п. 1 ст. 69. ФЗ «Об Акционерных обществах» Руководство текущей деятельностью АО осуществляется единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) или единоличным исполнительным органом общества (директором, генеральным директором) и коллегиальным исполнительным органом общества (правлением, дирекцией). Исполнительные органы подотчетны совету директоров (наблюдательному совету) АО и общему собранию акционеров. В то же время, согласно п. 3 ст. 103. ГК РФ исполнительный орган АО может быть коллегиальным (правление, дирекция) и (или) единоличным (директор, генеральный директор). Он осуществляет текущее руководство деятельностью АО и подотчетен совету директоров (наблюдательному совету) и общему собранию акционеров. Таким образом, норма ГК указывает на то, что исполнительный орган может быть, как единоличным, так и коллегиальным, а положения ФЗ указывают на то руководство деятельностью АО может осуществлять либо единоличный орган, либо он же совместно с коллегиальным. Поскольку норма ФЗ является специальной, конкретизирует положения, предписанные ГК РФ, и содержит больший перечень возможных юридически значимых действий, применению подлежит именно специальная норма. Данная коллизия перестала существовать в связи с утратой юридической силы ст. 103 ГК РФ.

Принцип приоритета нормы, принятой позднее [1, с. 7]. Согласно п. 1 ст. 4 ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» впредь до приведения в соответствие с Жилищным кодексом РФ законов и иных нормативных актов, они применяются постольку, поскольку не противоречат Жилищному кодексу РФ. Таким образом, в случае противоречия между нормами ЖК РФ и нормами иных законов применению подлежит норма первого.

Помимо вышеуказанных способов разрешения юридических коллизий существует такое средство решения противоречий в

НПА как толкование коллизионных норм. В настоящее время многие нормы Налогового кодекса РФ являются коллизионными, поскольку многие из них могут толковаться двояко, они постоянно меняются и имеют разнонаправленную судебную практику. В связи с этим обстоятельством может сложиться такая ситуация, при которой суды будут ссылаться на одну и ту же норму налогового законодательства и применять при этом диаметрально противоположные решения.

Так, в Определении ВАС РФ от 10.01.2012 N ВАС-16900/11 суд указал, что стоимость объекта незавершенного строительства при его ликвидации в расходах не учитывается. Суд определил, что согласно пп. 8 п. 1 ст. 265 НК РФ принимаются лишь расходы, которые связаны с ликвидацией объектов незавершенного строительства. Сама стоимость недостроенного объекта не уменьшает налогооблагаемую прибыль организации. Оснований для включения в состав внереализационных расходов стоимости незавершенного строительства согласно пп. 20 п. 1 ст. 265 или п. 2 ст. 265 НК РФ также нет. В то же время, согласно Определению ВАС РФ от 20.01.2011 N ВАС-18063/10, стоимость объекта незавершенного строительства при его ликвидации в расходах учитывается. Суд посчитал, что у налогового органа не было оснований исключать из расходов стоимость объекта незавершенного строительства. Данная обоснованность должна оцениваться с учетом обстоятельств, которые свидетельствуют о намерениях налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской деятельности.

Во избежание вышеуказанных противоречий в судебных решениях в налоговом законодательстве РФ используется принцип толкования в пользу налогоплательщика всех неустранимых сомнений в законе (п. 7 ст. 3 НК РФ).

Противоречия и разногласия также возможны и в случае нечеткого формулирования сторонами договора условий заключенных ими соглашений. Здесь для устранения такого рода коллизий применяется ст. 431 ГК РФ, которая определяет следующий порядок толкования договора: сначала необходимо выявить буквальный смысл содержащихся в нем слов и выражений, затем

выясняется реальная воля сторон на основе их поведения, сложившейся практики взаимоотношений, переписки и др. При неясности договорных положений в ситуации, когда форму договора предложила более сильная сторона контракта, толкование спорного или противоречивого условия осуществляется в пользу контрагента составителя договора.

Следует отметить, что юридические коллизии оказывают не только отрицательное воздействие на правовую систему. Разумеется, они негативно влияют на согласованность правоприменительной деятельности, могут повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных интересов участников правоотношений. В то же время коллизии указывают на недостатки в нормотворческой деятельности, а само их наличие указывает на динамичность и развитие общественных отношений, а также способствуют более эффективной и качественной работе государственно-правовых институтов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
4. Об акционерных обществах [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/
5. О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ (последняя редакция) от 29 декабря 2004 года № 189-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51061/

6. Инструкция по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (с изм. от 19.07.2011) (утв. Минюстом СССР, Прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982) ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4895/

7. Определение ВАС РФ от 10.01.2012 № ВАС-16900/11 по делу № А56-60650/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=245729#06665798526512585>

8. Определение ВАС РФ от 20.01.2011 № ВАС-18063/10 по делу № А38-7141/2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=173656#04917943693253728>

9. Курбатов А.Я. Порядок разрешения коллизий в российском праве / А.Я. Курбатов. – М.: Корпоративный юрист, 2005. – № 11. – С. 4-12.

10. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право / Ю.А. Тихомиров. – М.: Статут, 2000. – 142 с.

**ПРОБЛЕМЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

УДК: 343.2

**П.П. Фомин
А.С. Кравцов**

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СВЯЗИ С ДОБРОВОЛЬНЫМ ОТКАЗОМ
ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В статье рассматриваются проблемы освобождения от уголовной ответственности за приготовление к преступлению в связи с добровольным отказом. Акцентируется внимание на особенностях установления признаков добровольности, окончательности и своевременности отказа от преступления.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, стадии преступления, неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, добровольный отказ от преступления.*

The article discusses the problems of exemption from criminal liability for preparing for a crime in connection with a voluntary refusal. Attention is focused on the features of establishing signs of voluntariness, finality and timeliness of refusing a crime.

Keywords: *criminal liability, stages of the crime, unfinished crime, preparation for the crime, attempted crime, voluntary renunciation of the crime.*

В научной литературе отсутствует единство мнений относительно того, считать ли добровольный отказ основанием освобождения от уголовной ответственности или ее исключением. Одни ученые считают, что добровольный отказ исключает уголовную ответственность за действия, совершенные до добровольного отказа [1, с. 43], другие – что такой отказ служит основанием

освобождения от ответственности [2, с. 321], третьи – что при добровольном отказе лицо не подлежит уголовной ответственности [3, с. 590].

Иногда уголовно-правовые последствия добровольного отказа определяют противоречиво: сначала указывают, что такой отказ исключает уголовную ответственность, а потом – что лицо при добровольном отказе освобождается от уголовной ответственности, так как его деяние не считается преступлением, или в действиях, совершенных до момента добровольного отказа, отсутствует состав преступления [4, с. 205].

Вместе с тем ч. 2 ст. 31 УК РФ [5] устанавливает положение: «лицо не подлежит уголовной ответственности». Такая формулировка может охватывать собой как случаи освобождения от уголовной ответственности, так и исключения такой ответственности. Поэтому необходимо четко определить, исключается ли уголовная ответственность лица при добровольном отказе за деяния, совершенные до момента такого отказа, или лицо все же подлежит освобождению от уголовной ответственности за эти действия.

Необходимо отметить, что при исключении уголовной ответственности в действиях лица отсутствует состав преступления, в том числе и приготовления, а при освобождении от такой ответственности, совершение именно такого преступления является обязательным условием освобождения [6, с. 122]. Проблема заключается в том, чтобы определиться, совершило ли лицо преступление до момента добровольного отказа, или совершенное им деяние до этого момента преступлением не признается.

В соответствии с ч. 1. ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Изложенное позволяет сделать вывод, что добровольный отказ служит основанием именно освобождения лица от уголовной ответственности за приготовление к преступлению, а не исключения такой ответственности.

Мнение о том, что при добровольном отказе происходит именно освобождение лица от уголовной ответственности, а не исключение, высказывали еще в дореволюционной уголовно-правовой теории. Н.С. Таганцев, в частности, отмечал: «то, что было, нельзя сделать таким, что не было». Освобождение лица от уголовной ответственности в случае добровольного отказа не означает изменения юридической природы самого деяния (приготовления), оно остается наказуемым деянием [7, с. 322].

Таким образом, как самостоятельный вид освобождения от уголовной ответственности, освобождение лица в связи с его добровольным отказом имеет свои специфические предпосылки и основания освобождения.

Причиной этого вида освобождения от уголовной ответственности (относительно приготовления) является совершение приготовления к преступлению. Учитывая обоснованную в первом разделе выпускной квалификационной работы классификацию видов приготовления на общие и специальные, закономерно возникает вопрос, может ли быть причиной этого вида освобождения от ответственности только приготовление, предусмотренное Общей частью, или и приготовление, предусмотренное Особенной частью УК РФ.

Прежде всего, безусловно, предпосылкой этого вида освобождения от уголовной ответственности выступает приготовление, предусмотренное Общей частью УК РФ. Однако, в ст. 30 УК РФ не все виды приготовления признаны преступлениями, а только приготовления к тяжким и особо тяжким преступлениям. То есть по действующему УК РФ именно совершение этих двух видов приготовления является предпосылкой освобождения лица от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом.

При этом возникает вопрос, возможно ли применение освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом относительно специальных видов приготовления, которые предусмотрены Особенной частью УК РФ как отдельные преступления?

Мы считаем, что ч. 3 ст. 31 УК РФ непосредственно закрепляет предписание относительно этого: «лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной

ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления».

То есть, во-первых, ч. 3 ст. 31 УК РФ признавая, что фактически при приготовлении может быть совершено самостоятельное преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ, еще раз подтверждает справедливость классификации видов приготовления на общие и специальные.

Во-вторых, по ч. 3 ст. 31 УК РФ специальные виды приготовления также могут выступать предпосылкой освобождения лица от ответственности в связи с добровольным отказом. Однако специальные виды приготовления имеют особую природу – они одновременно являются и оконченными преступлениями, предусмотренными Особенной частью УК РФ. Поэтому лицо освобождается от ответственности за приготовление к совершению другого, «задуманного» преступления, однако несет ответственность за фактически совершенное.

Специальные виды приготовления подлежат квалификации по совокупности оконченного преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и по ч. 1 ст. 30 УК РФ, соответствующей статьей Особенной части, как приготовление к преступлению, которое лицо намеревалось совершить. В случае добровольного отказа совокупности не будет – лицо освобождается от ответственности за приготовление к «задуманному» преступлению и его действия квалифицируются только как самостоятельное преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ.

Основанием этого вида освобождения, безусловно, является сам факт добровольного отказа. В теории уголовного права были предложены разные понятия добровольного отказа, объяснение его правовой природы.

Большинство ученых рассматривает такие признаки добровольного отказа как добровольность, осознание возможности доведения преступления до конца и окончательность. Некоторые выделяют только два признака – добровольность и окончательность прекращения преступления. Осознание возможности доведения преступления до конца при этом относят к добровольности [8, с. 15]. Такая позиция на наш взгляд представляется более правильной.

Эти признаки нашли свое отражение в законе – ст. 31 УК РФ определяет, что добровольным отказом является окончательное прекращение лицом приготовления к преступлению, если при этом оно осознавало возможность доведения преступления до конца.

Таким образом, признак добровольности означает прекращение совершения преступления по собственной воле субъекта. Для установления добровольности большое значение имеет выяснение влияния на волю и сознание человека обстоятельств, которые могут препятствовать совершению преступления. К ним относятся внешние и внутренние факторы. Несмотря на то, что, по мнению большинства исследователей, мотивы добровольного отказа не имеют уголовно-правового значения [9, с. 101], мотивы, а также другие субъективные факторы значительно влияют на установление добровольности такого отказа.

По мнению А.Ю. Решетникова, добровольный отказ будет иметь место в двух случаях: 1) когда отсутствуют обстоятельства, которые могут помешать завершению преступления, и лицо, зная об этом, прекращает деяние; 2) когда такие обстоятельства присутствуют, но лицо не знает о них и по своей воле не доводит преступление до конца [10, с. 131]. Следовательно, при установлении добровольности отказа от преступной деятельности следует учитывать как субъективные, так и объективные факторы (препятствия), влияющие на прекращение лицом такой деятельности, в их единстве.

Для установления признака добровольности огромное значение имеет также признак осознания лицом возможности доведения преступления до конца. Этот признак указывает на определенный интеллектуальный процесс оценки обстоятельств совершения преступления, которые сложились. Он включает в себя не только анализ этих обстоятельств, но и выработку на его основе представления о возможности завершения преступления. В науке возможность доведения преступления до конца рассматривают в разных аспектах – как объективную и субъективную категорию, а также выделяют физическую, фактическую, реальную и полную возможность [11, с. 65]. Следует согласиться с мнением, что при установлении этого признака необходимо учитывать

именно субъективное осознание, субъективное восприятие лицом наличия такой возможности. То есть реально, объективно возможности завершения совершения задуманного преступления нет, например, за задержанием этого лица уже выехал наряд полиции, однако лицо об этом не знает и добровольно прекращает совершение преступления, считая, что имело реальную возможность завершить задуманное.

Следующим признаком добровольного отказа является окончательность. В научной литературе существует несколько подходов к установлению окончательности добровольного отказа. Большинство авторов считают, что определяющими здесь являются объективные факторы – прекращение лицом совершения этого преступления навсегда, а не на какой-то промежуток времени, то есть полное оставление попыток совершения этого преступления [12, с. 99]. Другие авторы отмечают, что в этом случае необходимо исходить из субъективных факторов – если будет установлено, что в этот момент лицо прекратило совершение преступления без намерения восстановить его в будущем, то имеет место добровольный отказ. Если же лицо намеревалось через некоторое время вернуться к этому преступлению, то добровольный отказ отсутствует. Мы считаем, что при установлении окончательности добровольного отказа все же следует руководствоваться приоритетом объективного подхода и признавать добровольный отказ при полном прекращении преступной деятельности.

Непосредственно ст. 31 УК РФ закрепляет еще один важный признак добровольного отказа. Таким признаком является прекращение лицом приготовления к преступлению.

Некоторое время формулировка «добровольный отказ от приготовления», подвергалась критике со стороны, в частности, Н.Ф. Кузнецовой [13, с. 98]. Действительно, лицо прекращает совершение задуманного оконченного преступления, причем в его действиях до добровольного отказа уже на лицо приготовление к преступлению. Именно поэтому формулировка «прекращение приготовления» определенным образом сужает направленность действий лица, имеющийся у него преступный умысел на совершение не просто приготовления, а на совершение определенного

оконченного преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. При этом следует иметь в виду, что при приготовлении к преступлению совершение этого задуманного преступления (предусмотренного Особенной частью УК РФ) еще не начинается.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что законодательная формулировка «прекращение приготовления» определенным образом сужает направленность действий лица, имеющийся у него преступный умысел на совершение не просто приготовления, а на совершение определенного оконченного преступления. В связи с этим ч. 3 ст. 31 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Освобождается от уголовной ответственности лицо, которое при совершении приготовления к преступлению, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, добровольно отказалось от совершения этого преступления или при совершении с прямым умыслом деяния (действия или бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, – от доведения его до конца. Лицо подлежит уголовной ответственности только в случае, если совершенное им до добровольного отказа деяние содержит состав иного преступления, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса».

Литература

1. Стадии совершения преступления: учебное пособие / В.Ф. Караулов; отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: РИО ВЮЗИ, 1982. – 59 с.
2. Курс российского уголовного права. Общая часть / С.В. Бородин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер и др.; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп., науч. – М.: Проспект, 2017. – 736 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: курс лекций / А.Я. Гришко, А.А. Волчкова, М.А. Ершов и др.; под ред. А.П. Кузнецова, Е.Е. Черных. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 568 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

6. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Наука, 1974. – 188 с.

7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: В 2 т. – 5-е изд. – СПб.: Юрлит, 2009. – Т.1: Часть общая. – 815 с.

8. Иванов В.Н. Добровольный отказ от совершения преступления при соучастии // Советская юстиция. – 1992. – № 23. – С. 9-16.

9. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1955. – 283 с.

10. Решетников А.Ю. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8. – С. 122-132.

11. Панько К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1975. – 147 с.

12. Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. – 285 с.

13. Кузнецова Н.Ф. Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве // Вестник МГУ. – 1955. – Вып. 1. – С. 93-99.

УДК 343.985

Н.А. Олейник
А.А. Медведчук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 232 УК РФ

Целью исследования является разработка теоретических и практических вопросов, подлежащих выяснению в ходе проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) по преступлениям, предусмотренным ст. 232 УК РФ, в том числе совершенных организованной группой, и определение при этом, правового статуса подозреваемого (обвиняемого) с соблюдением законности и учетом целесообразности. Для достижения указанной цели устанавливаются в определенной логической последо-

вательности, на базе законодательства, практики его применения и соответствующих теоретических наработок наиболее важные вопросы, подлежащие выяснению по данной категории преступлений.

Ключевые слова: *следователь; предварительное расследование; следственные действия; допрос; оперативно-розыскные мероприятия; незаконный оборот наркотиков.*

The aim of the study is to develop theoretical and practical issues to be clarified during the interrogation of the suspect (accused) for crimes under article 232 of the criminal code, including those committed by an organized group, and the definition of the legal status of the accused in compliance with the law and the expediency. In order to achieve this goal, the most important issues to be clarified in this category of crimes are established in a certain logical sequence, on the basis of legislation, practice of its application and relevant theoretical developments.

Keywords: *investigator; preliminary investigation; investigative actions; interrogation; operational-search actions; drug trafficking.*

В системе следственных действий при расследовании организации либо содержания притонов или систематического предоставления помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов важное место занимает допрос. Допрос – это предусмотренное уголовно-процессуальным законом следственное действие, которое заключается в получении следователем от свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого показаний об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела [1, с. 372].

Отметим, что одним из самых полезных процессуальных действий, не только с точки зрения получения доказательств, но и в целях выявления и преодоления противодействия, осуществляемых по делам о наркотиках, является допрос подозреваемого (обвиняемого). Проводится это следственное действие по каждому без исключения уголовному делу и, как правило, несколько раз.

В юридической литературе представлены различные точки зрения относительно стадий допроса. На наш взгляд, ключевой стадией допроса подозреваемого является так называемое знакомство. Лицо, на которое возложена обязанность допросить подозреваемого, должно беспристрастно и ответственно относиться к этой первоочередной стадии, ведь от этого может зависеть весь дальнейший ход расследования. В первую очередь необходимо

ознакомить подозреваемого с его правами, при этом не упуская ни одного пункта. Это позволит предоставить подозреваемому уверенность, что существует определенная правовая защита в его отношении.

Относительно предмета допроса следует отметить, что по мнению В.С. Фоменко, по делам об организации либо содержании притонов или систематическом предоставлении помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, при допросе подозреваемого (обвиняемого) необходимо выяснить:

1) какие соучастники в организации притона, какое было распределение обязанностей в преступной группе (подбор помещения, обсуждение с собственником помещения условий найма, разработка плана функционирования, привлечения клиентуры, обеспечение приспособлениями для потребления наркотических или психотропных веществ);

2) источник приобретения соответствующих веществ (самостоятельное изготовление, у третьих лиц);

3) какая плата взималась за посещение притона и употребление там наркотических или психотропных веществ;

4) осуществлялось ли в притоне склонение каких-либо лиц к потреблению наркотических или психотропных веществ; или сопровождалось потребление наркотических или психотропных веществ в притоне совершением других преступлений (изнасилованием с использованием беспомощного состояния потерпевшей, пытками, заражением венерической болезнью, вымогательством и т.д.);

5) время функционирования притона, частота, регулярность посещения его клиентами;

6) каким был состав клиентуры (имена, адреса, телефоны, средства связи и т.д.), как осуществлялось привлечение;

7) были посредники в вербовке;

8) какие вещества употреблялись в притоне, каким образом и в каких дозах;

9) владел ли хозяин арендованного помещения, его соседи, родственники сведениям о характере деятельности преступника и какая была цель содержания притона [2, с. 473].

Кроме того, на наш взгляд, справедливо утверждает В.И. Пархоменко, который отмечает, что во всех ситуациях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, обязательное выяснение следующих вопросов:

1) приобретались ли ценности на деньги, вырученные от преступных операций с наркотическими средствами, места их хранения;

2) вкладывались ли полученные от преступной деятельности деньги в какой-нибудь бизнес, сколько денег вложено, счета в банках, ценные бумаги, акции, где хранятся; наличие недвижимости в личной собственности, время и способ приобретения;

3) были ли случаи дачи взятки каким-либо лицам, осуществляющим помощь в сокрытии преступной деятельности;

4) есть ли «покровители» среди сотрудников правоохранительных органов или органов исполнительной власти [4, с. 136-137].

Анализ научных трудов позволяет выделить общие вопросы, которые необходимо выяснить о личности допрашиваемого. Так, например, И.И. Фуражкина указывает, что перед допросом важно изучить личность подозреваемого: его психологические черты, преступную деятельность, образ жизни, взаимоотношения с другими лицами, проходящими по делу [5, с. 155-156]. В.Г. Наймушин выделяет вопросы, которые, по его мнению, целесообразно осветить в протоколе допроса подозреваемых и обвиняемых по делам, возбужденным по факту преступной деятельности в сфере наркобизнеса. Мы солидарны с позицией автора, и считаем необходимым для отображения в протоколе допроса, вопросов, касающихся личности задержанного: в какой обстановке он рос, где и кем воспитывался; с кем поддерживает отношения и какой круг его друзей и знакомых; употребляет он наркотические средства, если да, то с какого времени и какие именно, как часто и в каких дозах, когда, и какую дозу употреблял в последний раз [3, с. 169].

Отметим и тот факт, что во время допросов по данным видам преступлений не всегда выясняют или вообще не выясняют: как, где и при каких обстоятельствах указанные лица начали употребление наркотических средств; какой период времени лицо их употребляет; какие средства и с каким интервалом; источник их

получения; были ли попытки отказаться от употребления; проходили ли лечение, если да, то, где именно и по каким причинам снова начали употребление наркотических средств.

В то же время укажем, что тактика допроса подозреваемых по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков зависит от ситуаций, сложившихся при их расследовании. Отметим, что к началу допроса подозреваемого в рассматриваемой категории дел могут сложиться типичные ситуации:

1) наличие достаточной информации о личности подозреваемого (обвиняемого), поскольку допросу предшествовали оперативно-розыскные мероприятия;

2) отсутствие достаточной информации о личности подозреваемого (обвиняемого), поскольку допросу предшествовало задержание лица на месте совершения преступления.

Так, опираясь на практику, можно сделать вывод, о том, что во время допроса обвиняемых в данном виде преступлений чаще всего имеют место бесконфликтные ситуации. Конфликтные ситуации встречаются в редких случаях и заключаются в угрозах по отношению к сотрудникам ОВД, неконтролируемом и агрессивном поведении подозреваемых (обвиняемых), даче ложных показаний и т.д.

Полученная оперативно-розыскная информация может быть использована при допросе. Она может указывать на: степень участия лица в преступлении, характер его действий, посетителей, место хранения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, отношения между соучастниками. Оперативно-розыскные данные помогают дать оценку полученным показаниям и определить их достоверность непосредственно при допросе. При использовании оперативных данных надлежит создать видимость получения информации от соучастников, свидетелей.

Так же стоит отметить тот факт, что с учетом имеющейся оперативной информации целесообразно составить детальный план допроса, определить перечень и количество вопросов.

Обратим внимание на тот факт, что, если допрос проводится при *задержании с личным*, и о личности нет почти никаких сведений, с целью уйти от ответственности, задержанный часто представляет ложные показания о способе приобретения наркотиков,

скрывает данные о себе, свои связи. Поэтому при подготовке к допросу оперативные работники должны собрать максимальное количество сведений о личности задержанного, что позволит следователю проанализировать их и сопоставить с обстоятельствами задержания, появления у него наркотических средств, выдвинуть наиболее перспективные версии, наметить вопросы и подготовить вещественные доказательства. В таких ситуациях необходимо заранее выяснить, какую позицию займет лицо, задержанное с поличным.

В зависимости от *содержания его показаний* могут сложиться следующие ситуации:

- 1) лицо подтверждает свою причастность к расследуемому преступлению;
- 2) лицо отрицает свою причастность к преступлению;
- 3) лицо отказывается давать показания.

В первых двух случаях наиболее эффективный метод детализации показаний, на его основе целесообразен прием, связанный с использованием противоречий в показаниях. Необходимо отметить, что в третьем случае, задача следователя убедить его в обратном, используя тактические приемы и имеющуюся информацию.

По результатам опроса работников ОВД обвиняемый (подсудимый) в основном или частично, или полностью признает свою вину в 37,5 % случаев, в 44,3 % случаев он дает правдивые показания, в 19,6 % – отказывается от показаний и в 36,1 % дает ложные показания.

Если по одному делу предстоит допросить нескольких лиц, важно определить очередность их допроса. Кроме того, их необходимо держать отдельно, чтобы не дать возможности обмена информацией.

Свою специфику имеет допрос в случае *совершения преступления группой лиц*. Неравноправное положение отдельных членов группы, особенно при распределении доходов, порождает внутригрупповые противоречия, что необходимо учитывать при допросах. Как правило, с одной стороны, подозреваемый опасается, что первым не дав показания, может не получить для себя опреде-

ленных преимуществ, а с другой – боится давать правдивые показания из мести со стороны соучастников [6, с. 10]. Лица, которые, по мнению следователя, могут пойти на «контакт» и сообщить наиболее важные обстоятельства по делу допрашиваются в первую очередь. Во время допроса участника группы необходимо выяснить все детали поведения лица, происходящие перед задержанием: как лицо оказалось на месте задержания, сколько времени находилось там, с кем разговаривало и тому подобное. Такая детальная информация создает у допрашиваемого представления о том, что другие лица уже дали признательные показания и ему выгодно откровенно рассказать, не дожидаясь очных ставок.

Несомненно, свои специфические особенности имеет допрос активных членов группировок, а также их лидеров. Так, нередко лидеры организованных преступных групп дают правдивые или частично правдивые показания, по следующим причинам:

- 1) вследствие полного разоблачения материалами дела;
- 2) из-за желания добиться смягчения своего участия;
- 3) стремясь снять с себя ответственность, или переложить ее

на других членов группы.

В преступлениях, совершаемых группой лиц, как показывает практика, обвиняемый по-разному относится к соучастникам. При умелом пользовании информацией, следователь может показать допрашиваемому, на чем построено ложное чувство товарищества среди преступников, а также направить эти знания для выбора наиболее эффективных тактических приемов допроса.

Распространенной является ситуация, когда личность подозреваемого находится в состоянии наркотического опьянения. В этом случае допрос необходимо перенести, ограничившись беседой, при этом вызвать врача-нарколога. Сведения, полученные во время такой беседы целесообразно зафиксировать на диктофон для использования в дальнейшем. Если в ходе беседы получены какие-либо сведения, их следует передать для проверки оперативным работникам. Важно учесть, что нельзя в обмен на показания, в которых лицо признается в преступлении, давать или обещать наркотики. Только после разрешения врача можно продолжить допрос задержанного лица [5, с. 146; 7, с. 145-146].

При подготовке к допросу, чтобы правильно оценивать показания подозреваемого, следователь дает поручения сотруднику органа дознания о сборе сведений, характеризующих задержанного. Если подозреваемый является наркоманом, он понимает, что назвав лиц, продающих наркотики, он будет вынужден искать для себя новых поставщиков наркотиков.

Во время допроса подозреваемого и обвиняемого по данной категории уголовных дел целесообразно применять приемы психологического воздействия, предложенные Ф.М. Сокиран. Он предлагает свою систему приемов психологического воздействия при допросе подозреваемого и обвиняемого. Придерживаясь аналогичной позиции, считаем, что основным будет являться: установление психологического контакта; убеждения; разъяснения закона о значении чистосердечного признания; создание большей, чем есть на самом деле, видимости осведомленности следователя; выяснения преступной осведомленности (психологический эксперимент по определению преступной осведомленности) частичное сообщение допрашиваемому информации, которой располагает следователь; внезапность; стимулирование положительных качеств характера личности; использование противоречий в показаниях лиц, участвующих в деле; использование противоречий между показаниями подозреваемого или обвиняемого и имеющимися в деле другими доказательствами; восстановление ассоциативных связей путем напоминания или возбуждения в памяти состояния аффекта [8, с. 39-40].

При допросе необходимо учитывать все возможные способы сокрытия преступления и противодействия расследованию. Обобщение следственной практики позволяет определить признаки, указывающие на противодействие со стороны допрашиваемого лица, которые в полной мере характерны и для данной категории преступлений. К ним могут относиться: неконкретность информации, противоречия другим доказательствам и внутри самих показаний, неопределенность информации; чрезмерная точность, похожая на заучивание; совпадение в деталях показаний нескольких подозреваемых; отсутствие деталей и существенных подробностей сказанного; разное объяснение событий на разных допросах; безликость и схематичность свидетельств; уклонение

от ответа на прямой вопрос; сокрытие существенных и известных фактов со ссылкой на забывчивость. Склонность к противодействию субъектов связанных с незаконным оборотом наркотиков частично объясняется организованным характером этой деятельности. Субъекты этой деятельности рискуют подвергнуться угрозам, насилию и мести со стороны сбытчиков и их окружения. Вследствие чего, многие сочиняют на допросах «легенды» о приобретении наркотика у знакомых лиц в общественном месте.

При получении от подозреваемого правдивых показаний, незамедлительно должны приниматься меры к их подтверждению. Проведение обысков, следственных экспериментов, осмотра места возможного приобретения наркотика с участием допрошенного лица и т.д.

После задержания лица на месте преступления, последнее часто предоставляет ложные показания о способе совершения преступления, скрывает данные о себе, преступных связях, отказывается от дачи показаний в целях корректировки линии поведения с защитником, обдумывание деталей. Предоставление же правдивых показаний на первом допросе вовсе не означает избрание линии содействие следствию [7, с. 146].

Авторы считают, что в данной работе новыми являются следующие положения и результаты. Обобщение указанных взглядов, а также изучение судебно-следственной практики позволяет утверждать, что при допросе по делам связанных с незаконным оборотом наркотиков лицо, допрашиваемое подозреваемого должно руководствоваться действующим законодательством. Для получения нужной и достоверной информации по существу необходимо вызвать расположение. Целесообразно установить некий психологический контакт с подозреваемым, ознакомить с кругом тех прав которыми он обладает, для того чтобы понимать законность всего процесса и возможность предоставления защиты. При допросе необходимо выяснить:

1) источники получения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов (кто делал, где и у кого приобрел), виды этих веществ, способы и дозы их применения;

2) круг посетителей (имена, адреса, телефоны, средства связи и т.п.);

3) обстоятельства и способы вовлечения посторонних лиц в потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;

4) время функционирования места, регулярность его посещения, режим, установленный для посетителей (приходить в определенное или любое время);

5) какой была плата за использование предоставленных помещений для незаконного употребления наркотических средств;

6) сопровождалась организация, содержание или предоставление помещений наркопритонов совершением других преступлений и правонарушений (в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также преступления против собственности);

7) владели ли сведениями о преступлении собственник помещения, его соседи, родственники;

8) какова цель преступления в каждой его форме;

9) что именно осуществляли в помещениях, которые использовались для незаконного оборота наркотиков (предоставляли такое помещение для незаконного потребления, организовали либо содержали наркопритон);

10) участвовали ли в преступлении другие соучастники, как были распределены обязанности в преступной группе (подбор помещения, обсуждение с собственником помещения условий найма (аренды), разработка плана функционирования места, вербовка клиентуры, обеспечение приспособлениями для потребления наркотических или психотропных веществ);

11) вкладывались ли полученные от преступной деятельности деньги в какой-нибудь бизнес, сколько денег вложено, счета в банках, ценные бумаги, акции, где хранятся; наличие недвижимости в личной собственности, время и способ приобретения;

12) были ли случаи дачи взятки каким-либо лицам, осуществляющим помощь в сокрытии преступления;

13) есть ли коррупционные связи с органами государственной власти.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что следователь сам определяет форму, характер и метод допроса подозреваемого (обвиняемого). Основу которого составляет строгое соблюдение

принципов законности, справедливости и гуманизма, что является необходимым условием повышения эффективности предварительного расследования.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2017. – 928 с.

2. Быков В.М. Особенности расследования групповых преступлений / В. М. Быков. – Ташкент : НИиРИО Ташк. ВШ МВД СССР, 1980. – 60 с.

3. Наймушин В.Г. Криминалистическая модель преступной деятельности в сфере наркобизнеса и ее использование в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Наймушин Владимир Григорьевич. – Ижевск, 1998. – 215 с.

4. Пархоменко В.И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Пархоменко Виктор Иванович. – М., 2005. – 230 с.

5. Петрунина А.Б. Противодействие расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и криминалистические методы его выявления и преодоления: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Петрунина Анна Борисовна. – М., 2006. – 249 с.

6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. – 7-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 752 с.

7. Сокиран Ф.М. Правовые и тактические основы психологического воздействия на предварительном следствии : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Уголовный процесс; судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика» / Ф. М. Сокиран. – К., 1987. – 21 с.

8. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – Москва: Проспект, 2018. – 616 с.

9. Фоменко В.С. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (по материалам органов федеральной службы безопасности): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Фоменко Вадим Сергеевич. – М., 2007. – 263 с.

10. Фуражкина И.И. Противодействие расследованию наркопреступлений и пути его преодоления: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Фуражкина Ирина Игоревна. – Краснодар, 2004. – 205 с.

УДК 34.07

В.В. Павлюков
К.Б. Ененко
С.И. Саенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ, СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ЛНР: ОТ РЕАЛИЙ К НОВЫМ ВОЗМОЖНОСТЯМ

В статье указывается на то, что с помощью использования современных технических средств и информационно-поисковых систем сотрудник полиции может подтвердить законность своих действий или же противоправность определенного гражданина. Также обосновывается необходимость внедрения в деятельность органов внутренних дел ЛНР новейших информационных технологий. Доказывается целесообразность наделения правом сотрудников полиции ЛНР применять в определенных ситуациях в качестве специального средства электрошокеры и средства видеofиксации (нагрудные видеокамеры).

Ключевые слова: *полиция, правовое регулирование, огнестрельное оружие, специальные средства, технические средства, информационные технологии.*

The article indicates that through the use of modern technical means and information retrieval systems, a police officer can confirm the legality of his actions or the wrongfulness of a particular citizen. It also substantiates the need to introduce the latest information technologies into the activities of the LPR internal affairs bodies. The expediency of empowering the LNR police officers to prove, in certain situations, to use stun guns and video fixation tools (chest video cameras) as a special tool is proved.

Keywords: *police, legal regulation, firearms, special means, technical means, information technologies.*

В той напряженной обстановке, в которой сегодня развивается Луганская Народная Республика (далее – ЛНР), сотрудники полиции должны со всей эффективностью обеспечивать защиту

прав, законных интересов и свобод граждан. Однако в процессе выполнения указанной задачи сотрудники ОВД ЛНР часто сталкиваются с ситуациями, когда их пытаются привлечь к дисциплинарной или даже уголовной ответственности за то, что они якобы допустили нарушение требований правовых предписаний, хотя на самом деле такого факта не наблюдалось. В этом плане наиболее показательными являются примеры, при которых сотрудник полиции был вынужден применить огнестрельное оружие, специальные и технические средства. И когда он это делал по закону, то все равно подлежал тщательным проверкам и дисциплинарным «экзакуциям», которые в последующем формировали у него убежденность по поводу того, что в следующий раз лучше избегать применения оружия и спец. средств. Но, как правило, такой следующий раз оборачивался причинением вреда здоровью или даже смерти стражу правопорядка, законопослушным гражданам.

Конечно, сегодня цифры о статистике смертности сотрудников ОВД ЛНР, которые сомневались в том, стоит или нет в той или иной обстановке применять огнестрельное оружие и спец. средства, мы вряд ли найдем. Соответствующие показатели не выставляются для всеобщего ознакомления и в Российской Федерации. Вместе с тем, начальник Главного управления собственной безопасности МВД РФ Александр Макаров в интервью «Российской газете» заявил о том, что в последнее время на российских полицейских нападают чаще, чем в девяностые годы [9]. И подтверждением этому являются многочисленные инциденты, один из которых произошел даже у самого посольства Словакии в г. Москва. Суть последнего такова – 17-летний юноша с ножом совершил нападение на 30-летнего капитана полиции, в ходе которого блюститель правопорядка проявил незащитность. Правоохранитель получил несколько ножевых ранений, в том числе проникающие в грудь, после чего его чудом успели спасти, своевременно доставив в медицинское учреждение. Табельное оружие сотрудник полиции не применил, поскольку опасался, что его потом за это накажут [6]. И, как оказывается, такие случаи единичные.

Нужно признать, что проведение различных инструктажей или «запугивание» сотрудников полиции ответственностью за возможный проступок, является малоэффективным в деле создания условий, обеспечивающих должный моральный настрой на выполнение задач, стоящих перед полицией ЛНР. Чего только стоит критически воспринимаемая среди действующих сотрудников ОВД статья 19 Закона ЛНР «О полиции» под названием: «Применение огнестрельного оружия». Ни для кого не секрет, что, даже помня наизусть данную статью, многие полицейские опасаются применять огнестрельное оружие из-за возможного наступления для них вполне вероятных дисциплинарных и даже уголовно-правовых последствий. При этом правоохранители всегда удивляются тому, почему применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции Соединенных штатов Америки (далее – США) в подавляющем большинстве случаев признается законным. Складывается впечатление, что только эти полицейские находятся под безусловной государственной защитой.

А.К. Киселев, анализируя проблему, связанную с гибелью сотрудников полиции, пришел к выводу, что последних необходимо специально обучать быть готовыми к тому, что они столкнутся с покушением на свою жизнь. Каждая проверка транспортного средства на улице, каждая встреча с преступным элементом может быть потенциально смертельной для правоохранителя. Поэтому следовало бы в МВД ЛНР разработать программу, аналогичную той, что уже имеется в ФБР США, по которой полицейские обучаются алгоритмам поведения в стрессовых ситуациях, опасных для здоровья и жизни [5].

Показательно, что вся система обучения будущего офицера полиции США строится, преимущественно, на том правиле, когда при совершении противоправных деяний правоохранитель должен сначала защитить самого себя. Продиктовано это внедрением в правоохранительную деятельность формулы: «офицер = закон», то есть простыми словами это означает «защищай себя – ты исполнитель закона». Становится понятным тогда, почему в конфликтных ситуациях американский полицейский относится абсолютно к каждому без исключения человеку, как к вооруженному и потенциально опасному. Многим полицейским это неоднократно спасало жизнь.

Конечно же, существуют и случаи, когда сотрудники полиции США совершали противоправные действия, повлекшие смерть невинных граждан, за что несли заслуженное наказание. Так, в частности, в штате Огайо к юридической ответственности был привлечен полицейский, застреливший ребенка, которому показалось, что в руках у мальчика был не игрушечный, а настоящий пистолет. В процессе расследования данного инцидента было установлено, что стражи правопорядка были вызваны на место происшествия, когда поступило сообщение о том, что ребенок угрожает оружием. Хотя служба спасения предупреждала, что предмет похож на игрушечный пистолет [1].

К юридической ответственности заслуженно был привлечен и тот полицейский, который в штате Южная Каролина 4 апреля 2015 г. остановил на шоссе 50-летнего местного жителя из-за разбитой фары его автомобиля. Через некоторое время между блюстителем правопорядка и водителем завязалась потасовка. Когда же последний попытался сбежать, то офицер восемь раз выстрелил ему в спину и подкинул какой-то предмет. Посчастливилось, что данный факт был зафиксирован на камеру очевидцами происшествия, что стало основанием для предъявления полицейскому обвинения в убийстве чернокожего [2].

С целью подтверждения правомерности своих действий во время выполнения возложенных на них служебных обязанностей сотрудники полиции США активно используют нагрудные камеры, запись с которых является доказательством правомерности их действий. Нагрудные камеры оснащены также микрофоном – то есть сразу происходит аудиозапись ситуаций, в которые попадает офицер. Так, к примеру, Департамент полиции Нового Орлеана уже сегодня использует более 1,4 тысяч камер, которые носят с собой правоохранители. Это произошло благодаря тому, что полиция Нового Орлеана заключила с американской компанией «Vu Digital» контракт на поставку системы автоматического «просмотра» видеозаписей «SMARRT». Как уверяет последняя, новая система существенно ускоряет и упрощает просмотр видеозаписей, сделанных камерами патрулей. Система «SMARRT» позволяет также автоматически загружать видеозаписи с дисков

камер, а затем проводить их покадровый анализ. Специальное программное обеспечение еще способно обнаруживать и распознавать в отснятых кадрах лица и текст, вести анализ метаданных видеозаписи и проводить расшифровку аудиодорожки [8].

На данном примере становится очевидным то, что с помощью современных технических средств и информационно-поисковых систем можно избегать тех ситуаций, когда сотруднику полиции не получается должным образом подтвердить законность своих действий или же противоправность поведения того или иного гражданина. Также трудно представить, что в современных реалиях органы внутренних дел могут эффективно выполнять свои правоохранительные задачи, когда у них отсутствует оперативная информация о факте противоправного деяния или о личности правонарушителя [3, с. 234]. Однако такая информация всегда нужна стражам правопорядка как воздух. Она залог того, что своевременно будут обеспечены защита прав и свобод всех законопослушных граждан, а также объективное и всестороннее расследование факта правонарушения.

Такую информацию уже сейчас можно получать при автоматическом распознавании лиц, которое, к сожалению, пока что в Луганской Народной Республике не развито, хотя уже долгие годы внедрено и эффективно применяется в других государствах мира. Например, в России, а именно в Невельском УВД Сахалинской обл. используются IP-камеры, которые позволяют полицейским наблюдать за действиями граждан. Задействуя последние в своей правоохранительной деятельности сотрудники ОВД неоднократно пресекали, к примеру, попытки определенных водителей управлять транспортными средствами в состоянии опьянения. Правоохранители по IP-камерам замечали, что гражданин сел за руль автомобиля в «одурманенном» состоянии. Соответствующая информация дальше оперативно передавалась ближайшему дорожному патрулю УВД, который впоследствии оставил правонарушителя [4].

Приведенный пример демонстрирует не только обозначенные достоинства использования указанного технического средства в деле пресечения правонарушений, но он также показывает, что сотрудники полиции, применив IP-камеру, могут дальше

себе уже представить то: 1) с кем и по какому поводу им придется взаимодействовать; 2) как вести себя с подозреваемым; 3) какие специальные средства они могут применить для его задержания и т.д.

Стоит отметить, что новейшие информационные технологии широко внедряются также в деятельность подразделений патрульно-постовой службы, вневедомственной охраны и других мобильных подразделений российской полиции. В частности, на базе планшетного компьютера разработана система мобильного удаленного защищенного доступа, которая позволяет сотрудникам указанных служб оперативно получать из информационных систем достоверные данные о гражданах, о находящихся в розыске и угнанных транспортных средствах, другие оперативно-значимые сведения. Благодаря указанным информационным технологиям достигается повышение эффективности раскрытия противоправных деяний по «горячим» следам. На данный момент такими устройствами оснащены более 700 автомобилей в 26 МВД, ГУМВД и УМВД России по субъектам РФ (из них 400 передано в нужды подразделений патрульно-постовой службы, 300 – в подразделения вневедомственной охраны) [10, с. 5]. Соответствующий опыт нужно перенять и сотрудникам полиции ЛНР.

Обратим внимание еще на один аспект правоохранительной деятельности полицейских, который, как нам кажется, в Луганской Народной Республике уже должен привлечь к себе должное внимание со стороны ученых, правоприменителей и законодателя. На наш взгляд, важно обсудить вопрос о целесообразности наделения правом сотрудников полиции ЛНР применять в определенных ситуациях в качестве специального средства электрошокеры. Одной из таких ситуаций может быть невозможность применения согласно ст. 19 Закона ЛНР «О полиции» огнестрельного оружия при значительном скоплении граждан [7]. Допущение же использования в подобной обстановке электрошоковых устройств было бы, по нашему мнению, наиболее оправданным и эффективным.

Чем хороши электрошокеры? Они, к примеру, одинаково сильно могут поразить нападающего независимо от его психического и физиологического состояния. Если правонарушитель будет

находиться в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, аффекта, то сила электрического разряда все равно эффективно на него поведет и вызовет мгновенное онемение или временный паралич конечностей. При этом возможность летального исхода исключена. Электрошомеры – это нелегальное спец. средство.

Резюмируя изложенное, хотелось бы выразить надежду на то, что порядок применения электрошоковых спец. средств будет закреплен в Законе ЛНР «О полиции», после чего на практических занятиях в училище первоначальной подготовки центра переподготовки и повышения квалификации сотрудников МВД ГУ ЛНР «ЛАВД им. Э.А. Дидоренко» полицейские смогут обучиться правильному применению последних. Необходимо также будет разработать и принять соответствующий нормативно-правовой акт, который предоставит возможность сотрудникам полиции ЛНР использовать специальные средства видеofиксации (нагрудные видеокамеры) в их повседневной деятельности, а также определит условия признания, отснятого на такие устройства видео в качестве доказательства по административному или уголовному делу.

Литература

1. В Огайо опубликовано видео убийства 12-летнего мальчика полицейским [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20141127/1035339469.html>
2. В США полицейский восемь раз выстрелил в спину безоружному [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://life.ru/t/новости/152329>
3. Ильяшенко А.Н. Особенности использования оперативно-розыскной информации в криминалистической регистрации органов внутренних дел // Общество и право. – 2011. – № 2 (34). – С. 231-238.
4. Камеры видеонаблюдения Axis в основе системы «Умный город» Невельска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.secnews.ru/pr/22544.htm#axzz6M7mFeuXA>
5. Киселев А.К. Современная история: еще раз о причинах гибели полицейских // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 1 (39). – С. 265-274.

6. На российских полицейских нападают все чаще. Оружие им только вредит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2018/09/21/police/>

7. О полиции [Электронный ресурс]: Закон Луганской Народной Республики от 10.11.2014 № 38-1 // Сайт Народного Совета ЛНР. – Луганск, 2020. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/907/>

8. Спецсистема начнет «просматривать» видео за полицейских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nplus1.ru/news/2016/07/14/video>

9. Стой. Стрелять не буду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/09/oruzhie.html>

10. Гюркин М.Л. Перспективы внедрения современных IT-технологий в служебную деятельность органов внутренних дел // Вестник ВИ МВД России. – 2011. – № 4. – С. 4-8.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

УДК 799.31:351.74/.76

**В.В. Серебряк
С.В. Попов**

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
СТРЕЛКОВЫХ ТРЕНАЖЕРОВ В ПРОЦЕССЕ
ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ**

Уровень владения сотрудниками полиции огнестрельным оружием является важным показателем их возможности эффективно и безопасно выполнять поставленные задачи по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Анализ работы ведомственных учебных заведений МВД показывает, что современная система обучения огневой подготовке требует определенных корректив, особенно в разделах практического обучения стрельбе. Авторами обозначаются конкретные пути совершенствования обучения полицейских огневой подготовке, которые заключаются в постепенной адаптации обучаемых к работе с огнестрельным оружием на основе использования современных стрелковых тренажеров, создающих среду управляемого экстремально-искусственного окружения, отражающего сюжеты и особенности будущей профессиональной деятельности. Такой подход способствует формированию уверенности и надежности применения оружия в различных условиях служебной деятельности.

Ключевые слова: *огневая подготовка, обучение стрельбе, сотрудники полиции, адаптация, стрелковые тренажеры.*

The rate of possession of firearms by police officers is significant index their ability to perform the assigned tasks of efficient protection of public order and the fighting against the crime. The research of the educational practice of learning institutions of the Ministry of Internal Affairs shows that the traditional system of shooting training requires certain changes, especially in

the sections of practical training of the shooting. The authors of the article suggest distinct ways to improve the shooting training of police officers which consists step by step adaptation to using the firearms based on the applying modern shooting simulators creating the controlled environment of the extreme artificial surroundings that reflect the features of their future vocation. Such approach contributes formation their confidence and reliability of using the weapon in the different conditions of police activity.

Keywords: *police officer, practical shooting training, modern shooting simulators, police activity.*

Становление и развитие любого демократического государства и общества выдвигают повышенные требования к системе обучения сотрудников правоохранительных органов, что обуславливает необходимость поиска новых путей повышения качества подготовки специалистов.

Анализ криминогенной обстановки указывает, что в условиях военного конфликта на Донбассе у преступников появилось значительное количество огнестрельного оружия, что значительно повышает опасность несения службы сотрудниками полиции и подчеркивает актуальность использования новейших методов обучения их стрельбе.

Качественный уровень подготовки специалистов возможно обеспечить только используя передовые современные технологии в области науки и практики, которые направлены на совершенствование средств и методов обучения. Накопленный отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что включение в учебный процесс огневой подготовки современных технических средств, позволяет быстро и максимально эффективно достигать поставленных учебных целей в условиях существующей методики обучения огневой подготовке [1].

Инновации в системе обучения применению стрелкового оружия проявляются во внедрении информационных технологий и создаваемых тренажерных и имитационных средств. По мнению К.В. Аксенова «поиск и обоснование путей оптимизации процесса обучения, которые бы обеспечивали наиболее быстрое и прочное усвоение учебного материала и возможность результативного использования знаний, умений и навыков при практи-

ческом выполнении огневых задач, возможны при взаимосвязанном использованием информационных технологий и современных тренажерных средств [2, с. 520].

Следует отметить, что огневая подготовка является одной из важных составных частей профессионального обучения личного состава МВД, главной целью которой является формирование готовности сотрудников полиции к грамотным действиям с огнестрельным оружием в различных ситуациях. Совершенствованию огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел посвятили свои научные труды такие ученые, как К. Аксенов, Ю. Подлипняк, А. Щипин, А. Хвастунов, В. Торопов, С. Горбенков, В. Колухов, А. Калинин, Е. Шестопапов, Ю. Ленева и многие другие исследователи.

Важнейшей задачей ведомственных учебных заведений МВД является обучение сотрудников полиции правомерному и умелому обращению с огнестрельным оружием. На занятиях по огневой подготовке в отведенное учебное время необходимо обеспечить будущих сотрудников полиции знаниями материальной части оружия, мер безопасности при обращении с ним, правовых основ его применения, а также сформировать устойчивые практические навыки стрельбы. Успешность решения данной задачи во многом зависит от наличия материально-технической базы, учебного и боевого оружия, боеприпасов, специализированных учебных помещений, современных стрелковых тренажеров, тиров и стрельбищ. Аналогичный подход поддерживает А.В. Дмитриев, который утверждает, что «практика использования инновационных технологий показала, что переменный и постоянный состав учебных заведений проявляет огромный интерес к электронным стрелковым тренажерам и комплексам, поскольку самостоятельная работа на тренажерах позволяет существенно улучшить и стабилизировать результаты сотрудников с различным уровнем стрелковой подготовки [3, с. 146].

Сегодня в учебных заведениях МВД России задача по достижению высокого качества обучения огневой подготовке решается путем повышения эффективности учебных занятий на основе использования современных интерактивных лазерных тренаже-

ров. Так, большинство ведущих ВУЗов МВД РФ для интенсификации обучения стрельбе активно используют лазерные стрелковые тренажеры «Рубин» [4].

Принцип действия ЛСТ «Рубин» заключается в проведении имитации стрельбы из учебного оружия, которое в точности копирует боевое и оснащено лазерным оборудованием. При выстреле лазерная точка на мишени фиксируется камерой, подключенной к компьютеру, и отображается на экране монитора. Одновременно с помощью активных колонок происходит имитация звука выстрела [5].

Использование ЛСТ «Рубин» дает возможность: выполнять тренировочные стрельбы до четырех стрелков с одновременной регистрацией, обработкой и отображением персональных результатов по каждому стрелку, а также проводить тренировку с массогабаритными имитаторами оружия. Имитация дальности стрельбы может колебаться от 6 до 25 метров для пистолета Макарова и от 12 до 50 метров для автомата Калашникова.

Преимуществами использования ЛСТ «Рубин» при обучении сотрудников полиции огневой подготовке являются:

1. Полная безопасность обучаемых и других лиц при работе с оружием на месте и в движении.

2. Возможность установки тренажера в любом помещении, например, в обычном классе либо на открытом воздухе.

3. Возможность на первоначальном этапе обучения работать над постановкой правильной стойки, хвата оружия, дыхания, удержания оружия, прицеливания, производства плавного спуска курка.

4. Возможность безопасно отрабатывать скоростное извлечение оружия с изготовкой к стрельбе с производством выстрела сразу несколькими обучаемыми.

5. Возможность изучать новые приемы стрельбы и элементы передвижения, приемы интуитивной стрельбы, стрельбы с уходом с линии выстрела, стрельбы с перекатами и т.д.

6. Отрабатывать упражнения в полном соответствии с требованиями Курса стрельб МВД.

Важной особенностью использования стрелковых тренажеров является возможность разнообразного моделирования и мно-

гократного проигрывания ситуаций и сюжетов в условиях, близких к специфической структуре реальной службы. Организация учебного процесса на основе использования современных стрелковых тренажеров позволит создать среду управляемого экстремально-искусственного окружения будущей профессиональной деятельности, что способствует формированию уверенности и надежности применения оружия в различных условиях. Такой подход дает возможность постепенно адаптировать будущих сотрудников полиции к уверенному обращению с огнестрельным оружием, акцентирует внимание на соблюдение мер безопасности и основных моментах техники, которые необходимы при обучении стрельбе.

Применение современных технических средств способствует повышению качества обучения стрельбе из огнестрельного оружия и оптимизации учебного процесса профессионально-прикладной подготовки сотрудников полиции.

Литература

1. Иванов В.Е. Актуальные проблемы обеспечения огневой подготовки как составной части профессиональной служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел РФ / В.Е. Иванов, Е.В. Кузнецова, К.А. Яблонский // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 79-83.

2. Аксенов К.В. Применение компьютерных технологий обучения стрельбе из стрелкового оружия / К.В. Аксенов // Образовательные технологии и общество. – 2015. – № 1. – С. 519-534.

3. Дмитриев А.В. Инновационные технологий в системе огневой подготовки как необходимый фактор повышения профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел / А.В. Дмитриев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 146-148.

4. Гончаренко Э.А. Использование технических средств обучения при проведении занятий по огневой подготовке / Э.А. Гончаренко // материалы II междунар. науч.-техн. конф. – Минск, 2014. – С. 166-170.

5. Лазерные стрелковые комплексы «Рубин». – URL: <http://www.lasertools.ru/products/tir/lsk.html> (дата обращения: 20.05.2020).

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Статья посвящена анализу результатов исследования психолого-педагогических аспектов разных юридических профессий. Проведенный анализ позволил выделить психолого-педагогические качества, необходимые в разной степени представителям различных юридических профессий, и создать необходимые психолого-педагогические условия с целью формирования этих качеств у будущих юристов в процессе психолого-педагогической подготовки на основе индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей студентов. Это также дает возможность выделить педагогические аспекты юридической профессии, которая требует кардинальных личностных перемен. В результате формирования профессиональной компетентности, будущие юристы получают возможность самоопределения в отношении деятельности, формировать в дальнейшем многорольную профессиональную компетентность студента в пределах: «наиболее рекомендуемая юридическая профессия» – «возможная юридическая профессия» – «юридическая будущей профессии».

Ключевые слова: *юридические профессии, профессиограмма, психолого-педагогические аспекты, ранжирование.*

The article is devoted to the analysis of the results of the study of the psychological and pedagogical aspects of various legal professions. The analysis highlighted the psychological and pedagogical qualities necessary to various degrees for representatives of various legal professions, and create the necessary psychological and pedagogical conditions for the formation of these qualities in future lawyers in the process of psychological and pedagogical training based on the individual psychological and socio-psychological characteristics of students. It also makes it possible to highlight the pedagogical aspects of the legal profession, which requires cardinal personal changes. As a result of the formation of professional competence, future lawyers will have the opportunity to self-determination in relation to their activities, to form in the future the multi-role professional competence of the student within: "the most recommended legal profession" - "possible legal profession" - "legal future profession".

Keywords: *legal professions, psychological and pedagogical aspects, professionogram, ranging.*

Постановка проблемы в общем виде. Профессиональную деятельность юриста следует рассматривать как отдельный вид трудовой деятельности, поскольку она имеет свой предмет, специфические характеристики в зависимости от разновидности юридической деятельности, ее профиля – правотворчество, правоприменение, охрана права, оказание юридической помощи (правозащита), согласно которому функции субъектов данного вида деятельности приобретают специфические признаки, которые определяются профессией.

Каждая отдельная профессия юриста имеет свои особенности, свои средства и условия, ее можно рассматривать на уровне родовой специфики – как юридическую деятельность вообще, так и на уровне видовой, то есть конкретной профессии. Юридическая деятельность является многопредметной и каждый из ее разновидностей имеет свои психолого-педагогические аспекты, которые конкретизированы в отдельных юридических профессиях.

Исследование педагогических и психологических аспектов отдельных юридических профессий предоставит нам возможность выделить профессионально значимые для конкретной юридической профессии качества специалиста, что и является целью нашего исследования.

Результаты исследования позволяют индивидуализировать профессиональное развитие студентов университетов в соответствии с их индивидуально-психологическими особенностями, педагогическими наклонностями и конкретизацией направленности на соответствующую юридическую профессию в будущем.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы

Как свидетельствуют результаты исследования, в современной юридической, педагогической, психологической науках основное внимание уделяется выяснению управленческих, психологических и педагогических аспектов профессиональной деятельности юристов, работающих в системе правоохранительных органов, то есть следователя, прокурора, судьи.

В поле зрения ученых находились в основном юристы – будущие работники правоохранительных органов – Г.Е. Запорожцева [1], Е.О. Козловская [2], О.М. Кретчак [3], А.П. Москаленко [4], Г.Х. Яворская [5] и другие; следователи – В.Г. Андросюк [6]; прокуроры, судьи – С.А. Анисимов [7] и другие. В основном внимание исследователей привлекали психологические аспекты профессиограммы юриста, и только некоторые, например, Г.Х. Яворская, исследовала и педагогические аспекты [5]. Исследовательница рассматривала педагогические функции в деятельности представителей различных юридических профессий, основное внимание уделяя специфике работы сотрудников правоохранительных органов. Г.Х. Яворская отмечает, что специфика юриста гораздо чаще, чем любая другая профессия, требует пригодности к педагогической деятельности, ведь к личности будущего юриста выдвигается ряд важных требований, в том числе и как к педагогу, например, склонность к работе с людьми, коммуникабельность, тактичность, наблюдательность, организаторские способности, высокая требовательность к себе и т.д. [5].

Рассмотрение отдельно психологических или педагогических аспектов в контексте конкретной юридической профессии или иной подход – исследование профессионально значимых психолого-педагогических качеств юристов в целом без учета направленности на конкретную юридическую профессию – С.М. Пелипчук [8], О.Е. Беркович [9]. Это побудило нас к поискам решения проблемы построения профессиограмм конкретных юридических профессий, в частности – их психолого-педагогических аспектов, что является целью нашего исследования.

Изложение основного материала исследования

Для того, чтобы выяснить, какие профессионально значимые качества должна формировать у будущих юристов психолого-педагогическая подготовка в высших учебных заведениях Луганской Народной Республике, необходимо проанализировать психолого-педагогические аспекты каждой из юридических профессий, которые мы выбрали для анализа в нашем исследовании – прокурора, судьи, адвоката, юрисконсульта, нотариуса. Изучение имеющихся подходов показывает, что исследователи

по-разному подходят к построению функциональной модели подготовки и деятельности специалиста в зависимости от общего понимания структуры профессиональной деятельности.

Уровень актуализации задачи определения профессионально значимых психолого-педагогических качеств, которые необходимо сформировать у будущего юриста в процессе психолого-педагогической подготовки, повышается в связи с тем, что каждый юрист по окончании вуза может изменить свою профессию (согласно законам ЛНР «О статусе судей» от 22.05.2015, «Об адвокатуре» от 28.08.2018, Временному положению «О нотариате» от 18.10.2019), и работать в другой сфере.

Формирование психолого-педагогической готовности будущего юриста к профессиональной деятельности в процессе психолого-педагогической подготовки в вузе предполагает создание модели подготовки специалиста на основе анализа деятельности юриста.

Для решения задач, указанных в исследовании, важное значение имеет определение структуры юридической деятельности, что позволит в дальнейшем выяснить связи между различными формами юридической практической деятельности (профессиональной деятельности юриста как практика), психолого-педагогическими аспектами различных юридических профессий и психолого-педагогическими аспектами профессиональной подготовки юристов в высших учебных заведениях.

Психолого-педагогический анализ профессиональной деятельности юриста охватывает ее структурные компоненты (подструктуры деятельности).

Требования к деятельности юриста в той или иной сфере отражаются в профессиограмме. Профессиограмма необходима как ориентир подготовки юриста-специалиста, а также в качестве критерия профессиональной компетентности для практикующего юриста в области правоприменительной, правоохранительной и контрольно-надзорной деятельности государства.

С целью уточнения психолого-педагогической характеристики деятельности юристов – представителей отдельных юридических профессий – юрисконсультов, нотариусов, судей, прокуроров, адвокатов, нами было проведено среди них анкетирования

(метод экспертной оценки). Опрос проводился по модифицированной нами анкете К.К. Платонова, в которую кроме психофизических, психологических параметров были добавлены педагогические, организационно-управленческие качества, конкретизированы коммуникативные качества (всего 50 вопросов). Общее количество опрошенных – 63 человека. Среди них юристы со стажем работы от 5 до 22 лет. На первом этапе проводился анализ профессиограмм юридических профессий, выдвигались рабочие гипотезы относительно профессионально значимых качеств; на втором этапе эксперты в индивидуальной форме определяли профессионально важные качества профессий по указанной методике; на третьем – оценивали рассчитанные баллы уровня развития профессионально важных качеств, полученные по результатам второго этапа. Каждое из указанных качеств могло быть оценено в диапазоне от 7 (высший балл) до 1 (самый низкий балл) баллов, результат 7 – 5 баллов рассматривался как высокий уровень, 4 – как средний, 3 – 1 – как низкий. В дальнейшем качества объединялись в группы в соответствии с определенными нами психолого-педагогическими подструктурами юридической деятельности – познавательной (умственные качества), коммуникативной, организационно-управленческой. Социальная (воспитательная) подструктура требует более детального содержательного анализа комплекса качеств, поэтому это задача для отдельного исследования.

Проведенное исследование позволило определить некоторые тенденции значимости комплексов коммуникативных, организационно-управленческих, интеллектуальных, волевых, эмоциональных, имажинитивных, мнемических и атенционных профессионально значимых качеств представителей различных юридических профессий, важность которых в целом уменьшается в следующем порядке: прокурор, юрисконсульт, адвокат, судья, нотариус.

В то же время в результате опроса подтвердилась наша гипотеза относительно существенных различий в психолого-педагогических характеристиках, присущих представителям различных юридических профессий, каждая из которых отличается от других профессиограммой. Объемы статьи не позволяют привести

все графики и диаграммы, однако некоторые комментарии относительно различий в профессиограмме целесообразно предоставить.

На основе полученных данных появилась возможность определить профессионально значимые качества – получившие баллы от 7 до 4,1. В дальнейшем мы рассматривали полученные комплексы качеств и отдельные их составляющие как «выше среднего уровня значимости» – от 4,1 до 5, «высокого уровня значимости» – от 5,1 до 6 и «высокого уровня значимости» – диапазон от 6,1 до 7.

В частности, высокие ранговые позиции организационно-управленческих умений у прокуроров – 6,9, юрисконсульты – 5,5, выше среднего уровня значимости – у судей – 4,87. В то же время – это самый низкий показатель среди аналогичных в других профессиях.

Наиболее профессионально значимыми считают для себя прокуроры познавательные (интеллектуальные) качества – 6,7 и юрисконсульты – 6,3. В то же время такое качество интеллекта как критичность, было признано за самое необходимое нотариусами 6,3 и прокурорами – 6.

Имажинитивные качества (воображение) – у прокурора, юрисконсульта, адвоката – на высоком уровне, у судей, нотариусов – достаточный уровень, выше среднего.

Волевые качества – у прокурора, юрисконсульта – самый высокий уровень, у других – высокий.

Эмоциональные качества – у прокурора – самый высокий уровень, у нотариуса – выше среднего, остальные – высокий уровень.

Аттенционные качества (внимание) почти на одинаковом уровне у нотариусов, юрисконсульты и адвокатов – по 5,7 и судей – 5,6, однако параметры этих свойств разные – распределение внимания актуально для юрисконсульты, адвокатов и судей, а концентрация внимания – соответственно – у нотариусов, что связано со спецификой профессиональных функций.

Мнемические (память) – юрисконсульты – самый высокий уровень, судьи – выше среднего, другие – высокий уровень.

Самым необходимым качеством является «дипломатичность» для юрисконсультов – 6,5 и нотариусов – 6,2.

«Педантичность в соблюдении правил» наиболее выражена в профессиограмме нотариусов 5,9 и юрисконсультов – 5,5, и было бы естественно ожидать, что именно они наименее подвержены экспериментам и оказывают предпочтение не творчеству, а апробации. Однако результаты свидетельствуют о другом. «Традиционалистами» оказались судьи, зато юрисконсульты среди представителей других профессий оказались склонными к экспериментам, а творческий подход присущ и «щепетильным» нотариусам. В процессе обсуждения полученных результатов с экспертами выяснилось, что щепетильность юристы понимают, как выполнение законов, нормативность деятельности, что вполне органично сочетается с творчеством в области организационно-управленческих качеств (юрисконсульты) и общения (нотариусы).

Прокуроры – 7,0, адвокаты – 7,0 и судьи – 6,7 больше других представителей указанных профессий чувствуют необходимость иметь такое качество как обучаемость, что вполне естественно, учитывая необходимость для них быть «универсалами» – специалистами во всех отраслях права – уголовного, гражданского, административного, хозяйственного и т.п., а также «переучиваться» в течение жизни.

Наиболее графически похожими является профессиограммы юрисконсультов и адвокатов. Это объясняется тем, что юрисконсульты очень часто сочетают эти профессии.

Выводы

Выделенные в результате исследования профессионально важные психолого-педагогические качества для различных юридических профессий соответствуют их специфике и являются необходимыми и достаточными, обеспечивающими эффективность их деятельности в целом и отдельных подструктур профессиональной деятельности в частности: познавательной, коммуникативной, организационной, социальной (воспитательной).

Экспертная оценка значимости психолого-педагогических качеств, актуальных для отдельных юридических профессий позволила выявить общие тенденции и различия в соответствующих требованиях к этим профессиям.

Полученные данные могут быть использованы как показатели профессиональной пригодности при отборе кандидатов на должности по специальности; в учебном процессе – с целью развития профессиональных качеств будущих юристов.

Проведенный анализ позволяет выделить психолого-педагогические качества, необходимые в разной степени представителям различных юридических профессий, и создать необходимые психолого-педагогические условия с целью формирования этих качеств у будущих юристов в процессе психолого-педагогической подготовки на основе индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей студентов. Это также дает возможность выделить педагогические аспекты юридической деятельности, формировать в дальнейшем многоуровневую профессиональную компетентность студента в пределах: «наиболее рекомендуемая юридическая профессия» – «возможная юридическая профессия» – «юридическая профессия, которая требует кардинальных личностных перемен». В результате формирования профессиональной компетентности, будущие юристы получают возможность самоопределения в отношении будущей профессии.

Литература

1. Запорожцева Г.Є. Психологічний аналіз професійної діяльності інспектора міліції та визначальні умови її вдосконалення: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Г. Э. Запорожцева. – К.: Національна академія внутрішніх справ України, 2002. – 235 с.

2. Козловская Е.О. Психолого-педагогические основы деятельности участкового инспектора милиции: учебное пособие / Е. О. Козловская. – М.: Юрист, 1990. – 180 с.

3. Кретчак О.М. Психологічний аналіз професійної діяльності міліціонерів ДСО при МВС України та визначальні умови її удосконалення: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / О.М. Кретчак. – К.: Національна академія внутрішніх справ України, 2003. – 160 с.

4. Москаленко А.П. Психологічна модель особистості працівника органів внутрішніх справ // Соціальна психологія. – 2008. – № 4. – С. 136-143.

5. Яворська Г.Х. Теоретичні та методичні засади формування соціально-професійної зрілості курсантів вищих навчальних закладів

МВС України: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Г. Х. Яворська. – К.: Інститут педагогіки і психології професійної освіти АПН України, 2006. – 479 арк. + дод.

6. Андросюк В.Г. Психологія слідчої діяльності: навч. посібник / В.Г. Андросюк. – К.: Українська академія внутрішніх справ, 1994. – 106 с.

7. Анисимов С.А. Психодиагностические противопоказания к деятельности служащих судов и прокуратуры / С. А. Анисимов, А. С. Гусева, С. Л. Кандыбович, Н. И. Конюхов. – М., Юрист, 1999. – 86 с.

8. Пелипчук С.М. Педагогічні умови формування суб'єктності майбутніх юристів у процесі вивчення психолого-педагогічних дисциплін: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / С. М. Пелипчук. – К., 2007. – 23 с.

9. Беркович О.Е. Формирование умений профессионально-правового общения у будущих юристов [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О. Е. Беркович. – Нижний Новгород. – 151 с.

УДК 378.016:7.017.4(470+571)«189/195»

В.И. Бугаев

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье исследуются традиции педагогических систем цветовосприятия искусства выдающихся представителей русской культуры конца XIX – первой половины XX века – И.Е. Репина, В.И. Серова, И.Э. Грабаря, А.А. Федорова-Давыдова, Б.И. Йогансона, Н.П. Крымова. В современном художественно-дизайнерском образовании обращение к наследию цветовосприятия мироздания русских педагогов является гарантом духовного развития сознательно-творческого потенциала молодого поколения.

Ключевые слова: искусство, цветовосприятие, педагогическая система, академизм, импрессионизм.

The article explores the traditions of pedagogical systems of color perception of art by prominent representatives of Russian culture of the late 19th and first half of the 20th century – I. Repin, V. Serova, I. Grabar, A. Fedorova-Davydova, B. Johanson, N. Krymova. In modern art and design education, an

appeal to the heritage of color perception of the universe of Russian teachers is a guarantee of the spiritual development of the conscious and creative potential of the young generation.

Keywords: *art, color perception, pedagogical system, academism, impressionism.*

Искусство, как система, разработана в концепции «семиосферы» выдающегося российского педагога Ю.М. Лотмана. Проблема «символа и реалистического искусства» обоснована русским ученым А.Ф. Лосевым. Цветовосприятие системы мирового искусства исследовано в трудах ученых и педагогов С.С. Аверенцева, М.И. Алпатова, В.В. Бычкова, М.М. Гуревича, А.В. Ефимова, А.А. Жадовой, В.А. Зернова, А.В. Лебедева, Л.Н. Мироновой, Н.М. Молевой, Б.М. Неменского, Е.Б. Рабкина, В.А. Фаворского, западных ученых Р. Арнхейма, А. Банфи, Й. Иттена, Дж. Нельсона, К.Г. Юнга. В авторских пособиях [1; 2] исследованы теории цветовосприятия мирового искусства. Не разрешенной ранее проблемой является цветовосприятие искусства в русской педагогической системе.

Целью статьи является исследование традиций педагогической системы в цветовосприятии русского искусства конца 19 – первой половины 20 века.

Цель статьи предполагает разрешение следующих задач:

1. Истоки развития педагогики цветовосприятия русского искусства.

2. Развитие цветовосприятия искусства в педагогической системе И.Е. Репина, В.А. Серова, И.Э. Грабаря, А.А. Федорова-Давыдова, Б.В. Йогансона, Н.П. Крымова.

Постмодернистские деструктивные тенденции в современном художественно-дизайнерском образовании породили массу моральных, этических и эстетических проблем современной глобальной культуры. Массовость символики «виртуальной реальности» определяет судьбу молодого творческого поколения. Студенты вузов культуры и искусства с одной стороны имеют широкий доступ к информации сети интернета, с другой стороны нет адаптации к ценностям континуума мировой культуры и образования.

Актуальной задачей современного художественно-дизайнерского образования является приобщение к духовным ценностям мирового искусства. Русское искусство и педагогика сохранили наследие духовности цветовосприятия мироздания и являются гарантом классических, незыблемых основ художественных приемов и техник. Данные основы раскрывают сознательно-творческий потенциал творческой молодежи.

Начало истории педагогики цветовосприятия русского искусства было предпринято в начале 18 века, когда Император Петр I выдвинул идею об учреждении в России Академии художеств. Первым профессором Академии художеств в Санкт-Петербурге был прославленный мастер светотеневой модулировки Г.Ф. Шмидт (1712 – 1775). Профессор и директор Академии художеств А.П. Лосенко (1737 – 1773) внес в педагогику русского искусства традицию цветовосприятия античного идеала. Насыщенные цветовым богатством артефакты профессора Петербургской академии К.П. Брюллова (1799 – 1852) оставили в истории русской культуры неповторимое наследие – «акме» непревзойденного мастерства, радугу жизнеутверждения, радости и любви к природе и человеку. Прославленный русский педагог П.П. Чистяков (1832 – 1919) основал теорию цветовосприятия искусства, построенную на материалистическом мировоззрении. Ее исходным принципом был взгляд на искусство, как на способ изучения и познания окружающей действительности. В педагогической системе И.Н. Крамского (1837 – 1888) все богатство мира и его красок состояло в убеждении «общественного служения». В этом заключалась миссия искусства.

Выдающийся русский художник И.Е. Репин (1844 – 1930) продолжает в педагогической теории традиции реалистического искусства своих учителей – Чистякова и Крамского. Он указывает на две крайности цветовосприятия искусства – «академизм» и «импрессионизм». В своей книге «Далекое близкое» русский педагог замечал: «Импрессионисты заметно вырождаются, устаревают, уменьшились в числе. Сделав свое дело – освежив искусство от рутинного академического направления с его тяжелым коричневым колоритом и условными композициями, они сами впали в рутину лиловых, голубых и оранжевых рефлексов» [6, с. 128].

Дилетантизм в искусстве Репин называет «невежественным», «безвкусным», «псевдоаристократическим», «холодным» и «бездарным». Русский художник тонко разбирался в направлениях мирового искусства – выделял «христианское», «языческое» и «античное» ответвления»: «Первоначальное христианство чувствовало соблазн языческих форм, окруженное еще всем великолепием античного мира, оно с ожесточением, по-вандалски уничтожало эти прелести и начинало свое детское искусство духа» [6, с. 126].

Главным стимулом в искусстве Репин считал правду. Правда была заключена в его творчестве и педагогике. «Народность» его искусства была соподчинена и согласовалась с преподаванием в Академии.

Педагогическая система П.П. Чистякова строилась на строгом овладении светотеневой модулировкой формы, как основы дальнейшего построения цветовосприятия колорита. В.А. Серов во внеурочное академическое время посещал занятия П.П. Чистякова, где он учился наряду со своим другом М.А. Врубелем школе чистяковского рисунка.

Чистяков в своей системе изучения природы иногда ставил нелепые задачи. Так, на одном из занятий он бросил лист бумаги и заставил своего ученика изобразить его. В.А. Серов был в недоумении и исполнил работу с неохотой. Пустая чистяковская задача оказалась не под силу. В дальнейшем В.А. Серов считал, что «каждая задача становится не пустой или ничтожной, а в высшей степени интересной, которую нужно разрешить во всю мочь» [7, с. 283].

Упорство ученика в изучении «чистяковской школы» привело к познанию и новизне цветовосприятия «Девушки, освещенной солнцем» и «Девочки с персиками». Чистяков настаивал на задачах тональной живописи, которая обращена к познанию природы. Изучая ее закономерности, художник, согласно теории П.П. Чистякова, создает нечто новое, истонченное.

Герменевтика «Девочки с персиками» и «Девушки, освещенной солнцем» апеллирует именно к познанию природы, неразрывной традиции русской тональной живописи, строгому отбору цветовых отношений, новаторству в познании «пленерных» цветовых живописных задач.

Становление сознания «античного идеала» В.А. Серовым оправдывалось авангардным увлечением «эпохи декадентства». И.Е. Репин, ревностно относившийся к творчеству «любимого ученика» не признавал его наворотства и нового живописного понимания искусства.

П.П. Чистяков высоко ценил творчество В.А. Серова. В своих скупых высказываниях он замечает лишь о двоих известных русских художниках: «Да, система моя трудновата, немногие поняли ее – Серов, Савинский» [7, с. 59]. Речь идет о строгой цвето-тоновой школе Чистякова, требующей тончайших цветовых изучений природы, которой В.А. Серов овладел в совершенстве. Этого он требовал и от своих учеников, когда преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1897 – 1908 г.г.). Цветотонная система Серова была развита в творчестве выдающихся советских художников-педагогов Л.В. Кузнецова, К.С. Петрова-Водкина, Н.П. Ульянова, Р.Г. Фалька.

Русский и советский педагог, живописец, реставратор, искусствовед И.Э. Грабарь (1871 – 1960) продолжил линию цветовосприятия реалистического искусства своих учителей Чистякова и Репина. Многочисленные поиски нового в искусстве привели его к новому восприятию цвета – «девизионизму». Блестящие картины мастера «Мартовский снег», «Февральская лазурь», «Белая зима» заявили о донныне невиданной в русском искусстве манере мелких вкраплений краски, оптических эффектов цветовосприятия мироздания. Живописца и педагога интересует воплощение «колористической задачи и взаимодействие с цветовыми отношениями» [3, с. 4]. Данную манеру он передавал своим ученикам во Всероссийской Академии художеств института живописи, скульптуры и архитектуры, институте истории искусств Академии наук СССР.

Многочисленная база его исследований цветовосприятия искусства воплотилась в трудах «Моя жизнь. Этюды о художниках», «Письма», «История русского искусства», «О древнерусском искусстве».

И.Э. Грабарь в совершенстве владел разрешением цветовосприятия свето-воздушной сферы. На практике он воплотил личные достижения пленерных задач «импрессионизма» в переливах

сложных взаимоотношений цвета. Влюбленность в русскую природу – неотъемлемое качество художника и педагога.

Выдающийся советский педагог, профессор Московского университета имени М.В. Ломоносова, А.А. Федоров-Давыдов считал, что: русское изобразительное искусство – неотрывная часть всей духовной культуры России. Лекционный курс русского ученого в университете, его научные идеи и методологические принципы имели широкий идейно-культурный контекст. Благодаря этому обстоятельству можно правильно понять творческие стимулы русских художников. Федоров-Давыдов считал необходимым учитывать место русского искусства среди других национальных художественных школ. Исследователь Стернин Г.Ю. определяет, что в педагогическом наследии Федорова-Давыдова главным критерием развития русского искусства является «глубокий анализ содержательно-пластических качеств, именно качеств художественного произведения» [8, с. 692].

Художественно-педагогическая система цветовосприятия Федорова-Давыдова выдвигает не только гипотезу сопоставления русского искусства с западноевропейским, но и сравнительный анализ всей структуры художественного сознания.

Федоров-Давыдов оставил огромное наследие мировоззрения стилевых особенностей, говорящих нам о природе искусства цвета в творческих импульсах выдающихся русских мастеров. Он подчеркивает самое существенное понятие мироздания: «Преломление, раздробление объема и кубизм формы М.А. Врубеля преследует одну лишь цель – придать всем вещам сияние, блеск и «лучеиспускаемость» драгоценных камней» [10, с. 153–154].

Авангардное видение мироздания цветовосприятия искусства было приостановлено в 30-е годы 20 столетия педагогическим методом «соцреализма». Выдающийся советский педагог Б. В. Йогансон (1893 – 1973) понимал цветовосприятие искусства, исходя из закономерностей всего строя реалистических традиций. В своей работе «За мастерство в живописи» [4] он придерживался концепции важнейшего фактора живописи – цвета. Все сложнейшие вариации цвета в педагогической системе Йогансона воспринимаются в природе. Мироздание представляет цветовое богатство, в котором не существует ничего бесцветного. Природа исходит

из цвета, начиная с яркого спектра в его первичной чистоте и заканчивая сложнейшей «цветовой игрой» серых и черных оттенков. Объясняя своим ученикам Ленинградского художественного института имени И.Е. Репина, Б.В. Йогансон определял видеть трудности выражения в искусстве сложного цветового звучания. Материал, формы в пространстве выражаются в искусстве тончайшими цветовыми соотношениями теплых и холодных созвучий. Причем под цветовыми отношениями понимаются не только примитивные отношения красного к зеленому, желтого к синему (чего в природе почти не бывает), а и тончайшего серого, определяемого цветовым звучанием. Йогансон говорит о «колорите» не только отккатых цветов формализма Анри Матисса, но выдвигает гипотезу серебристо-серых звучаний русской школы искусства Репина, Сурикова, Серова. Одним из любимых пейзажистов советского педагога – французский художник Камиль Коро. Его тончайшие серебристо-серые пейзажи восхищают нежностью колорита.

Вскрыть законы цветных гармоний является трудной задачей педагогики искусства. Цвет, если его брать в первичной чистоте (красный – от темно-малинового до бледно-розового) имеет целую «шкалу светосил». В самом себе он несет светлоту сложнейших сочетаний и смешений. Светосила, световое рождение разгорается и затухает. Самая напряженная точка спектра, центр белого переходит в бело-желтый, желто-зеленый, синий, лиловый – в одну сторону; в желтый, оранжевый, малиновый, пурпуный – в другую. В природе это сопоставление теплых и холодных оттенков встречается разве что в тропиках или Арктике при ярком закате или восходе солнца. Данное представление Йогансона говорит о цветовом состоянии природы в зависимости от того или иного освещения.

Советский художник учил своих учеников, что при сером дне принцип изображения в искусстве становится другим. Здесь первичные цвета переходят в какой-то тон. Сложнейшие переплетения спектральных звучаний и поглощений настолько тонки, что глаз человека не способен видеть цвет. Он переводится на рельсы светосилы. В свою очередь, этому тончайшему восприятию цвета Йогансона учил его педагог – выдающийся колорист К. Коровин.

Академик Н.П. Крымов (1884 – 1958) формулировал в своей педагогической практике процессы живописной техники, восприятия цвета в искусстве. Учениками Крымова были известные советские живописцы – Кугач, Соломин, Глебов. В начале своей педагогической деятельности русский художник преподавал во ВХУТЕМАСе и Полиграфическом институте. Из-за расхождений в педагогической работе, касающихся господствующего формализма, Крымов оставил данные ВУЗы и перешел преподавать в Пречистенский практический институт. Великолепный преподавательский состав Пречистенки в котором вели свою педагогическую практику К. Коровин, Н. Ульянов, В. Ватагин, Б. Виппер развил педагогический талант Крымова. Ученики Пречистенки относились с уважением к системе преподавания своего учителя. Им была развита школа реалистичного пейзажа. Простые, незатейливые мотивы цветовосприятия русских картин объяснялись русским педагогом, где «Все искусство у живописца в глазах» [5, с. 26].

Крымов продолжал традиции тональной реалистичной живописи, заключающейся в теории его педагогического метода. Он выделял тональные отношения: «Мы говорим о разнице в тоне, когда оттенки одной и той же краски отличаются интенсивностью» [5, с. 26].

Искусство передается тоном (плюс цвет) видимого материала. Тонем называется «степень светосилы цвета» [5, с. 17]. Локальным цветом Крымов называет собственный цвет предмета. Рефлекс составляет всякое освещение и окраску предметов происходящее не от источников света.

Борьба с формализмом в цветовосприятии искусства представлена Д. Штеренбергом. Вместо тона и цвета мы видим, например, изображение стола с печеньем, нанесенным на холст. Данное «видение» формалистов говорит нам о потере «эйдоса» в цветовосприятии искусства. Н. Крымов вел постоянную борьбу с данным отходом от «логики» искусства. Методика цветовосприятия реалистического искусства русского педагога имела широкое распространение в советской, а затем российской художественной изобразительной школе.

В результате нашего исследования традиций цветовосприятия искусства в русской и советской педагогической системе конца 19-первой половины 20 века мы приходим к следующим выводам:

1. Выдающийся русский художник и педагог И.Е. Репин продолжает в педагогической системе традиции цветовосприятия реалистического «народного» искусства. Педагогическая система требует реализации цветовых и тональных отношений, колорита, традиции соподчиненности цвета замыслу картины.

2. Русский педагог и художник В.А. Серов, прошедший педагогическую картину своих учителей, И.Е. Репина и П.П. Чистякова, развил традиции тонового и цветового восприятия реалистического искусства.

3. Русский и советский педагог и художник И.Э. Грабарь развил педагогическую систему нового восприятия цвета – «девизионизм». Пленэрные задачи реалистического искусства разрешены в цветовосприятии световоздушной среды.

4. Выдающийся советский педагог А.А. Федоров-Давыдов развил в своей педагогической системе анализ стилевых особенностей и природу цветовосприятия искусства русских мастеров.

5. В педагогическом методе «соцреализма» выдающийся советский педагог Б.В. Йогансон развивал традицию цветовосприятия искусства, исходя из закономерностей реалистического искусства – «цветовой игры», «колорита» и «цветовой гармонии».

6. Академик Н.П. Крымов в своей педагогической системе разработал процессы живописной техники и восприятие цвета в реалистическом искусстве.

Все эти достижения выдающихся русских и советских педагогов явились классическими акмеологическими и аксиологическими приоритетами развития цветовосприятия мировой культуры.

Литература

1. Бугаев В.И. Цветоведение : учебное пособие для студентов направления подготовки «Дизайн» профиля подготовки «Графический дизайн», «Художественное моделирование одежды», «Дизайн интерьера и среды» / В.И. Бугаев. – Луганск : «Альма-матер», 2016. – 256 с.

2. Бугаев В.И. Цветоведение : учебное пособие для студентов направления подготовки 54.03.01 «Дизайн» профиля подготовки «Графический дизайн», «Художественное моделирование одежды», «Дизайн интерьера и среды» / В. И. Бугаев. – 2-е изд., доп. – Луганск : «Книга», 2017. – 232 с.

3. Грабарь И.Э. Моя жизнь. Этюды о художниках / И. Э. Грабарь. – М. : Республика, 2001. – 496 с.

4. Йогансон Б.В. За мастерство в живописи / Б. В. Йогансон. – М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1952. – 386 с.

5. Крымов Н.П. Художник и педагог. Статьи, воспоминания / Н. П. Крымов. – М. : Изобраз. искусство, 1989. – 224 с.

6. Репин И.Е. Далекое близкое / И. Е. Репин. – М. : Художник РСФСР, 1986. – 488 с.

7. Серова В.С. Как рос мой сын / В. С. Серова. – Ленинград : Художник РСФСР, 1968. – 295 с.

8. Стернин Г.Ю. А. Федоров-Давыдов – ученый и педагог / Г. Ю. Стернин // А. Федоров-Давыдов. Русское и советское искусство. Статьи и очерки. – М. : Искусство, 1975. – С. 689.

9. Федоров-Давыдов А.А. Природа стиля. Живопись / А.А. Федоров-Давыдов // Русское и советское искусство. Статьи и очерки. – М. : Искусство, 1978. – С. 126-184.

УДК [378.011.3-051:811'243]:7

С.В. Чевычалова
Н.И. Пантыкина

КРИТЕРИИ ДИАГНОСТИКИ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье поднимается проблема готовности будущих учителей иностранных языков к применению арт-технологий в профессиональной деятельности. На основе исследования выделены критерии сформированности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий: мотивационный, когнитивный, эмоционально-творческий и процессуальный. При анализе критериев и показателей приведен уровневый подход.

Ключевые слова: арт-технологии, будущие учителя иностранных языков, критерий, показатели, профессиональная деятельность, уровень.

The purpose of this article is to state the main results of the study on identification the readiness to use art-technologies in future foreign language teachers' professional work. The authors suggest four criteria of forming the readiness of future teachers to implement art-technologies: motivational, cognitive, emotional-creative and procedural. The indicators and levels of readiness are defined.

Keywords: *art-technologies, criteria, future foreign languages teachers, indicators, level, professional work.*

При анализе специфики деятельности педагогов-филологов в современной системе образования установлено, что основной целью подготовки будущего учителя иностранного языка является формирование активной, творческой личности, глубоко знающей свой предмет, обладающей различными учебными технологиями и имеющей основательную психолого-педагогическую подготовку.

Формирование готовности будущих учителей иностранных языков к арт-технологиям, вызывает необходимость уточнения средств оценки качественных и количественных изменений, которые происходят в личности студентов направления подготовки «Филология», по способности применять арт-технологии в своей будущей профессиональной деятельности. Такими средствами могут быть критерии и их показатели, а также соответствующие уровни развития исследуемой готовности.

Целью данной статьи является определение критериев, показателей и уровней готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий.

Для определения критериев оценки состояния готовности будущих учителей к применению арт-технологий в профессиональной деятельности рассмотрим соответствующее понятие. В философском словаре понятие «критерий» определяется как «признак, знак, на основании которого производится оценка, средство проверки, мерило оценки; в теории познания – признак, позволяющий отличить истинное от ложного и делающий возможным суждение, истины» [4]. В Большом энциклопедическом

словаре «критерий» – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки [2].

Поэтому будем исходить из того, что критерии – это качества, свойства, признаки изучаемого объекта, которые дают возможность сделать выводы о состоянии и уровнях его сформированности и развития; показатели – это количественные и качественные характеристики сформированности каждого качества, свойства, признаки изучаемого объекта, то есть степень сформированности того или иного критерия [3].

Критерии нужно задать так, чтобы можно было выделить уровни готовности. Критерии готовности будущих учителей иностранных языков к применению арт-технологий включают признаки, при помощи которых можно выявить у будущих учителей наличие или отсутствие каждого из названных аспектов готовности.

При выделении критериев готовности будущих учителей к арт-технологиям были учтены следующие требования: критерии должны раскрываться через ряд показателей, проявление которых позволит определять больший или меньший уровень его выражения; должны отражать динамику измеряемого качества во времени и пространстве. Таким образом, выделим следующие критерии сформированности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий: *мотивационный, когнитивный, эмоционально-творческий и процессуальный*.

На основании этого охарактеризуем критерии:

1. Первый критерий мы определяем как *мотивационный*, который характеризует интерес к использованию арт-технологий в учебном процессе; положительное отношение к педагогической деятельности с применением арт-технологий; стремление использовать арт-технологии в профессиональной деятельности; потребность в применении арт-технологий в учебном процессе.

2. Второй критерий – *когнитивный*, предполагающий уровень владения теоретическими знаниями иностранных языков (лексического и грамматического материала), знаниями в области психолого-педагогических дисциплин и понимания сущности

арт-технологий, их функций, видов (музыкального, художественного материалов, средств изобразительного искусства, видов драматизации и др.).

3. Третий критерий – *эмоционально-творческий* отражает творческие способности (коммуникативные, исследовательские, дидактические, рефлексивные); творческие качества (целеустремленность, настойчивость, инициативность, способность к межличностному общению, фантазия); особенности психики (память, внимание, творческое воображение, легкость ассоциирования).

4. Четвертый критерий – *процессуальный*, характеризуется умением использовать знания по иностранному языку; способностью к применению арт-технологий в собственной практической деятельности; желанием по совершенствованию и развитию имеющихся умений и навыков; умением создавать и обогащать виды арт-технологий, использовать формы и методы арт-технологий в профессиональной деятельности; осуществлением самоконтроля и самопроверки правильности применения арт-технологий, внесением изменений и корректив в случае обнаружения недостатков.

Каждый из вышеуказанных критериев содержит показатели, которые приведены в табл. 1.1. В научной литературе показатель понимается как «качественная или количественная характеристика отдельных свойств объектов и процессов, на основании которой можно контролировать процесс или изменения состояния наблюдаемого объекта» [1, с. 561].

Выделенные нами критерии и показатели готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий требуют разработки диагностического инструментария для оценки их качественных и количественных характеристик. Для проведения такого анализа необходимо применение уровневого подхода. В словаре по педагогике термин «уровень» означает степень достижения чего-нибудь.

В нашем исследовании уровень – это степень сформированности профессиональных умений. Под уровнем сформированности готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий будем понимать степень измерения достигнутых студентами результатов по овладению знаниями,

умениями и навыками создания и применения арт-технологий в процессе предметной подготовки и во время прохождения психолого-педагогической практики.

Поэтому на основе разработанных выше критериев и показателей были определены три уровня ее сформированности: *низкий, средний и высокий*. Эти уровни характеризуют готовность будущих учителей к применению арт-технологий и определяют степень, величину этого качества.

Низкий уровень готовности к использованию арт-технологий составляют студенты с отсутствием мотивации к успеху, стремлению к использованию новых технологий, арт-технологий. Эти студенты владеют низким уровнем знаний иностранного языка, знаний об арт-технологиях, видах. Поиск видов арт-технологий вызывает большую трудность. Уровень их лингвистических знаний ограничивается аудиторным материалом. Они не всегда понимают сути полученного задания. Применение творческой деятельности на занятиях полностью отсутствует. У студентов ярко выраженное пассивное отношение к выполнению различных творческих задач, отсутствует стремление к высокому качеству результатов, они не заинтересованы в саморазвитии.

Средний уровень сформированности готовности к использованию арт-технологий отмечается у студентов, проявление творчества которых на занятиях и при выполнении домашнего задания прослеживается только в том случае, если задача имеет целенаправленный творческий характер. Если же формулировка задачи ограничивается возможным выполнением действий по образцу или реорганизации уже существующего, готового материала, студенты не прибегают к творческому стилю деятельности, переходят к более обычному репродуктивному выполнению задания. Стремление к поиску видов арт-технологий слабое или нуждается во внешнем стимулировании, контроле, помощи. Проявление самостоятельности, инициативы является частичным. Преодоление трудностей происходит с помощью других членов группы. Студенты со средним уровнем осторожны в принятии решений, пытаются преодолевать препятствия, но отказываются от деятельности уже после нескольких неудач. На занятиях могут показывать или выполнять лишь те действия, которые вызывают

особый интерес, или те, план реализации которых разработан преподавателем. Такие студенты осознают только отдельные аспекты проблемы. Интерес у студентов к исследовательской деятельности воспитывается только под руководством педагога, образы и идеи являются однотипными, фантазия не выходит за пределы реального. Готовность использования арт-технологии возникает в определенных ситуациях. Противоречия разрешают путем многократного сравнения или при внешней помощи.

Высокий уровень готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий характерен для студентов, которые быстро усваивают новый материал, активно включаются в работу, требующую принятия нетипичных решений. Они изобретательны в выборе способов и методов при подготовке к занятиям; способны к генерированию новых идей, умеют интегрировать знания из ранее изученных тем по иностранному языку, общеобразовательным предметам, а также использовать информацию музыкальных, художественных произведений, живописи, средств мультимедиа. При подготовке домашнего задания эти студенты не только обращаются к дополнительным источникам информации, но и применяют самостоятельно изученный языковой, музыкальный, художественный материалы; используют в своей речи фразеологические единицы, крылатые выражения, высказывания известных людей, афоризмы; умеют хорошо ориентироваться в любой проблемной ситуации. Они всегда поддерживают диалог, спор, дискуссию, умеют аргументированно доказывать свою точку зрения. В процессе самостоятельной работы подходят творчески, нестандартно к выполнению задания, применяя виды драматической деятельности (инсценировки, импровизации), проектную технологию. Студенты, имеющие высокий уровень готовности к использованию арт-технологий, способны объективно оценивать свои ответы, реагировать на критические замечания.

В рамках нашего исследования считаем необходимым обобщить в виде табл. 1.1 критерии, уровни и показатели готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий в профессиональной деятельности.

Таблица 1.1

Критерии, уровни и показатели готовности будущих учителей к применению арт-технологий в профессиональной деятельности

<i>Критерии</i>	<i>Уровни</i>	<i>Показатели</i>
<i>Мотивационный</i>	Низкий	1. Отсутствие мотивации к успеху, не проявляет интерес в достижении поставленной цели. 2. Стремление к саморазвитию, использованию новых технологий полностью отсутствует. 3. Характерно отсутствие готовности к использованию арт-технологий.
	Средний	1. Проявление мотивации к успеху, достижении поставленной цели является ситуативным. 2. Стремление к саморазвитию, новым методам, поиску новых идей использования новых технологий является ситуативным. 3. Готовность использовать арт-технологии возникает в определенных ситуациях.
	Высокий	1. Высокая мотивация к успеху, желание достичь поставленной цели. 2. Постоянное стремление к саморазвитию, желание искать новые, более эффективные методы, идеи касательно использования новых технологий. 3. Наличие ярко выраженной готовности к использованию арт-технологий.
<i>Когнитивный</i>	Низкий	1. Низкий уровень владения иностранным языком. 2. Нечеткие знания об арт-технологиях или их отсутствия. 3. Нечеткие знания о видах арт-технологий или их отсутствия.
	Средний	1. Средний уровень владения иностранным языком. 2. Общие, поверхностные знания об арт-технологиях. 3. Общие, поверхностные знания о видах арт-технологий.

	Высокий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокий уровень владения иностранным языком. 2. Наличие знаний об арт-технологиях и высокая степень готовности к их использованию. 3. Наличие знаний о видах арт-технологий и высокая степень готовности к активному использованию.
<i>Эмоционально-творческий</i>	Низкий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие творческого потенциала, нежелание использовать новые формы творчества. 2. Низкая склонность к артистическим способностям. 3. Слабое развитие образного мышления, полная неготовность использовать нетрадиционные формы и методы.
	Средний	<ol style="list-style-type: none"> 1. Средний творческий потенциал, использование новых форм творчества происходит под контролем. 2. Средняя склонность к артистическим способностям, проявление способностей ситуативно. 3. Недостаточное развитие образного мышления, слабая готовность использовать нетрадиционные формы и методы.
	Высокий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Значительный творческий потенциал, доступны разнообразные формы творчества. 2. Склонность к артистическим способностям, проявление художественных способностей. 3. Развитость образного мышления, готовность использовать нетрадиционные формы и методы.
<i>Процессуальный</i>	Низкий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие стремления к высокому качеству результата, не заинтересованность в саморазвитии. 2. Безразличие к использованию арт-технологий в профессиональной деятельности. 3. Полное отсутствие инициативы использования арт-технологий.

	Средний	1. Слабое стремление к высокому качеству результата, саморазвитие в профессиональной деятельности происходит под влиянием «извне». 2. Проявление ситуативного желания использовать арт-технологии в профессиональной деятельности. 3. Частичное проявление инициативы, самостоятельности в использовании различных видов арт-технологий.
	Высокий	1. Стремление к высокому качеству результата, постоянное саморазвитие в профессиональной деятельности. 2. Проявление высоких умений использовать арт-технологии в профессиональной деятельности. 3. Проявление инициативы, самостоятельности, творчества в применении различных видов арт-технологий.

Резюмируя изложенное выше, считаем необходимым выделение таких основных критериев диагностики готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий в профессиональной деятельности: мотивационный, когнитивный, эмоционально-творческий, процессуальный.

Статья не исчерпывает всех аспектов данной проблемы. К перспективным направлениям данной проблематики мы относим определение компонентов и методик готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий по выявленным критериям.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
3. Ткачова О. О. Формування у майбутніх учителів артистичних умінь як компонента педагогічної майстерності: дис. ... канд. пед.

наук: 13.00.04 / Олена Олександрівна Ткачова. – Луганськ, 2014. – 226 с.

4. Философский энциклопедический словарь / ред. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: Инфра-М, 2001. – 576 с.

УДК 355.45

О.А. Енна
Ю.А. Иосифов

СУЩНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ ДИВЕРСИОННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ПРОТИВНИКА

В данной статье рассмотрены общие организационные вопросы, проводимые органами внутренних дел в специальной операции по ликвидации диверсионно-разведывательных формирований противника. Особое внимание уделяется рассмотрению методов ведения борьбы, тактических приемов, которые бы ограничивали или сводили на нет осуществление планов и замыслов противника, лишали его инициативы и свободы в действиях, оказывали деморализующее воздействие на личный состав диверсионных групп, вскрывали заброску их на нашу территорию, а в случае заброски позволяли вести успешную борьбу по их ликвидации. В заключении статьи дан вывод, что успех органов внутренних дел в борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями достигается: высокой бдительностью и дисциплинированностью личного состава; четкой организацией взаимодействия с другими силами, участвующими в операции; ведением непрерывной и активной разведки; оперативностью, маневренностью и постоянной готовностью к выполнению поставленных задач; отличной боевой выучкой личного состава; четкой постановкой задач подразделениям; их способностью действовать самостоятельно в различных условиях обстановки.

Ключевые слова: *специальная операция, диверсионно-разведывательные формирования, противник, информация, режимные мероприятия.*

This article discusses general organizational issues conducted by the internal affairs bodies in a special operation to eliminate enemy sabotage and reconnaissance units. Particular attention is paid to the consideration of combat methods and tactics that would limit or negate the implementation of the enemy's plans and plans, deprive him of initiative and freedom of action, have a demoralizing effect on the personnel of sabotage groups, open them

up to our territory, and In case of abandonment, a successful struggle to eliminate them was allowed. The article concludes that the success of the internal affairs bodies in the fight against sabotage and reconnaissance units is achieved by: high vigilance and discipline of personnel; clear organization of interaction with other forces involved in the operation; conducting continuous and active intelligence; efficiency, maneuverability and constant readiness to perform assigned tasks; excellent combat training of personnel; clear statement of tasks to units; their ability to act independently in different conditions.

Keywords: *special operation, sabotage and reconnaissance formations, enemy, information, regime events.*

В военном конфликте, развязанном правительством Украины, пришедшим к власти в результате вооруженного антиконституционного переворота и продолжающимся на территории Луганской Народной Республики с весны 2014 года борьба с диверсионно-разведывательными формированиями, возникнет со всей своей остротой. С 2016 года активное участие в диверсионно-террористической деятельности различного характера задействуются созданные на Украине силы специальных операций, структурно состоящие из командования сил специальных операций, отдельного батальона управления и обеспечения, учебно-тренировочного центра, двух отдельных полков специального назначения, морского центра специальных операций, центра специального назначения и четырех центров информационно-психологических операций.

В ходе боевых действий разрабатываются обширные планы разнообразных мероприятий политического, экономического, дипломатического, информационного, психологического и военного характера, в которых все больше места занимают мероприятия по подготовке и разработке особых или специальных методов ведения войны – подрывная пропаганда и диверсионно-разведывательная деятельность. Для этого формируются и усиленно готовятся диверсионно-разведывательные формирования, постоянно совершенствуются способы и средства заброски их в тыл [6, 164-166].

По планам военного командования вооруженных сил Украины диверсионно-разведывательные подразделения проникают

на территорию Республики с целью ведения разведки, активизации и расширения подрывной деятельности, подрыва морального состояния населения, ослабление военного и экономического потенциала.

Деятельность и само наличие диверсионно-разведывательных и террористических групп противника на территории государства не только ослабляет его обороноспособность, но и подрывает правопорядок, усиливает политическую нестабильность.

В соответствии с законодательством Луганской Народной Республики такие группы признаются незаконными вооруженными формированиями.

В Уголовном Кодексе Луганской Народной Республики – Раздел IX «Преступления против собственной безопасности и общественного порядка», установлено основание и принципы уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования и бандитизм, установлены виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение данных преступлений.

Статья 247 Уголовного Кодекса Луганской Народной Республики «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» гласит:

«Создание вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы) не предусмотренного законом Луганской Народной Республики, а равно руководство таким формированием - наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Участие в вооруженном формировании, не предусмотренном законом Луганской Народной Республики, - наказывается либо лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет» [7, 174].

Деятельность таких диверсионно-разведывательных и террористических групп можно рассматривать также как бандитизм.

Статья 248 Уголовного Кодекса Луганской Народной Республики «Бандитизм» определяет:

«Создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой), - наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях - наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества» [7, 174].

Поэтому пресечение деятельности диверсионно-разведывательных и террористических групп и вооруженных бандформирований является первоочередной задачей всех силовых структур, включая вооруженные силы [4, 18-19].

Действующими Кодексом «О гражданской защите» [3], Законами «О военном положении» [2] и «О полиции» [1] Луганской Народной Республики на Министерство внутренних дел ЛНР возложена задача подготовки и разработки мероприятий по участию в борьбе с диверсионно-разведывательными группами противника.

Борьба с диверсионно-разведывательными и террористическими силами противника заключается в их своевременном выявлении, локализации и обезвреживании или уничтожении. Она организуется и осуществляется с участием территориальных войск в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых органами, наделенными действующим законодательством правом оперативно-розыскной деятельности, или в ходе специальных операций, проводимых под руководством органов военного управления или органов управления территориальной обороны [5, 18-21].

Успешное выполнение данной задачи возможно при условии заблаговременной и тщательной подготовки личного состава органов внутренних дел, разработки таких тактических приемов и методов ведения этой борьбы, которые бы ограничивали или сводили на нет осуществление планов и замыслов противника, лишали его инициативы и свободы в действиях, оказывали деморализующее воздействие на личный состав диверсионных групп, вскрывали заброску их на нашу территорию, а в случае заброски позволяли вести успешную борьбу по их ликвидации. Основу этой борьбы составляет проведение специальной операции,

представляющей собой комплекс оперативных, следственных, режимных мероприятий и боевых (войсковых) действий, проводимых органами внутренних дел совместно с Народной милицией, Министерством государственной безопасности Луганской Народной Республики по единому замыслу и под единым руководством с целью ликвидации диверсионно-разведывательных формирований.

Рассмотрим коротко мероприятия и действия, проводимые в специальной операции.

Политические мероприятия в соответствии с Законом Луганской Народной Республики «О противодействии терроризму» № 206-П от 2 февраля 2018 года осуществляются с целью мобилизации населения на борьбу с подрывной деятельностью противника и повышения бдительности народа Луганской Народной Республики.

Информационно-пропагандистская работа проводится и среди противника с целью разложения его рядов. Основные мероприятия, проводимые среди военнослужащих вооруженных сил и сил специальных операций противника: распространение специальных воззваний, призывов, телепередач, статей в средствах массовой информации и социальных сетях, в которых диверсантам разъясняется политическая сущность их преступных действий и доказывается бесперспективность их борьбы.

Оперативные мероприятия включают агентурное проникновение в подразделения вооруженных сил, разведывательные органы и диверсионно-разведывательные формирования противника; нанесение по ним оперативных ударов; проведение дезинформационных мероприятий, используя сведения, полученные от задержанной агентуры противника; подготовку агентов и доверенных лиц в районах возможного проникновения противника и на вероятных путях его движения и другие оперативные мероприятия.

Следственные мероприятия имеют целью установление объективной истины в отношении характера и объема преступной деятельности противника вплоть до каждого ее участника в отдельности. Кроме того, в процессе следствия решаются и такие вопросы, как подбор кандидатов на вербовку в качестве агентов

для проведения мероприятий по агентурному проникновению к противнику и его разложению, выяснению планов диверсионно-разведывательных формирований, способы связи, оснащения, тактики действий, способов заброски, выявлению пособников и др.

Режимные мероприятия осуществляются для затруднения действий диверсионно-разведывательных формирований и агентуры противника, ограничение их передвижения, воспреещения им доступа к особо важным объектам и районам путем установления режима передвижения, введения особой системы пропусков, организации заградительной службы, усиление охраны коммуникаций, различных объектов и населенных пунктов.

Задачей боевых действий является нанесение упреждающих ударов по районам сосредоточения противника и средствам его доставки; прикрытие; воздушного пространства и промежутков между боевыми порядками Народной милиции; охрана и оборона особо важных объектов; наблюдение за районами вероятного проникновения, десантирования и укрытия диверсионно-разведывательных формирований, выявление их и ликвидация.

В проведении этих мероприятий и действий по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями принимают участие государственные органы, органы Министерства государственной безопасности и Министерства внутренних дел, подразделения гражданской защиты и подразделения Народной милиции Луганской Народной Республики.

Особенно возрастает роль органов МВД в этой борьбе на территории, где отсутствуют части Народной милиции Луганской Народной Республики.

Для успешной борьбы с диверсионно-разведывательными формированиями, как показывает опыт, необходимо, чтобы все мероприятия и действия, направленные на выявление и ликвидацию противника, сочетались с мерами предупредительного порядка. При этом последние должны проводиться заблаговременно, еще до активных боевых действий и охватывать не только личный состав органов и подразделений Министерства государственной безопасности, Министерства внутренних дел, Народной милиции, но и все население Республики.

Успех органов внутренних дел в борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями достигается: высокой бдительностью и дисциплинированностью личного состава; четкой организацией взаимодействия с другими силами, участвующими в операции; ведением непрерывной и активной разведки; оперативностью, маневренностью и постоянной готовностью к выполнению поставленных задач; отличной боевой выучкой личного состава; четкой постановкой задач подразделениям; их способностью действовать самостоятельно в различных условиях обстановки.

Литература

1. О полиции: Закон ЛНР от 10 ноября 2014 года № 38-І [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/upload/iblock/280/38-І%20%20полиции.pdf>
2. О военном положении: Закон ЛНР от 24 апреля 2015 года № 17-ІІ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/902/>
3. О гражданской защите: Кодекс ЛНР от 24 июня 2016 года № 103-ІІ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3110/>
4. Зайцев А. Спецоперации против диверсионных и террористических групп / А. Зайцев // Защита и безопасность. – 2014. – № 1 (68). – С. 18-19.
5. Любочко О.Н. Применение территориальных войск в контрдиверсионной борьбе // Наука и военная безопасность. – 2016. – № 1. – С. 18-21.
6. Тактико-специальная подготовка: учебник / под ред. А.В. Калашникова. – М.: ВШ МВД СССР, 1989 – 374 с.
7. Уголовный кодекс Луганской Народной Республики 60-ПЗ/15 от 29 июня 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelnayadeyatelnost/zakonoproekty/?PAGE_N_1=4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКИХ НАУК

УДК 340.12

Е.В. Ковалева

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена исследованию принципа справедливости как философско-правового феномена. Автор статьи изучает взаимовлияние права, мировоззрения, морали в процессе общественного поведения. Исследует принцип справедливости и возможности его использования. В частности, речь идет о философско-правовом осмыслении принципа справедливости являющегося жизненно необходимыми для построения правового государства и нового понимания принципов и категорий права, которые положены в основу действующих государственных институтов, законодательных и нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: *принцип справедливости, право, мораль, свобода, закон.*

The article is devoted to the study of the principle of justice as a philosophical and legal phenomenon. The author of the article studies the mutual influence of law, worldview, morality in the process of social behavior. Explores the principle of justice and the possibility of its use. In particular, we are talking about a philosophical and legal understanding of the principle of justice, which is vital for building a rule of law and a new understanding of the principles and categories of law that form the basis of existing state institutions, legislative and regulatory acts.

Key words: *the principle of justice, law, morality, freedom, law.*

Справедливость как философско-правовая категория не является ни особой формой или частью права, ни явлением, противоположным праву. Как философско-культурный феномен справедливость в человеческой деятельности считают критерием оценки положительных или отрицательных качеств межличностных или

общественных отношений, в том числе и в области права. Именно критерий справедливости позволяет учитывать особенности каждого конкретного случая во взаимоотношениях, в отличие от применения правовых принципов и норм, которые определяют лишь общий аспект взаимоотношений.

Создание определенного нравственно-мировоззренческого базиса, основу которого составляет правосознание, является определенной гарантией позитивных социальных изменений в построении гражданского и правового общества, которые призваны осуществлять регулирование и ограничения разнообразных взаимодействий, взаимовлияний, интересов, желаний между отдельными гражданами, социальными группами, обеспечивая поступательное и социально устойчивое развитие общества. Такие ограничения и регулирования позволяет определить право как социальную дисциплину, «образованную совокупностью правил поведения, которые в рамках более или менее организованного общества регулируют социальные отношения, и соблюдения которых обеспечивается, при необходимости, путем общественного принуждения» [1, с. 36].

Развитие правового государства и построение гражданского общества как осмысленного справедливого выражения человеческих взаимоотношений требует рассмотрения таких категорий, как «равенство», «справедливость», «свобода», «закон», «ответственность». Соблюдение законов формирует правомерное поведение граждан общества, то есть поведение, базирующееся на правовых нормах.

В правовом поведении реализуются различные потребности и законные интересы отдельной личности, общества и государства в целом. Правомерное поведение – это действия граждан, должностных лиц, государственных, общественных и других организаций, государств, связанных с реализацией субъективных прав всех участников общественных отношений и надлежащим выполнением возложенных на них юридических обязанностей.

Итак, правомерное поведение – это поведение людей, которое не противоречит предписанным правовым нормам. Также правомерное поведение – общественно необходимое и общественно полезное явление, в основу которого положено осознание людьми

справедливости правовых предписаний, ответственности перед обществом и государством за свои поступки. Это означает, что правомерное поведение всегда требует достаточно высокого уровня правосознания общества.

Справедливость авторы философской энциклопедии определяют, как общий принцип, согласно которому индивидуумы должны получать то, на что они заслуживают [2, с. 279]. Это, казалось бы, обычное понятие пытались раскрыть классики философии, начиная от Аристотеля и Канта. В масштабе человеческой жизни рациональная обоснованность индивидуальной судьбы называется справедливостью, а именно справедливой благодарностью за деяния.

В общественном понимании справедливость часто рассматривается как морально-ценностная установка в отношении определенных социальных институтов и социальных взаимосвязей в структуру, которой входит принцип сравнения с некоторой общественно принятой и исторически усвоенной нормой.

Потребность применять принципы справедливости как элементы смягчения суровости общей правовой нормы и индивидуальной оценки положения сторон спора или обстоятельств конкретной ситуации могут возникать при различных обстоятельствах, которые во многом отличаются между собой. В то же время на основе справедливости далеко не всегда можно на свое усмотрение заполнить пробелы в существующем правовом поле.

Требования справедливости, закрепленные в праве, получают силу закона и обеспечиваются поддержкой со стороны государства. Они получают двойное общественное подтверждение, что является одновременно и моральным, и правовым. Поэтому справедливость становится философско-правовым феноменом.

Понятие и представление о категории «справедливость» формировались в процессе культурологической, нравственной практики того или иного общества, общения людей между собой, поэтому содержание этого понятия является социальным. Общественная оценка поведения лица в контексте справедливости не зависит от воли и желания самого оцениваемого лица или общественной группы, поскольку вся их деятельность находится под

общественным контролем, который формирует оценку соответствия культурно-этических качеств каждого конкретного человека общественным нормам.

В своей совокупности, принятые культурно-этические качества формируют мораль, которая является общим культурологическим явлением, возникающим и развивающимся только в обществе. Соблюдение этих норм морали обеспечивается определенным воздействием общественного мнения и соответствующим побуждением (сознанием, совестью) того или иного человека. Однако пренебрежение общественной моралью любым лицом, социальной группой или социальным институтом предполагает, ответственность индивида.

Общественная мораль требует строгого выполнения нормы и не причинять материальный или моральный ущерб, поскольку в противном случае наступают негативные правовые последствия для обязанного лица. Нанесенный материальный или моральный вред является основанием ответственности как социального явления, определенный действующим законодательством, а ее правовое значение порождает обязанность его компенсации.

Понятие морали и права как система общеобязательных норм и отношений, закрепленных официальным образом в обществе в форме законов и подзаконных актов, как и культурно-нравственные принципы, имеет социально-обобщающее значение, фиксируя в себе и общее, и первоначальное, что составляет культуру сосуществования в социуме, которая выражается в межличностных и межгрупповых отношениях. Здесь наблюдаем взаимовлияние права, мировоззрения и морали, в процессе чего происходит взаимокорректировка общественного поведения.

Исследования измерения справедливости и ответственности является доказательством того, что право – это одновременно и моральная, и социальная категория, система модели общественных отношений. Оно (право) является фундаментом общества, которое формулирует совокупность правил и отношений, которых должен придерживаться человек, живя в обществе. Развитие современного социума немислимо без активизации культурно-духовного потенциала человечества и отдельного человека. Философия исследует все аспекты социальной жизни, направляя конкретные знания на понимание жизни в целом.

Уровень философской методологии – это общий способ познания реальной действительности. Ядро философской методологии составляет диалектика, которая основывается на гносеологических принципах (принципы развития, всеобщей связи, системного подхода, единства теории и практики) и основных законах и парных категориях. Это объясняется тем, что науку интересуют не только явления, но и их происхождение (источники), внутренняя взаимосвязь, причинная обусловленность. Как методология исследования философия права не ограничивается только предложением общей системы методов исследования правовых объектов, но и определяет мировоззренческий аспект, выясняя категориальные формы постижения права, определяя его общественный смысл.

Философское осмысление проблем права с гуманистических позиций и учитывая психологические и культурные факторы, являются жизненно необходимыми для построения правового государства и нового понимания принципов и категорий права, которые положены в основу действующих государственных институтов, законодательных и нормативно-правовых актов. Часто они подсознательно ассоциируется со справедливостью, но в юридически-правовом аспекте это – разные понятия, хоть и достаточно близкие по своей сути.

В завершении хотелось бы отметить, что философия права как методология исследования измерения справедливости и ответственности, а также философско-правовой подход, в их изучении позволяет диалектически рассматривать эти категории и преодолеть односторонний подход в их понимании.

Литература

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко ; [пер. с фр. Г.В. Чуршукова]. – М. : NOTA BENE, 2000. – 576 с.
2. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – М. : Мысль, 2010. – Т. III. – 692 с.
3. Малахов В.П. Основы философии права / В.П. Малахов. – М. : Академический проект, 2005. – 240 с.

ЭСТЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТУИТИВНОСТИ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В центре научного интереса автора статьи находится творческое сознание как эстетический феномен, а точнее его интуитивные, бессознательные процессы, которые выступают неотъемлемой частью чувственного уровня творчества. В статье аргументированного и последовательно обосновывается авторская позиция о том, что интуиция есть надсознательная направленность активности художника, которая возникает в начале творческой деятельности, имеет характер связанности и обусловленности с Космосом, мирозданием, всем сущим на Земле и обеспечивает защиту новых идей, замыслов, образов. А также как подсознательная направленность активности творца, которая выводит некоторые аспекты неосознаваемого в периферию субъективного осознаваемого, объективирует свой собственный опыт. Особое внимание уделено феномену интуиции как ключевому элементу бессознательного, который служит связующим мостом между бессознательным, чувственным и сознательным, абстрактным уровнями познания и деятельности в творческом процессе. В качестве механизмов интуитивной трансцендентности бессознательных явлений предлагаются эстетико-психологические характеристики ассоциации и биссоциации.

Ключевые слова: *творческое сознание, бессознательное, интуиция, ассоциация, биссоциация.*

In the center of the author's scientific interest is the creative consciousness as an aesthetic phenomenon, or rather its intuitive, unconscious processes that are an integral part of the sensory level of creativity. The author's position that intuition is a supra-conscious orientation of the artist's activity that occurs at the beginning of creative activity, has the character of connectedness and conditionality with the Cosmos, the universe, and everything that exists on Earth and provides protection of new ideas, ideas, and images is consistently substantiated in the article. And also as a subconscious orientation of the Creator's activity, which brings some aspects of the unconscious to the periphery of the subjective conscious, objectifies its own experience. Special attention is paid to the phenomenon of intuition as a key element of the unconscious, which serves as a bridge between the unconscious, sensory and conscious, abstract levels of knowledge and activity in the creative process. Aesthetic-psychological characteristics of association and bisociation are suggested as mechanisms of intuitive transcendence of unconscious phenomena.

Keywords: *creative consciousness, unconscious, intuition, association, bisociation.*

Картина мира формируется в сознании художника на пересечении общечеловеческих и индивидуальных особенностей личности. В данном аспекте психологические особенности представляются универсальным базисом, присущим человеку независимо от этнической принадлежности, вероисповедания и социального статуса, в то время как жизненный опыт писателя формирует уникальную манеру выражения универсального содержания. В связи с вышесказанным, не представляется возможным игнорирование психического аспекта проблемы творческого сознания как эстетического феномена. В данной работе остановимся на обобщении и систематизации философских и психологических взглядов на самую таинственную и загадочную составляющую творческого сознания художника, которую определяют как бессознательную, интуитивную.

Своего рода флагманов в этом вопросе признана психоаналитическая теория З. Фрейда, центральным положением которой выступает положение о том, что подсознательная сфера как основа человеческого поведения является движущей силой создания высших культурных, художественных, социальных и других ценностей. Подсознание – это та часть психической жизни человека, которая стремясь к наслаждению, не хочет приспособляться к реальной жизни. Здесь особую роль играет фантазия, с помощью которой заполняются отклонения от действительности.

Подсознательное имеет свои способы выражения, а именно замещение, проекция, вытеснение, замена противоположным, перенесение эффекта с существенного на несущественное, рационализация, систематизация, символизация. Так, замещение или сублимация, которое понимается как замена сексуальных влечений на несексуальные, но сродненные психически сексуальным влечениям, может быть перенесена на творческие проявления.

По Фрейду, обращение к творчеству – это попытка заместить свои сексуальные влечения, подсознательное стремление человека избавиться от неврозов, внутренних конфликтов, которые являются следствием неудовлетворенной сексуальной энергии.

Искусство, как считает Фрейд – иллюзия, которая уводит от реальной жизни при помощи фантазии. Искусство возбуждает нас как слабый наркотик и дает нам кратковременное убежище от трудностей. Его влияние не настолько сильно, чтобы дать нам забыть реальную действительность. Оно не помогает нам в наших страданиях, но дает значительную компенсацию.

Ведущими мотивами деятельности творцов Фрейд считал желание силы, славы и женской любви, а также стремление воспроизвести свой прошлый опыт, уберечь его от исчезновения, т.е. мотив бессмертия. Кроме того, повторение эмоций прошлых страданий, воплощенных в произведениях искусства может помочь преодолеть их негативное влияние на психику [11, с. 216].

В искусстве реализуется функция Эго. Эта реализация происходит за счет того, что писатель может проектировать разные стороны своей личности на характеры своих героев, тем самым он руководит воображаемым кукольным театром вместо того, чтобы самому быть марионеткой.

Наряду с сублимацией, творчество связано с другим не менее важным понятием – идентификацией. Под идентификацией психоаналитики понимают перенесение человека в ситуацию третьей osoby с последующими эмоциональными и интеллектуальными реакциями на это перенесение. Автор в идентификации со своими героями реагирует на неудовлетворенные влечения, которые не могут быть реализованы в жизни, т.е. избавляется от комплексов, которые в реальной жизни могли бы привести к неврозам.

Еще одна ведущая идея психоанализа состоит в том, что психически здоровые люди не испытывают потребности в творчестве. Ведь в творчестве человек не только реализует свои нездоровые проявления, но и предлагает другим людям их созерцать, воспринимать. Так, фрейдист А. Берглер, анализируя творчество писателей, утверждает, что они используют эстетическую маскировку своим неосознанным фантазиям, вербуют читателя, делая его соучастником [8, с. 42-44].

Интересна и оригинальна «теория экономии энергии» психоаналитиков Ранка и Сакса. Теория базируется на том, что при восприятии какого-либо события, ситуации внешней реальности,

человеку требуется значительно больше напряжения и энергии, чем при восприятии произведения того же объема. В связи с такой экономией мысли, энергии, человек получает наслаждение [8, с. 42-44].

Наибольшей критике подвергались те положения психоанализа, в которых, как отмечал Л.С. Выготский, осуществлялись попытки создания некоего каталога сексуальных символов, наподобие сонника, по которому, найдя в творчестве художника тот или иной символ, делаются попытки установить у человека Эдипов комплекс, склонность к подглядыванию, к садизму и т.д. Однако эта теория не работает в тех видах искусства, где прямого эротического перевода с языка формы на язык сексуальности осуществить невозможно, например, в музыке, архитектуре и др. [4, с. 47-48].

Несмотря на критику, заслуга психоанализа в том, что данное направление обозначило и приступило к исследованию целого ряда проблем творческого сознания, которые современная наука продолжает считать актуальными. Хотя в психоанализе исследование творческого сознания, осуществлялось скорее на интуитивном, мистифицированном, чем на научном уровне.

Своеобразное объяснение творческого сознания предложил основатель аналитической психологии К. Юнг. В своей работе «Психология подсознательного» творчество автор обозначает как некое самостоятельно действующее существо, которое мало подчиняется и контролируется сознанием. Это некий автономный комплекс развивается подсознательно и расширяется на всю психику. Творческие импульсы действуют властно, захватывают всего индивида, даже ценой его здоровья и счастья.

В творчестве оживляются архетипы на бессознательном уровне, приближая творца к жизненным глубинным истокам, закрытым для него ранее. В этом заключается социальное значение искусства.

К. Юнг направляет свои усилия на обнаружение систем установок и типичных реакций, которые незаметно определяют не только элементарные поведенческие реакции, но также восприятие, мышление, воображение. Такое незаметное влияние на сознание

индивида оказывают врожденные программы, универсальные образцы в виде архетипов.

Пространство архетипов можно в первом приближении описать трехмерной моделью, где дихотомическими осями являются экстраверсия-интроверсия, логика-этика, сенсорика-интуиция.

Архетипы являются своего рода первичными представлениями о мире и жизни, которые не зависят от уровня полученных знаний. Они в разное время появляются в сознании людей, как бы всплывают независимо от воли человека. Так, при ближайшем рассмотрении, к примеру, любого отрицательного аффекта видим, что в эмоциях агрессии, обиды, зависти и др. человек проявляет склонность к фетишизации динамических свойств и отдельных качеств, которые разворачиваются в манихейском способе мышления и хранятся в нашем бессознательном. Архетипичные графформы автономны, они не определяются сознанием, но способны воздействовать на него. В повседневной жизни они появляются в языке, мышлении, действии, разворачиваясь в сознании в виде цепочки индивидуальные смыслы – метафорические структуры – архетипы [13, с. 104-106].

И З. Фрейд, и К. Юнг в своих концепциях, поместив в центр своих научных интересов сферу бессознательного, большое внимание уделяли феномену интуиции, без упоминания о котором, пожалуй, не обходится не один исследователь творчества. Об интуитивности говорил также А. Адлер, который в своей индивидуальной психологии подчеркивал, что благодаря творческой силе, которая изначально есть у каждой личности, каждый человек получает возможность управлять своей жизнью. Развивая идею компенсаторности, роль творчества в студии индивидуальной психологии можно понимать как функцию нивелирования переживания комплекса неполноценности [1, с. 83]. Э. Фром понимал творчество не иначе, как универсальную способность человека познавать и удивляться, также помещая в центр своих концептуальных идей тему интуиции [12, с. 134]. В трансперсональной психологии, в рамках психосинтетического направления Р. Ассаджоли творческий процесс понимается как фактор интеграции личности, осознания своих истинных потребностей, творческом раскрытии индивида в направлении сверхсознательных

уровней, а потому направляет человека путем творческого и духовного развития. В целом, трансперсональный подход обращается к арттерапии как к развивающему влиянию в контексте трансценденции как выхода за грани личностного «Я» от глубинных уровней психической организации до простора коллективного бессознательного, содержащего в себе безграничные возможности творческого потенциала [2, с. 213].

Итак, интуитивные моменты творчества ученые связывают именно с чувственным уровнем творчества. Бесспорно, творчество невозможно без интуиции, которая понимается как нахождение, часто практически моментальное, решение задания при недостаточной логической основе, знании, возникающее без осознания путей и условий его получения. Интуиция рассматривается как специфическая способность, связанная с конкретным видом творчества, как целостное охватывание условий проблемной, творческой ситуации.

В философской мысли оформилась целая концепция интуитивизма (А. Бергсон, Н. Лосский), в студии которой интуиция понимается как основная детерминанта творчества, находящаяся в бессознательной сфере. Момент выхода за пределы устоявшихся стереотипных представлений, и есть сущность интуиции [3, с. 260].

Проявления интуиции встречаются, пожалуй, во всех сферах жизни: культуре, искусстве, науке, политике и т.д. Она исходит из неосознанного мира человека и проявляется в творческом подъеме, вдохновении, инсайте, транссе, духовном откровении. Распространено мнение о том, что за эти состояния отвечает правое полушарие головного мозга, развитие которого связано с «художественным» типом мышления, выступает физиологической основой художественного творчества, и в частности интуитивных проявлений [5, с. 42].

Известны также теории, рассматривающие интуицию не только в связи с физиологической основой. Так, Т. Тюрина подчеркивает, что интуиция тесно связана с уровнем духовности человека. В доказательство этой связи автор выделяет несколько видов интуиции. Это интуиция-предвидение, отличающаяся непро-

извольностью. Профессионально направленная интуиция, обладающая произвольностью и проявляющаяся в конкретной деятельности и виде творчества. И, наконец, пророческая интуиция, предполагающая высокую духовность личности, альтруизм, деятельную любовь ко всему живому на Земле, глубинное духовное единство со всем существующим, эмпатичность и моральные установки. Этот уровень не позволяет использовать свой дар не целесообразно, разбрасываться им, а обеспечивает отношение к нему как высшей ценности [8, с. 74].

Как видим, интуиция связана с неосознанными слоями творческого сознания. Это своеобразный латентный опыт, который также проявляется и в виде антиципации как своеобразного предвидения, предчувствования будущего, что также относится к неосознаваемому.

И. Морозов очень удачно подметил, что интуиция является бессознательным, но эти феномены не идентичны. Бессознательное – это целая система, а интуиция – ее элемент, который выводит некоторые аспекты неосознаваемого в периферию субъективного осознаваемого [6, с. 111].

Д. Узнадзе отмечает, что бессознательное в соединении с активностью приводит к творческой интуиции. Этот механизм работает при необходимости решения творческой задачи, ситуации. Иногда бывает достаточно изменения элемента ситуации, нового взгляда на ситуацию, чтобы неосознанное вывело в сознание новое решение, идею, образ, замысел. Интуиция служит связующим мостом между бессознательным, чувственным и сознательным, абстрактным уровнями познания и деятельности в творческом процессе [10, с. 51-53].

Кроме того, неоднократно ученые свои усилия направляли на выяснение корреляционных связей между интуитивным и интеллектуальным. Так, И. Морозов определяет интеллект как способность человека осознавать результат своей интуиции. Ученый доказывает положение о том, что способность человека к интуиции прямо коррелирует с уровнем сформированности его понятийного аппарата, навыков в использовании различных способов и приемов выражения, собственно интеллекта. Б. Теплов, обращаясь к анализу интуиции, отмечает, что это понятие чаще всего

связывают с неосознанностью и непроизвольностью. Он же, напротив, связывает интуицию с моментальным понятийным схватыванием и решением, что является граничным обостренным состоянием сознания. Интуиция всегда очень быстрый, укороченный процесс выхода на решение, но не за счет выпадения тех или иных этапов творчества, а за счет того, что эти этапы проносятся, будучи не охваченные осознанием [6, с. 111].

Существует совершенно отличный взгляд на интуицию, которая рассматривается не как подсознательные механизмы, а как надсознательные.

В надсознательном содержится что-то с приставкой «над», то есть что-то большее, чем сфера сознания. Это «над» есть принципиально новая информация, которая выгкана не из прошлых впечатлений и опыта, которые заключены в подсознательном и может при определенных условиях актуализироваться. В отношении творчества как создания принципиально нового, не существовавшего ранее в прошлом опыте, принцип детерминации прошлым, то есть неосознанным выглядит недостаточным. М. Ярошевский считает, что в творчестве регуляция поиска идет по типу детерминации будущим, то есть надсознательным [14, с. 147].

Творческая, надсознательная интуиция работает на начальных этапах творчества, которые не контролируются сознанием и волей. Надсознательное защищает новое от давления старого опыта и консерватизма сознания как структурного образования, стремящегося к постоянству, функции которого заключаются в логическом анализе, практической проверке.

Изучая процессы творчества, находящиеся вне контроля сознания, П. Симонов и П. Ершов отмечают появление радостного ощущения, которое свидетельствует о приближении к верному решению, которое существует в надситуативном информационном пространстве. Отдаление же от такого решения переключает эмоциональные переживания на негативный модус. При этом человек не может объяснить причины таких эмоциональных окрашиваний. Включение сознания здесь преждевременно, особую роль приобретает эмоциональный контекст творчества [7, с. 74-76]. К. Станиславский интуицию характеризует как возможность получения особой информации [9, с. 36-38].

В эстетике используют термин «эстетическая интуиция». Шопенгауэр, А. Бергсон интуиции художника приписывают бессознательную духовную способность полного слияния творца с объектом его творчества. Эстетическая интуиция стимулирует творчество на уровне инстинктивно-образных проявлений. Вслед за названными философами, другие представители интуитивизма подчеркивают алогичность и даже мистичность рассматриваемого нами коррелята. На уровне интуиции автор протраивает невидимые связи со слушателями, зрителями, прогнозирует историю их встречи в будущем. Публика как воспринимающий субъект на уровне эстетической интуиции получает возможность проникать в те глубинные переживания и состояния, которые автор вложил как смысло-ценностное содержание в авторское произведение [3, с. 260].

Резюмируя вышесказанное, интуицию мы будем рассматривать как надсознательную направленность активности, которая возникает в начале творческой деятельности, имеет характер связанности и обусловленности с Космосом, мирозданием, всем сущим на Земле и обеспечивает защиту новых идей, замыслов, образов. А также как подсознательную направленность активности, которая выводит некоторые аспекты неосознаваемого в периферию субъективного осознаваемого, объективирует свой собственный опыт.

Надсознательный и подсознательный интуитивные аспекты творчества переходят на абстрактный уровень познания, включающий память мышление, внимание, воображение, язык и речь. Этот уровень представляет собой ту среду, в которой осуществляются процессы, связанные с сознательными компонентами творческой личности и вербализацией глубинного смысла подсознательных впечатлений. В качестве своеобразного мостика, обеспечивающего переход интуитивного в сознательное можно назвать ассоциации и биссоциации.

Ассоциация понимается как соединение между двумя содержаниями сознания, возникающее в опыте индивида. Описание явления, когда появление в сознании ощущения, мысли, чувства влечет за собой появление другого, встречаем в трудах Платона, Аристотеля. Но сам термин предложен Дж. Локком. Причем

Локк противопоставлял ассоциации, называя их «неразумными» другим связям, установленным в результате действий разума. Дж. Беркли через ассоциативность объяснял глубину восприятия, а Д. Юм – все познавательные процессы.

Но наиболее широко идея ассоциации как механизма сознания проникла в психологию. В середине XVIII столетия ассоциация была принята как всеобщий закон функционирования психики, который можно описать в строгих научных обоснованиях, и который может быть подвергнут объективной проверке. В рамках ассоцианизма разворачивают свои концепции Т. Браун, Д. Гартли, Т. Гоббс, Дж. Милль, и др.

Достаточно подробно в трудах философов и психологов описаны типы ассоциаций по сходству, контрасту, по смежности в пространстве и времени, ассоциации причинно следственного характера. Изначально ассоциация как механизм работы сознания рассматривается как механическая работа вне активности субъекта. Но постепенно этот взгляд начинает вытесняться в связи с идеями о том, что невозможно «законы духа» свести к механическим законам. Появляются принципиально новые теории об ассоциациях – у И. Гербарта как активной деятельности субъекта в процессе построения образа мира, у А. Бэна как о спонтанной активности ума, у Г. Лейбница, В. Вундта как об апперцептивных связях, у З. Фрейда как о смысловых связях [8, с. 272].

Эстетические ценности, взгляды, вкусы обеспечиваются ассоциативным фондом, который формируется благодаря воздействию всего конгломерата культурных представлений человечества, а также собственным жизненным опытом конкретного человека. Общекультурные, групповые и индивидуальные традиции и опыт обеспечивают ассоциативную связь переживаний, эмоций с представлениями о прекрасном, безобразном, комическом, трагическом, выступая самым мощным механизмом творческого сознания как эстетического феномена.

В 1965 году появляется глубокая и содержательная теория бисоциации, описанная в книге английского новеллиста, драматурга, ученого Кестлера «Творческий акт». Книга получила высокую оценку ученой общественности не только Англии, но и других

западных стран как классическая по своему вложению в науку о творческих способностях человека.

Основной идеей теории Кестлера стало положение о том, что для разнообразных видов творческой деятельности можно выделить общий объяснительный механизм – «бисоциацию». «Все виды творческой активности имеют в своей основе общий принцип. А определенные основные принципы творческой оригинальности присущи всему органичному миру – от оплодотворенного яйца до зрелого мозга творческой индивидуальности – так начинает А. Кестлер свои размышления в книге «The Act of creation» (1964 г.).

Автором были изучены особенности творчества юмористов, ученых и художников. Он выяснил, что логическая основа этих видов творчества является общей. Она заключается в обнаружении скрытых схожестей. Но эмоциональный климат в этих трех случаях различен. Научный факт эмоционально нейтрален, комическим и поэтическим образам характерны эмоции различного порядка.

Для наглядного представления работы творческого сознания, А. Кестлер предлагает простую схему, в которой две площади фактов, ситуаций, представляющие различные области опыта человека неожиданно пересекаются и создают идею, которая их обобщает. Соединение фактов, которые обычно не сравнивают и существуют относительно самостоятельно, было названо бисоциацией. Творческое сознание использует более одного плана и основано на механизме бисоциации. Ассоциация, в отличие от бисоциации ограничивается одним планом, определяющий шаблон, алгоритм мышления. В качестве движущих сил творческого сознания А. Кестлер называет сворачивание рационального мышления, устремление в состояние мечтательности, фантазирования, бегство от рутины, застойных процессов, состояния скуки, фрустрированности и интеллектуальных затруднений.

Бисоциативный акт связывает ранее не связанные матрицы опыта и делает для нас понятным то, что нужно осознать, оживить сразу в нескольких планах. Это может выглядеть как регресс к более примитивным уровням отображения действительности

(например, в виде мечтаний), или же как поднесение к новым, более развитым уровням воображения. И хотя внешне эти направления противоположны, на самом деле они представляют единое целое. Если две независимые матрицы восприятия или мышления взаимодействуют одна с другой, результат, как надеется показать А. Кестлер, является коллизией, которая выливается в смех, соединяется в новой интеллектуальной продуктивности или запечатлевается в эстетическом опыте и переживается психологически как спонтанный всплеск инсайта.

По Кестлеру, спорные факты, заинтересовавшие ученого, чувственные стимулы, впечатлившие художника, изменения у крысы на уровне хирургического вмешательства выводят на схожий уровень гибкости, которая вершит адаптацию высшего порядка, называемую творчеством. Поэтому, по мнению Кестлера, творчество не наступает в условиях рутинной жизни. То есть не адаптация, а именно творчество является главным условием выживания [15, с. 26].

Более того, основными положениями, сформулированными А. Маслоу и К. Роджерсом и выступающие основными постулатами гуманистической психологии, являются следующие: человек испытывает потребность в самореализации, самоактуализации, поэтому творчество является признаком здоровой личности.

Важным заключением гуманистов является то, что создание условий для творческой самореализации способно помочь людям. В рамках гуманистической психологии возникает направление в психотерапии, которое включает библиотерапию, музыкотерапию, арттерапию, хобби-терапию, ландшафтотерапию. Все эти методы оказывают благоприятное влияние на человека через творческое самораскрытие [8, с. 278].

Выводы. Эстетико-психологический анализ интуитивности творческого сознания как эстетического феномена позволяет увидеть интерес ученых не только к отдельным физиологическим, когнитивным, эмоциональным процессам творческого сознания, но и склонность понимать творчество как образ, стиль жизни или более того, как особый способ понимания выстраивания отношений с Миром. В связи с этим в современных научных представлениях, творчество трактуется как высшая ценнейшая

данность, в которой также аккумулированы все возможные ценности человечества. Интуитивные, бессознательные процессы выступают неотъемлемой частью творческого сознания как эстетического феномена и связаны, прежде всего, с чувственным уровнем творчества.

Можно заключить, что интуиция есть надсознательная направленность активности художника, которая возникает в начале творческой деятельности, имеет характер связанности и обусловленности с Космосом, мирозданием, всем сущим на Земле и обеспечивает защиту новых идей, замыслов, образов. А также как подсознательная направленность активности творца, которая выводит некоторые аспекты неосознаваемого в периферию субъективного осознаваемого, объективирует свой собственный опыт. В качестве механизмов интуитивной трансцендентности бессознательных явлений в осознанную сферу могут выступать ассоциации и биссоциации.

Литература

1. Адлер А. Понять природу человека. – СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. – С. 83-85.
2. Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. – М.: Эксмо-Пресс., 2002. – С. 213-214.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: «Канон-Пресс», 1998. – С. 260.
4. Выготский Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1987. – С. 47-48.
5. Лосский Н.О. Умозрение как метод философии. // Международный ежегодник по философии культуры. – Прага: «Логос», 1925. – С. 42-43.
6. Морозов И.М. Природа интуиции. – Минск: Университетское, 1990. – С. 111.
7. Симонов П. В. Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 74-76.
8. Сорокин Б. Ф. Философия и психология творчества: научно-метод. пособие для аспирантов и молодых преподавателей [Электронный ресурс] / Б. Ф. Сорокин. – Режим доступа: <http://philosophy.allru.net/perv265.html>

9. Станиславский К. Моя жизнь в искусстве. – М.: АСТ., 2017. – С. 36-38.
10. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – С. 51-53.
11. Фрейд З. Художник и фантазирование / под ред. Р. Ф. Додельцева; пер. с нем. К. М. Долгова. – М.: Республика, и настоящее, 1995. – С. 216.
12. Фром Э. Душа человека. – М.: Политическая литература, 1992. – С. 134.
13. Юнг К. – Г., Нойман Э. Психоанализ и искусство. – М.: refl-book, 1996. – С. 104-106.
14. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 147.
15. Koestle A. The act of creation. – London: Hutchinson., 1964. – P. 26-34.

УДК 130.2

В.Н. Даренская

«РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ» (М. БУБЕР) В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ

В статье рассматривается отношение человека к Абсолюту (в том числе, и в такой «предельной» форме, как отрицание самого его существования), которое представляет собой базовую ситуацию самоопределения человека на духовно-экзистенциальном и нравственном уровнях его бытия и определяется термином «религиозная ситуация» (М. Бубер). Показано, что «религиозная ситуация» из простого парадокса и антиномии позитивно разрешается как особая обращенность к миру, в которой все отношения входят в процесс преобразование волевым усилием любви человека ко всему сущему. В свою очередь, атеистическое сознание основано на феномене «двойничества» (А. Ухтомский), т. е. приписывания верующим своих собственных стереотипов мышления вследствие замкнутости антирелигиозного сознания.

Ключевые слова: «религиозная ситуация», вера, М. Бубер, «двойничество».

The article deals with the attitude of a person to the absolute (including in such ultimate form as the denial of his existence), which is a basic situation of self-determination of a person at the spiritual-existential and moral levels

of his being and is defined by the term “religious situation” (M. Buber). It is shown that the “religious situation” from a simple paradox and antinomy is positively resolved as a special appeal to the world, in which all relations are included in the process of transformation by the volitional effort of man’s love for all things. In turn, atheistic consciousness is based on the phenomenon of “duality” (A. Ukhtomsky), i.e. attribution to believers of their own stereotypes of thinking due to the isolation of anti-religious consciousness.

Key words: “religious situation”, faith, M. Buber, “duality”.

Анализ духовных процессов, происходящих в обществе, является одной из главных задач современной философии. В свою очередь, одним из главных процессов являются процессы как кризиса, так и возрождения религиозного сознания. В настоящее время пространство «бывшего СССР» фактически является единственным регионом в мире, в котором происходят процессы возрождения религиозного сознания на массовой уровне и рост влияния религиозного сознания на культурные и социально-политические процессы. В настоящее время для обозначения этого феномена применяется специальный термин «постсекулярное общество». Философский ракурс рассмотрения этих процессов состоит в анализе их экзистенциальных и аксиологических (ценностных) аспектов. Для этого анализа особую эвристичность имеет термин «религиозная ситуация», обозначающий становление религиозной веры.

Термин «ситуация» приобрел статус философской категории в XX веке, в рамках неклассического типа философствования. Обычно считается, что это произошло в работе К. Ясперса «Духовная ситуация нашего времени» (1947), в действительности же категориальный статус этого термина просматривается уже в книге М. Бубера «Я и Ты» (1923). Здесь М. Бубер впервые предложил понимать феномен религиозной веры не как устойчивое духовное состояние, и не как однонаправленный процесс, но именно как *ситуацию*, определенным образом структурированную отношением человека к Абсолюту. Эта ситуация, по М. Буберу, имеет весьма парадоксальный характер. Абсолют в качестве личностного Бога, «абсолютного Ты», – одновременно и «ужасная тайна», и «самое близкое»; Он и «включает меня» и абсолютно инаков мне; Он и не выразим никакими словами, но Он

вместе с тем лежит и в основании всякого выражаемого нами смысла и т.д. «Религиозная ситуация», таким образом, имеет характер логической апории – и это, по М. Буберу, как раз совершенно нормально, поскольку отношение к Абсолюту и не может быть иным.

Целью данной статьи является разработка концепта «религиозная ситуация» применительно к процессу возрождения религиозной веры в условиях преодоления атеизма, господствовавшего в советское время. Этот объективный процесс часто рассматривается исключительно как-то влияний извне – появления свободы выбора мировоззрения и повышения социальной активности Церкви – но мало рассматривается изнутри – как процесс особого экзистенциального выбора и духовного становления человека.

М. Бубер предложил следующее определение: «“Религиозную” ситуацию человека, наличное бытие в присутствии, характеризует сущностная и неразрешимая антиномика... Тот, кто принимает тезис и отвергает антитезис, искажает смысл ситуации... Тот, кто стремится сделать эту антиномику относительной, упраздняет смысл ситуации. Тот, кто хочет разрешить противоречие антиномий как-либо иначе, нежели жизнью, погрешает против смысла ситуации. Он же заключается в том, что ситуация во всей ее антиномике... только *проживается* вновь и вновь и каждый раз по-новому, проживается неподвидимо, непредсказуемо, непредопределенно. Сравнение религиозной антиномии с философской прояснит нашу мысль. Кант хотел релятивировать философское противоречие между необходимостью и свободой, отнеся первую к миру явлений, а вторую – к миру сущего, так что оба эти полагания уже, собственно, не противостояли друг другу, но скорее были так же совместимы, как те миры, для которых они обладают значимостью. Но если я разумею свободу и необходимость не в мыслимых мирах, но в действительности моего стояния-перед-Богом, если я знаю: “я предался Ему” – и к тому же знаю: “это зависит от меня”, тогда от парадокса, который я должен прожить, я не вправе уйти, относя несовместимые полагания к двум разделенным сферам значимости, тогда я также не вправе прибегать к помощи каких бы то ни

было теологических уловок, для того чтобы примирить эти полагания в понятии, я должен решиться на то, чтобы *прожить* то и другое в одном, и, прожитые, они суть одно» [2, с. 92-93] [Выделено мной. – Авт.].

Выделенное нами слово «прожить» особо акцентировано М. Бубером для того, чтобы указать на инвариантность ситуации, в которой находится человек в своих религиозных поисках – ситуации «стояния-перед-Богом». Эта ситуация может приобретать самые различные внешние формы выражения, вплоть до прямо противоположных; и может порождать самые разные мировоззренческие системы. «Ситуация – это то, что создает систему и предшествует ей, а также то, что определяет состояние системы и наличествует в ней, кроме того, это то, что приводит к распаду системы или ее преобразованию» (Н.М. Солодухо) [5, с. 4]. Особо парадоксальной формой выражения религиозной ситуации является сознательный атеизм, который также является одним из возможных «выходов» в этой ситуации, т.е. одной из возможных форм ее *проживания*.

Как писал С.Л. Франк, «утверждение атеизма, что “Бога не существует” ... содержит некое горькое разочарование – крушение надежды встретиться “лицом к лицу” с Богом, усмотреть Его живое, осязаемое, “воплощенное” присутствие в самом реальном мире, – т.е. само проистекает из некоей религиозной жажды, из искания Бога»; «в самом этом искании содержится ослепляющее искажение, искажение самой идеи Божества... Божество как такое не только фактически скрыто от нас, но и *по самому своему существу сокровенно*... а только само открывает себя в живом опыте» [3, с. 454-455]. Тем самым, мы видим, что «вывод» атеизма осуществляется именно *внутри* самой религиозной ситуации, как одна из форм *вовлеченности* в нее. Вовлеченности в форме *негации*. Тем самым, здесь происходит радикальное акцентирование одного из «полюсов» антиномии, описанной М. Бубером: полюса, на котором Бог понимается как радикально таинственный, инаковый миру и невыразимый – и вследствие этого побеждает сомнение в самом Его существовании.

Структура религиозной ситуации более конкретно раскрывается в особом полемическом противостоянии верующих и атеистов. Среди основных тезисов, которые чаще всего приводятся

сторонами в ходе взаимной полемики, следует, на наш взгляд, выделить три наиболее типичных. 1) Атеисты утверждают, что вера в Бога есть продукт фантазии. Верующие утверждают, что продуктом фантазии может быть что угодно – но только не вера в Бога, поскольку только один Бог в принципе непредставим и невообразим, в отличие от любых конечных и тварных вещей. 2) Атеисты утверждают, что вера в Бога есть результат страха перед непознанными силами природы. Верующие утверждают, страх перед природой порождает сначала магию, а потом науку, но вера в Бога имеет совсем иной исток – она рождается не из страха, а из любви к творению (в том числе и к природе). В свою очередь, «страх Божий» есть уже *результат* веры, а не ее причина, и имеет всецело положительное значение, т.к. означает появление в человеке высшей формы нравственного сознания – абсолютной ответственности перед своим Творцом за все поступки и результат своей жизни. 3) Атеисты утверждают, что религия и наука несовместимы, а факты преобладания верующих среди великих ученых объясняют устойчивостью «пережитков». Верующие утверждают, что наука и религия имеют принципиально разные предметы (конечно-материальный и духовно-откровенный соответственно) и поэтому никак не могут «мешать» друг другу в реальной жизненной практике. При анализе упомянутых (а также многих других) контroversивных утверждений атеистов и верующих обнаруживается особый феномен, который можно назвать «подменой субъекта». Суть его в том, что обе стороны в полемике совершают неявную операцию подмены субъекта друг друга – т.е. *на место чужой субъективности подставляют свою, считая ее единственно возможной*. Этот феномен, в свою очередь, является особым проявлением психологического эффекта «двойничества», в свое время исследованного академиком А.А.Ухтомским. Природа «двойничества» состоит в следующем. 1) «Мироощущение предопределяется направлением внутренней активности человека, его доминантами... И к каждому мир и люди поворачиваются так, как он того заслужил. Это, можно сказать, "закон Заслуженного собеседника"» [1, с. 167]. 2) «Мы воспринимаем лишь то и тех, к чему и к кому подготовлены наши доминанты, т.е. наше поведение. Бесценные вещи и бесценные области реального бытия

проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать и не подготовлены глаза, чтобы видеть, т.е. если наша деятельность и поведение направлены сейчас в другие стороны» [1, с. 179]. 3) «Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою... завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами. Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть вместе с тем и тайное... самооправдание» [1, с. 179-183].

Описанные закономерности самым явным образом «работают» и в контroversиях атеистического и религиозного сознания, в частности, в приведенных тезисах. В них, с одной стороны, атеистические объяснения феноменов религиозной веры, догматов, чудес и самой логики религиозного мышления основаны на некоем «само собою разумеющемся» предположении, что религиозные люди не имеют и в принципе не могут иметь никакого особого опыта, которого не было бы у атеистов. С другой стороны, верующие люди убеждены, что их опыт веры является чем-то «естественным», просто *данным* любому человеку. В обоих случаях в результате возникает один и тот же эффект «двойничества», игнорирующего *инаковость* сознания и личностного опыта собеседника. Единственное, что действительно является общим у этих контroversивных субъектов, стремящихся «не замечать» взаимную *инаковость* друг другу, – это сам акт и факт *веры*, в котором самоутверждается каждый из них. В частности, атеизм представляя собой квазирелигиозный феномен, основанный на вере в «несуществование» Бога, воспринимает саму полемику с верующими как свой особо важный «ритуал». Общим у этих контroversивных субъектов является и то, что они исходят из одной и той же «религиозной ситуации», но *проживают* ее по-разному, акцентируя в своем опыте разные полюса ее неизбежной антиномии. Каждый из полюсов ими абсолютизируется, а противоположный полюс отторгается. Здесь нет *полноты* проживания.

Рассмотрим феномен «подмены субъекта» на примере первого из указанных полемических тезисов. Атеист считает, что религиозная вера есть «продукт фантазии», поскольку приписывает

верующему свой собственный субъективный мир, в котором предметы его веры выглядят чистой фантастикой и иными там просто быть не могут. Логическая посылка: «Нет ничего, кроме материальной реальности, идей, созданных самим человеком, и продуктов субъективной фантазии» уже содержит в себе богоотрицание и поэтому ничего не доказывает – верующий вполне согласен с атеистом, что среди одних лишь «идей», материальных предметов и продуктов фантазии Бога нет. В свою очередь, религиозный человек также «подменяет субъект», полагая, что атеисту опыт духовной реальности также ясен и открыт, как и ему самому. Религиозная вера действительно является вполне «иррациональной» именно для атеиста – но точно так же для религиозного человека совершенно «иррационален» и абсурден именно атеизм. У каждого своя «рациональность», и она разная.

Весьма показательной является эволюция атеистического сознания в постсоветское время, когда оно вполне терпимо относится к возрождающейся религиозной традиции. В этой ситуации весьма интересны те немногие случаи, когда бывшие «профессиональные атеисты» сделали попытки переосмысления собственных позиций с целью поиска более весомых позиций. Их позицию, сформулированную в условиях краха государственного атеизма и содержащего своего рода программу борьбы с религией в новых условиях, обобщил на основе опыта личного общения с ними известный современный философ М. Эпштейн. В своих основных тезисах она сводится к следующему:

«Атеисты проигрывают, потому что они отрицают существование своего противника и заняты лишь опровержением слухов и мнений о нем... Необходимо, наоборот, признать силу противника и с открытыми глазами готовиться к борьбе с ним... Атеист – тот, кто борется с Самим Богом, а не со слухами и мнениями о нем... постепенно мы должны готовить общество к признанию действительного бытия Противника. Да, Он есть, но каждый год научного и технического развития обнаруживает все новые изъяны в его творении... Борьба против Того, кого нет, – бессмысленно и скучно, это опустошало наши ряды или наполняло их равнодушными. Точное и трезвое знание врага еще крепче объеди-

нит нас, закалит нашу волю... Прошло время наивных просветителей и антиклерикалов. Прогресс науки больше не вербует новых сторонников в наши ряды. В скором времени наука может прийти до того, что признает существование Высшего Разума... Когда «чудотворная» наука скажет «Бог есть», превратимся ли мы в верующих, потому что к этому обяжет нас «научный прогресс»? Или приятие или неприятие Бога – это все-таки вопрос не знания, а свободного выбора? Нам нужна кантовская революция в атеизме, подобная той, что была произведена в религии... Мы же, оставаясь докантовскими атеистами, все еще пытаемся доказать, что Бога нет. Но доводы знания столь же слабы для атеизма, как и для религии... Прошло время безбожников. Настало время богоборцев» [Цит. по: 8, с. 163-164].

Приведенные рассуждения, на наш взгляд, очень показательны для понимания тенденций трансформации атеистического сознания в тех случаях, когда оно оказывается в состоянии содержательного (а не мнимого, на уровне пропагандистских штампов) диалога с религией. Во-первых, *обнаруживается, что в основе атеизма лежит не простое отрицание, но именно богоборчество*, которое имманентно предполагает, что Бог есть. Если бы атеизм действительно был основан на полном отсутствии опыта отношения к Богу, то такой по-настоящему честный атеист мог бы только недоумевать: «Вот, мол, иногда слышу слово “Бог”, но никак не пойму, кого это люди имеют в виду?». Но поскольку таких атеистов не существует, то отсюда следует единственно возможный вывод о том, что реальный атеизм всегда является скрытой формой богоборчества, необходимо предполагающей некое «неявное знание» о существовании Бога, но внешне прикрытое *волевым* богоотрицанием, а значит, связанное и с неким самообманом. Нельзя не заметить, что логически строгий атеизм (пример которого был приведен выше), осознающий свою подлинную природу как сознательную борьбу с Богом, а значит, и «неявное знание» о Его существовании, фактически оказывается одним из давно известных в истории религий верованием. В своей «мягкой» форме это не что иное, как *секулярный гностицизм*, основанный на идее «несправедливого» Бога. Такое верование весьма привлекательно для типа сознания, привыкшего перекладывать

на Бога ответственность за зло в этом мире, творимое самими людьми. Цитированный текст показывает, как атеизм обращается к своему истоку.

В свою очередь, полемика с атеизмом позволяет верующим прояснять себе экзистенциальные истоки своей веры. Сталкиваясь с тем, что «само собой разумеющиеся» аксиомы и выводы, свойственные мышлению верующих, часто оказываются неприемлемыми либо просто не понятными для атеиста, верующий вынужден углублять саморефлексию чтобы по-новому, более точно и нетривиально понять содержание своего опыта и объяснить его другим.

Диалог верующих и атеистов, протекающий в форме «poleмики», как правило, малопродуктивен для обеих сторон именно вследствие срабатывания стереотипа «подмены субъекта». Намного продуктивнее в таком диалоге было бы исходить из *собственных* предпосылок личного опыта оппонента, лишь указывая на возможность альтернативных выводов, которые он сам из него мог бы сделать. В результате сама «poleмика» в таком случае практически сводится на нет, и ее место занимает взаимно интересный разговор о том, что открывает человеку та или иная вера (в том числе, и вера в «несуществование» Бога). Тот факт, что очень многие современные верующие в свое время прошли через сознательный атеизм, показывает, что отнюдь не только и не столько poleмика и «опровержение» являются источником нового и насущного для человека опыта, но в первую очередь – тихое вслушивание в опыт Другого.

Стоит отметить, что первым диалогический анализ «религиозной ситуации осуществил не М. Бубер, а философ, традиционной считающийся неоканტიанцем, Герман Коген в книге «Религия разума из источников иудейства», которая вышла только в 1991 г. после смерти ее автора в 1918 г. Здесь он писал: «самый общий смысл откровения заключается в том, что: *Бог вступает в отношение к человеку*. Этот общий смысл есть вместе с тем и собственный смысл, ибо Бог открывается не в чем-нибудь (как в пантеизме), а... в отношении к чему-либо. И соответственный член этого отношения есть только человек... При помощи откровения только и возникает разумное существо человека» [3, с. 54]. Самым

фундаментальным здесь является тезис: «При помощи откровения только и возникает разумное существо человека» – он означает, что сама субъектность человека изначально конституируется только как отношение к Другому и, соответственно, достигает своего полного развития только тогда, когда становится открытой Абсолютному Другому – Богу.

Классик русской философии, во-многом близкий концепции «философии диалога» С.Л. Франк в книге «С нами Бог» определил ситуацию «стояния-перед-Богом» следующим образом: «наше отношение к ближнему, ко всякому человеческому существу и в пределе ко всякому живому существу вообще, совпадает с нашим отношением к Богу; то и другое есть единый, великий, просветленный акт преклонения перед Святыней, благоговейного видения истинной красоты, истинного Величия и Блага как первоосновы и сущности всяческой жизни. *Любовь и вера здесь совпадают между собой*» [7, с. 219]. Тем самым, «религиозная ситуация» из простого парадокса и антиномии позитивно разрешается как особая обращенность к миру, в которой все отношения входят в процесс преобразование волевым усилием любви человека ко всему сущему.

Это касается не только человеческих отношений, но и созидания культуры, которое в рамках «религиозной ситуации» протекает в форме осуществления абсолютных ценностей – т.е. ценностей обращенности человека к Богу. Как писал С.Б. Крымский, «конституирование абсолютного в культуре означает то, что освоенная человеческой деятельностью внешняя необходимость переходит в целесообразность творческих результатов этой деятельности адекватно красоте, нравственному совершенству (добру) и разумности (истине) бытия человека. Абсолютное в таком понимании раскрывается как всеобщая мера человечности в ее историческом развитии... В такой перспективе абсолютное в культуре оказывается уже не только возможностью, но и фактором ее конституирования» [4, с. 254].

Тем самым, феномен «религиозной ситуации», впервые концептуализированный М. Бубером, является весьма ценным и для осмысления онтологии человеческого бытия, и для понимания особых внутренних структур человеческой личности. Эти структуры

могут работать совершенно по-разному в зависимости от того, каким конкретным ценностным смыслом их наполняет сам человек, реализующий свою неотчуждаемую свободу выбора конечных целей и смыслов своего бытия. Отношение человека к Абсолюту (в том числе, и в такой «предельной» форме, как отрицание самого его существования), представляет собой базовую ситуацию самоопределения человека на самых высоких – духовно-экзистенциальном и нравственном – уровнях его бытия. Поэтому дальнейший углубленный анализ этой ситуации, очевидно, является необходимым элементом парадигмы ситуационных исследований.

Литература

1. А.А. Ухтомский в дневниках и письмах. – СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1992. – 206 с.
2. Бубер М. Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – 592 с.
3. Каган М.И. Герман Коген. «Религия разума из источников иудейства»: конспект // Каган М.И. О ходе истории. – М.: Изд. «Языки славянской культуры», 2004. – С. 45-92.
4. Крымский С.Б. Формы функционирования категории абсолютного в системе культуры / С.Б. Крымский // Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. – К.: Наукова думка, 1981. – С. 234-254.
5. Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения / Н.М. Солодухо // Вестник Татарстанского Отделения Российской Экологической Академии. – Казань, 2003. – № 3. – С. 3-4.
6. Франк С.Л. Непостижимое: онтологическое введение в философию религии // Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 183-559.
7. Франк С.Л. С нами Бог. – М.: АСТ, 2007. – 380 с.
8. Эпштейн М. Атеизм – это духовное призвание (о Раисе Омаровне Гибайдулиной) // Звезда. Литературный журнал. – 2001. – № 4. – С. 159-174.

ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрена актуальная проблема духовно-политического становления современной России и детально проведен анализ решений и действий государственного аппарата по реализации идеи возрождения духовно-нравственных ценностей в сознании россиян. В статье проведены исторические параллели подходов государства к формированию национальной духовности. Основной акцент в статье направлен на рассмотрение ключевых моментов политических инициатив президента России В.В. Путина, определяющих создание условий духовно-нравственного воспитания и самовоспитания граждан на современном этапе становления новой российской государственности, что является необходимым условием для духовного роста нации и каждого из ее членов, формирования зрелости самосознания русского человека, его способности проникать глубоко в смысл и предназначение России, сплетающихся в ней многообразных традиций и укладов.

Ключевые слова: *духовность, государство, русская культура, русская цивилизация, нравственное воспитание.*

The article concerns the most pressing issue of the spiritual and political formation of modern Russia. The analysis of decisions and actions made by the government machine to implement the idea of reviving spiritual and moral values in the minds of Russians is provided. The article draws historical parallels of the state's approaches to the formation of national spirituality. The main emphasis in the article is aimed at examining the key points of the political initiatives of Russian President V.V. Putin, which determine the creation of conditions for the spiritual and moral education and self-education of citizens at the present stage of the formation of new Russian statehood, which is a prerequisite for the spiritual growth of the nation and each of its members, the formation of the maturity of self-consciousness of a Russian person, his ability to penetrate deeply into the meaning and purpose of Russia, interwoven in her diverse traditions and ways.

Keywords: *spirituality, spirit, state, Russian culture, Russian civilization, moral education.*

Тезис о том, что в России во все времена политический институт государства всегда сочетался с духовностью не является

новым и по существу никем не оспаривается. Современная Россия в эпоху Путина не преследует цель смешать политику с религией. Это скорее призыв к морализации культуры реализуемый через политический институт государства. Духовность обеспечивает этическую основу для всех социальных и политических решений государства, независимо от того, использует ли государство моральную силу для политических решений, всегда существует основополагающая духовная потребность.

С точки зрения политологии, все жизненные ценности государства сходятся в единую политическую модель. Для устойчивого мира политическая модель развития государства должна иметь свои корни в духовных ценностях.

Соединение духовности и власти дано нам в самом представлении о Боге («Дух» – и в то же время высшая «Власть» в мироздании). Главным мотивом в жизни и духовном учении великого русского святого преподобного Серафима Саровского было «стяжание Духа Святаго», которое он истолковывал как предуготовление в нашей душе и плоти престола для Бога. Здесь мы можем наглядно видеть, как духовно-политический синтез укоренен в личной природе человека и, по сути, не зависит от внешних перемен и собственно политических смут. Главный «престол» обретается не в государстве, а в сердце человека – отсюда уже он может проецироваться на государство [2, с. 63].

В этом смысле и хозяйственная жизнь (сегодняшняя экономическая глобализация), и жизнь душ в их общении между собой (глобализация коммуникаций) должны идти не самотеком, а преобразоваться. Регулирование общественной жизни через духовные установки означает, что и человек, и гражданин, и общество не хотят опускаться на четвереньки.

Политическое становится, таким образом, необходимым условием для духовной жизни, духовного роста нации и каждого из ее членов.

Соединение духовного и политического начал является древнейшей истиной, дошедшей до нас через самые почтенные религиозные традиции. В этом соединении духовного авторитета и политического творчества формировался дух каждой нации, каждого государства [2, с. 64].

Духовность во все времена пронизывала политический институт всех известных государств на протяжении истории политического развития человечества. Еще с древних времен любая политика строилась на религии и опиралась на Богов того времени. Многие политические решения принимались только с позиции веры. Большинство войн между государствами начинались на почве религиозных разногласий. В связи с этим можно смело утверждать, что духовность и политика существуют совместно уже не одну тысячу лет.

Современная Россия находится на сложном пути восстановления связи между духовностью и политикой, ведь в ее истории был длительный период, когда политический институт пытался сформировать общественное сознание по средствам запрета духовности, направляя граждан на индустриально-материальные стремления, а в дальнейшем превратив волю нации в безликое материальное-нравственное сознание. Период советской власти всегда будет очень спорным периодом, так как все плюсы и минусы данного временного отрезка всегда находятся в крайней точке. Опираясь на наследие прошлого века современная Россия вынуждена поднимать духовность с «реального нуля» в сознаниях своих граждан. Духовность очень важна для русского человека, ведь русский человек всегда все делает с душой, а долгое время его учили, что данное понятие относится к числу ереси и эта идея вкладывалось в умы людей на протяжении не одного поколения.

Восстановление понимания и ценности духовности – одна из основных задач современной России. Политический институт должен сформировать целеустремления граждан в так называемую «Русскую мечту», которая будет путеводной звездой на жизненном пути каждого члена общества.

«Русскую мечту» с точки зрения симбиоза политики и духовности очень правильно сформулировал Проханов А.А.: «Русская мечта – это храм на холме. Мы насыпали холм и ставили на нем храм, чтобы тот своими крестами касался небес, черпал из небес волшебные энергии силы и красоты. Озарял этим светом небесным наши семьи, наши полки, наши пограничные заставы, наши заводы и университеты. Русская, российская мечта – она о благом

государстве, благом обществе, блаженной праведной жизни, в которой нет насилия и зла, а одна красота и служение. Эта мечта складывается из мечтаний всех народов, населяющих нашу державу. В каждой русской губернии, в каждой земле мы найдем подтверждение этой русской мечте.

Оттуда, из этого храма на холме, мы соединяемся с самыми возвышенными силами, которые не дают погибнуть не только нам на земле, но и вселенной в целом. Потому что задача человечества, как говорили наши космисты, как говорил Вернадский, в том, чтобы оживлять погибшие участки вселенной, вновь возжигать погасшие звезды. И в этом – наше русское мессианство, в этом – наши русские исторические корни. Русская мечта – это предчувствие чуда. Это построение справедливого, идеального, совершенного общества, огромного русского собора, в котором торжествуют любовь, милосердие, обожание, соединение человека и государства, государства и общества [3, с. 4].

Однако для достижения такой высокой цели одного слияния политического института с духовным недостаточно. Все упирается в проблему отсутствия сформированности духовно-нравственного сознания в умах современных россиян. По сути духовно-нравственное формирование личности определяется как системообразующее начало в развитии личности, оно преследует цель воспитать человека, способного на деяние добра, сформировать у него потребность в созидании добра и любви. В духовно-нравственном воспитании важно привитие ценности духовной культуры своего народа. Несмотря на такой всплеск и поворот к личности и безудержном поиске ее индивидуальности, мы наблюдаем кризис воспитания. Прежде всего, мы видим его отражение в современном обществе, российском общественном сознании. В ответе на вопрос обусловленности возникновения кризиса отечественного воспитания в его теории и практике мы найдем, прежде всего, причину безотчетного заимствования западных технологий, идей, чуждых нашему российскому менталитету и культуре, которые проникли в страну в период деморализованного политического института России в 90-х годах прошлого столетия. Категоричное отрицание духовности в советский период, кризис 90-х годов прошлого века и преемственность

чуждых индивидуалистических ориентаций в воспитании личности-потребителя осуществил переко́с в поиске аутентичного пути воспитания в России.

Первые разговоры на государственном уровне о необходимости возрождения в умах людей принципов духовности начались только в 2005 году. В сентябре 2005 года В.В. Путин посетил святую гору Афон в Греции, в разговоре с игуменом Василием, который в приветственном слове отметил, что «Самым главным отличием России от других держав мира является то, что она располагает не только материальным богатством, но и духовным», президент России сказал следующее: «Вы правы, сила России – прежде всего, в духовности, Я нигде не видел, кроме как на одной из старинных фресок в одной из часовен в России изображение Святого Георгия, который поражает змея не копьем, а словом», – пояснил президент РФ. Уезжая с Афона памятную надпись Владимир Путин оставил в книге почетных гостей Священного Кинота, написав: «Всем подвижникам, слугам Господа, всем христианам православной веры и хранителям православных святынь с уважением». Анализируя данную запись можно смело утверждать, что президент России В.В. Путин первый руководитель страны за многие годы, который не только признает духовность, а и понимает ее смысл в устройстве государства, из чего можно заключить что, в истории современной России В.В. Путин является основоположником возрождения духовности на государственном уровне.

В.В. Путин, как и его далекий предшественник Петр 1-й, стал лидером в очень сложный период для страны. Историки давно проводят между ними параллели и делают вывод о том, что выбранный курс правления у них очень схож. Данное сравнение по большей степени связано с тем, что и Петр 1-й и В.В. Путин создали все условия для развития государства и вывода России на главные позиции в мировой политике. Касательно духовно-политического симбиоза подход Петра 1-го очень правильно сформулировали в телепередаче умницы и умники «История России в преддверии Петра», которая была посвящена реформам Петра 1-го. В разговоре между ведущим Ю.П. Вяземским и кандидатом исторических наук Н.А. Могилевским ведущим был

озвучен следующий вопрос «...все его предшественники и Михаил Романов, и Алексей Михайлович Тишайший, и последующие – это все были верующие люди. Эти люди, которые в общем очень бережно и трепетно относились к церкви, а Петр?», - на что Н.А. Могилев ответил: «А Петр рационалист в чистом виде. Для которого все, включая его самого – это служение. Церковь как элемент государственной машины». Данное описание подхода к духовно-политической связи государственного института наиболее грамотное направление, которое может выбрать правитель. Поэтому, с точки зрения исторических параллелей, сходство подходов и стремлений Петра 1-го и В.В. Путина не оставляет сомнений. Оба эти правителя видят своей судьбой – служение своей стране. Но в отличие от Петра 1-го В.В. Путин понимает, что служение – это настоящее, которое после него может и перестать существовать.

Понимая и принимая данный факт В.В. Путин очень серьезно начал говорить о русской культуре, русской цивилизации, об осознании духовного гражданами великой страны. Русская культура – это высочайшая культура усвоения социальных ценностей. Русские, усваивая культурные богатства различных традиций, предпочитают ни от чего не отказываться, ни от чего не отрекаться. Благодаря этому качеству нашей культуры в России может ужитья все ценное, что выработало человечество [2, с. 50].

Зрелость русской цивилизации – это зрелость самосознания русского человека. Это его способность проникать глубоко в смысл и предназначение России, сплетающихся в ней многообразных традиций и укладов, своей семьи и предков внутри России и самого себя внутри более обширных единств.

В идеале человек осознает себя как органическую часть социального окружения (соседей, сослуживцев), рода (семьи) и нации (государства, больших общественных институтов), происходит взаимное питание, взаимная поддержка человека и общества. В случае кризиса в жизни человека на помощь ему приходят и родственники, и соседи, и нация в лице тех или иных институтов. Но и они имеют основания рассчитывать на его поддержку: окружающие люди, соседи, члены семьи, даже сама нация – в случае войны или необходимости участия данного человека в больших

проектах. Распад звеньев этой естественной солидарности означает не только распад общества, но и разложение самого человека, оторванность от трех компонент, необходимых для его личности, чтобы полноценно сознавать себя и свое место в мире. Через посредство трех компонент (нации, рода, другого индивида) человек воспринимает и природу, и космос, и духовную реальность.

Даже самый сокровенный личный опыт всегда соотносится с опытом людского окружения, с национальной и религиозной традицией и семейно-родовым разумом, усвоенным в детстве, впитанным «с молоком матери» [2, с. 51].

Зрелость русской цивилизации – это зрелость и разработанность внутрисоциальных отношений, их глубокое проникновение и запечатление в дух нации, в «подкорку» каждого ее представителя. Социальные константы, вековые принципы, традиции, которые доказали свою ценность, даже в условиях темных Смутных времен, даже после искоренения этих традиций, должны у носителей зрелой цивилизации легко и естественно регенерировать, восстанавливаться. Зрелая цивилизация даже после пережитого разгрома должна быстро отрастить свои органы, восстановить живую ткань [2, с. 52]. Данные мысли были сформулированы уже в период правления В.В. Путина, что доказывает правильность выбранного вектора развития современной России.

После поездки на Афон, в последующие годы В.В. Путин будет предпринимать действия для выведения духовности на государственный уровень. Государство без духовности уже не может функционировать – это факт, Россия одна из немногих стран мира, в которой на большие религиозные праздники для чиновников высшего звена является обязательным посещение храмов с выполнением всех религиозных таинств вместе с гражданами государства.

Данная государственная идеология очень четко можно описать словами Н.К. Рериха: «Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на пользу развития человеческого мышления, – все должно быть и выслушано, и принято» [4, с. 4]. И то,

что государственным институтом это принимается, говорит только о положительной динамике развития современной России, ведь в прошлом столетии Россия имела ту же деструктивную индустриальную логику мышления, как и большая часть мира. Данную логику очень грамотно сформулировал Н.К. Рерих, который писал: «Все государства, все учреждения, все частные лица живут вне бюджета, лишь умножая какой-то общеземной долг. Эта материальная задолженность не ограничится одними земными, механическими условиями – она перейдет в другую, гораздо более опасную, задолженность, и если планета окажется духовным должником, то этот страшный долг может быть тяжким препятствием всего преуспевания» [4, с. 6].

Далее, к сожалению, о шагах по возрождению духовности на уровне государства долгое время ничего кардинального не происходило. Этому мешали экономические, военные и политические обстоятельства. Поэтому к духовно-политической связи на государственном уровне вернулись аж в 2012 году. В преддверии выборов в президенты, В.В. Путин в своей предвыборной программе отмечает: «Духовность и единство российского народа – мои основные ценности», «На новые вызовы времени верный ответ может дать только нравственно здоровое общество. Нужно воспитывать приверженность семье, ответственность за судьбу Отечества, уважение к людям, учить беречь природу. Это обогатит наше общество, объединит его для новых свершений. Наша сила – в духовном богатстве и единстве многонационального российского народа. Возрождению и укреплению этих ценностей мы будем всемерно содействовать через развитие культуры, сотрудничество с традиционными религиозными конфессиями».

Так же В.В. Путин обратил внимание на то, что «Культура и искусство – это наша история и путь в будущее, возможность сохранить нашу культурную идентификацию и творческое многообразие. Великие российские писатели, композиторы и художники – золотой фонд мировой культуры, ключ к пониманию души нашего народа. Они своим творческим гением показали всему миру глубокую духовность и величие России. Мы будем продолжать поддержку российских деятелей культуры и сохраним наше лидерство в сфере искусств». Как мы видим, на тот момент

будущий президент уже заявляет о том, что духовность должна пронизывать всю суть бытия каждого гражданина страны (политического деятеля, педагога, врача, рабочего и т.д.), так как она учит поступать по совести, с Душой, что дает толчок к развитию нации в целом. Духовность формирует нравственность в человеке, а нравственность – сила великой русской нации.

После победы на выборах уже 19 ноября 2013 года Президент России Владимир Путин на III форуме заявил о важном практическом значении всероссийской программы «Святость материнства». «Вопросы духовного, нравственного воспитания подрастающего поколения, укрепления института семьи и семейных ценностей – требуют сотрудничества государства, гражданского общества, религиозных организаций, средств массовой информации», – говорится в обращении главы государства к участникам мероприятия. Как отметил Президент, форум вносит «весомый вклад в развитие этого партнерства, позволяет выходить на конкретные, содержательные решения, которые востребованы на практике».

В свою очередь Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в послании к участникам констатировал, что в погоне за читательскими рейтингами СМИ нередко апеллируют к идеям, «весьма далеким от высоких нравственных принципов». «В итоге часто получается так, что именно информационные ресурсы становятся активными участниками процесса, в результате которого из жизни людей последовательно вытесняются такие ключевые категории, как "верность" и "долг", обесцениваются понятия дружбы и любви, разрушаются традиционные представления о семье и браке», – заявил он.

По словам Патриарха, с утратой этих ориентиров общество подвергается в духовный кризис, в основе которого лежит, в первую очередь, «кризис семейных ценностей, поскольку именно семья является оплотом традиции, залогом преемственности поколений, главной школой нравственного и духовного воспитания личности».

Обеспокоенность президента данным вопросом вызывает восхищение. Так как граждане России советским временем были приучены жить материальным (индустриальным) складом ума. В

письмах Павла к Римлянам говорится: «Кто живет согласно своей плотской природе, живет устремлениями этой природы; кто живет согласно Духу – устремлениями Духа. Жить устремлениями собственной природы значит смерть, Духа – жизнь и мир». То есть президент РФ В.В. Путин пытается донести до своих граждан, что пора пересмотреть свои ценности, перестать гнаться за пустым материальным, которое отдаляет людей от «света» и делает их более равнодушными к миру, перенаправить свое внимание на духовную составляющую бытия и тем самым приблизиться к более одухотворенному образу жизни. Ведь даже спустя 2000 лет со дня воскресения Христа наш мир так и не достиг гармонии. Люди не смогли найти компромисс, мы так и не научились понимать друг друга. Данные изменения в человеке приведут к изменению сознания и возможно в мире, а в частности в России, меньше станет зла и обмана, а это именно тот прорыв, о котором говорил президент. Ведь с чистыми мыслями приходят инновационные идеи.

В 2015 году на государственном уровне уже отмечались достижения по развитию духовно-политического симбиоза. Владимир Владимирович Путин при встрече с Патриархом Кириллом говорил: «...благодарность за те труды, которые вы прикладываете к возрождению духовности нашего отечества потому что без этой базы, без этого фундамента невозможно развивать ни государственное устройство, невозможно двигаться вперед по развитию экономики и я уж не говорю о социальной сфере, потому что в основе деятельности любого государства должна лежать забота о людях, забота о своих гражданах...». Как и говорилось в предвыборной программе 2012 года В.В. Путин активно внедряет в политическую жизнь России духовно-нравственные основы, говорит о важности гражданского самосознания, что в последующие годы обретает уже четкую стратегию развития всей страны.

Гражданское самосознание – один из мощных компонентов, позволяющий человеку превратиться из подданного в гражданина, из «винтика» авторитарной системы в обладающего политическими и правовыми связями активного члена нации. Продвигнуться по этому пути современному «среднему» россиянину мешает, наряду с прочим, и его антикапиталистическая ментальность.

Анализу ее характерных признаков посвящена статья А.И. Алешина. В числе таковых исследователь отмечает следующие. Во-первых, ностальгию по привычным традиционным ценностям иерархически устроенного общества, в котором от рядового (в советском новоязе – «простого») человека ничего не зависело, но которое так же и не требовало от него индивидуальной активности, ответственности, конкурентных усилий, известного риска. Во-вторых, синдром потребительства, сопряженный с выходом на арену общественной жизни низовых слоев с характерной для них «массовой культурой». В-третьих, неудовлетворенность честолюбивых, карьерных притязаний, которые отныне зависят только от собственных усилий, квалификации, от успеха в конкуренции, а не от личных взаимно попустительских отношений с работодателем. И, наконец, высокую склонность к антитезе «свой – чужой» (рудименту «племенного сознания»), которая, с одной стороны, блокирует сознание личной ответственности и действие нравственных норм, а с другой – провоцирует подозрительность и даже ненависть к «иностранному», подталкивает искать в окружающем мире врагов [1, с. 361].

И уже в 2017 году выступая перед Архиерейским собором В.В. Путин говорит о духовном развитии всего мира. Его вопрос: «Что будет, если цивилизация растратит свои духовные и гуманистические начала, какими рисками для будущего человечества это обернется?» отражает всю сложность сегодняшних взаимоотношений мировых лидеров, которые преследуя свои эгоистические цели не гнушаются попираť все то светлое, что есть у современной цивилизации, подвергая сомнению даже священные постулаты – память предков. Искажение истории превращает в тлен светлую память главных событий прошедшего времени, а если забыть совершенные ошибки и героические подвиги их исправления, то цивилизация может опять повторить то, что было. Данное обстоятельство ведет к тому, что цивилизация как бы будет «топтать на месте», повторяя прошлые ошибки и постоянно их исправляя. Это обстоятельство может привести к инволюции, что пагубно скажется на всем человечестве. Поэтому в настоящий период президент РФ В.В. Путин все больше внимания уделяет

вопросам воспитания духовности и нравственности, особенно среди молодежи.

Закончить хочется словами В.В. Путина: «Современная Россия должна опираться именно на свою культуру, свою историю. Основой должна стать духовность. Сохраняя свои традиции, мы будем идти вперед, впитывая все новое и передовое, и оставаться Россией – навсегда».

Литература

1. Никольский С. Государство. Общество. Управление: сборник статей / С. Никольский, М. Ходорковский. – М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. – 511 с.
2. Платонов О.А. Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / О.А. Платонов, А.Б. Кобяков, В.В. Аверьянов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1056 с.
3. Проханов А.А. В поисках русской мечты / А.А. Проханов. – М.: Книжный мир, 2019. – 494 с.
4. Рерих Н.К. Нерушимое / Н.К. Рерих. – М.: Эксмо-Пресс, 2003. – 268 с.

УДК 1(091): 130.2

Н.И. Стрельникова

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В статье проведен анализ двух составляющих наследия И.А. Ильина, особо актуальных для использования в образовательном процессе – в преподавании гуманитарных дисциплин. Рассмотрены его концепция возрождения русской культуры и его трактовка трагических событий XX века с точки зрения христианского взгляда на историю. Показано, что в центре философии И.А. Ильина находится концепция духовного возрождения личности и народа. Исследуя причины разрушения русской христианской культуры, которое происходило в советский период, И.А. Ильин был уверен, что эта культура может возродиться. Взгляды И.А. Ильина на Великую Отечественную войну следует рассматривать

как яркий образец подлинно христианского понимания этих событий, который совмещает в себе и строгую объективность фиксации фактов, и понимание духовных, а не только материальных законов исторического процесса. Главная воспитательная и образовательная ценность наследия И.А. Ильина состоит в его ценностном и нравственном образе мысли.

Ключевые слова: *И.А. Ильин, русская культура, история XX века, образование.*

The article analyzes two components of the heritage of I.A. Ilyin, especially relevant for use in the educational process – in the teaching of Humanities. His concept of the revival of Russian culture and his interpretation of the tragic events of the twentieth century from the point of view of the Christian view of history are considered. It is shown that the concept of spiritual revival of the person and the people is in the center of I.A. Ilyin's philosophy. Investigating the causes of the destruction of Russian Christian culture, which occurred in the Soviet period, I.A. Ilyin was confident that this culture can be revived. Views of I. A. Ilyin's view of the Great Patriotic war should be seen as a vivid example of a truly Christian understanding of these events, which combines both a strict objectivity of fixing the facts, and an understanding of the spiritual, and not only the material laws of the historical process. The main educational and educational value of I. A. Ilyin's heritage consists in his valuable and moral way of thinking.

Key words: *I.A. Ilyin, Russian culture, history of the XX century, education.*

Философ Иван Александрович Ильин (1883 – 1954) относится к наиболее выдающимся русским мыслителям XX века. В начале века нынешнего он приобрел широкую известность не только в интеллектуальной среде России, но и среди широкого круга людей. В настоящее время он, по сути, становится нашим «национальным философом». Неоднократно его цитировал в своих официальных выступлениях В.В. Путин. В 1993 – 1999 гг. труды И.А. Ильина были изданы в «Собрании сочинений в 10 томах», а в дальнейшем это издание было продолжено. Отдельную ценность имеют его работы по духовному осмыслению Великой Отечественной войны.

Философия И.А. Ильина является «знаковым» явлением не только в истории русской мысли, но и в ее современном состоянии. Обращение к его трудам в настоящее время очень широко распространено не только среди философов, но и среди представителей самых разных гуманитарных наук, а также политических

деятелей. Этот феномен определяется прежде всего тем обстоятельством, что в трудах И.А. Ильина была создана целая программа духовного возрождения России, которое должно начаться после падения советского строя. Философ очень точно предсказал причины, «механизмы» и даже сроки ухода СССР с исторической арены, а также очень точно описал и то тяжелое состояние, в котором окажется Россия после советского периода. Главной причиной этого тяжелого состояния он считал в первую очередь не экономические и политические последствия «большевистского эксперимента» над Россией, но в первую очередь последствия духовные – уничтожение христианства и разрушение русского национального характера.

Именно поэтому в центре философии И.А. Ильина находится концепция духовного возрождения личности и народа. Одна из главных его книг имеет символическое название «Путь духовного обновления», которое очень точно выражает суть и главную цель всей его философии в целом. Все частные ее темы и проблемы в конечном счете имеет целью такое воздействие на мысль и сознание человека, которое ведет к его глубокому духовному обновлению.

Эта часть его философии до настоящего времени остается мало исследованной. Можно указать лишь на общие обзорные статьи по этой теме О.А. Баргилевича, М.В. Моисеенко, Н.В. Рудской и Э. Тюмасева, а также на докторскую диссертацию М.В. Финько [8]. Отдельно стоит выделить монографию литературоведа Ю.И. Сохрякова «И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик» [6], в которой системно рассмотрена философия И.А. Ильина и ее христианские основания.

В свою очередь, Э. Тюмасев отмечал, что «актуальность философии культуры Ильина заключается в том, что она имеет значение для научного анализа современного состояния русской культуры, для выработки адекватных способов преодоления современного культурного кризиса» [7, с. 109]. Рассмотрение философии культуры И.А. Ильина как в первую очередь своего рода «путеводителя» для преодоления глобального культурного кризиса уже стало вполне традиционным. Об этом развернуто пишет екатеринбургский философ С.З. Гончаров в своей книге с характерным

названием «Философия совершенства Ивана Ильина»: «И.А. Ильин, как никто другой, ясно прозревал планетарный кризис и квалифицировал его как кризис духовный в его религиозном сосредоточии. Работы И.А. Ильина обращены к нам, застаю щ им этот кризис. Выход из кризиса предполагает, в первую очередь, не внешние преобразования, а само внутреннее, душевно-духовное преобразование человека с иной вертикалью ценностей, с иным пониманием существа человека и меж человеческих отношений, с иными ориентирами в «жизненном мире» – в воспитании и образовании, в религии и культуре, в политике и хозяйстве, в армии и суде. Ибо ментальность современного человека с ее техно-, и экономико-цетричностью не позволит преодолеть кризис» [1, с. 10]. Таков современный контекст философии культуры И.А. Ильина, делающий ее особо актуальной. *Целью* данной статьи является анализ двух составляющих наследия И.А. Ильина, особо актуальных для использования в образовательном процессе – в преподавании гуманитарных дисциплин. Во-первых, это его концепция возрождения русской культуры; во-вторых, его трактовка трагических событий XX века с точки зрения христианского взгляда на историю.

По определению И.А. Ильина, «культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и слагается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия. Поэтому народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т. д.) являть картину отсталости и первобытности. И обратно: народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство) переживать эпоху упадка» [2, с. 492-493]. В чем состоит онтологическая сущность культуры?

Как пишет об этом И.А. Ильин, «культура творит и утверждает; она произносит некое приемлющее и пребывающее «да». Любовь же есть первая и величайшая способность – принимать, утверждать и творить. В любви любящий сливается, духовно

срастается с любимым предметом силою художественного отождествления и самоутраты, он отдает себя ему и принимает его в себя. Возникает новое, подобно тому как в браке и деторождении; создание же нового есть творчество» [2, с. 499]. Вместе с тем пути созидания культуры очень многообразны. Понимание культуры у И.А. Ильина носит ярко выраженный православно-ценностный характер. Христианские понятия «Бог есть любовь» философски-логически определяется И.А. Ильиным, как любовь в качестве «безусловного первоисточника всякого творчества, всякой культуры». То есть первоисточником любой культуры, является Божественное в нас, воспринимаемое человеком как христианская любовь, поскольку сама культура в любых своих проявлениях не может иметь негативный «бесчеловечный» характер. Культура сама по себе имеет объективную ценность, базой которой выступает категория духовности. В христианском понимании – это устремление человеческой души к Божественному совершенству. В раскрытии самого понятия «культура» он использует комплексный подход, где структура культуры определяется в виде целостного, неразрывного, связанным базисом духовности «квинтета» – нравственность, наука, искусство, политика, хозяйственная деятельность. Здесь он определяет культуру, как творчество человека во всех сферах деятельности, в которых должен присутствовать дух творца, созидателя, а не разрушителя от финансовой беспечности, которая в конечном счете призвана погубить своего создателя. Ценность культуры содержится в творческой жизни человека и государства. Главное определение культуры по И.А. Ильину – это исторически накопленный духовный опыт человечества и созидание от духовного начала.

«Творить христианскую культуру – писал И.А. Ильин, не значит законничествовать в отвлеченных догматах или понуждать себя к умствованию о предметах, сокрытых от земного человеческого ока; это не значит отказываться от свободного созерцания или творить только «по закону» представителей земной Церкви. Но это значит раскрыть глубину своего сердца для Христового Духа и из него обратиться к созерцающему восприятию Бога и Божьего мира, а также к свободным и ответственным волевым деяниям в плане Божьего Дела на земле. Ибо так созерцающему и действующему человеку дано внести христианский дух

во все, что бы он ни начал делать: в науку, в искусство, в семейную жизнь, в воспитание, в политику, в службу, в труд, в общественную жизнь и в хозяйствование. Он будет творить живую христианскую культуру» [2, с. 499-500]. В этом общем контексте понимания сущности культуротворчества, следует понимать и концепцию специфики христианской культуры, обоснованную И.А. Ильиным. Как пишет философ, «ясно, какое исключительное значение имело в истории культуры христианство. Оно внесло в культуру человечества некий новый, благодатный дух, тот дух, который должен был оживить и оживил самую субстанцию культуры, ее подлинное естество, ее живую душу. Этот дух был чудесным образом внесен во враждебную среду, иудейско-римскую, в атмосферу рассудочной мысли, отвлеченных законов, формальных обрядов, мертвеейшей религии, жадно-земной воли и жестоковейного инстинкта. Этим актом культура не могла твориться; она могла только вырождаться. Этот путь вел к омертвлению. И понятно, что люди этого акта (фарисеи) и цивилизация этого уклада (римская) не могли принять этого благодатного учения» [2, с. 493]. В свою очередь, аналог этому процессу И.А. Ильин усматривает и в XX веке, в особенности, в разрушении русской христианской культуры, которое происходило в советский период. И.А. Ильин был уверен, что эта культура может возродиться, что реально и происходило в русской эмиграции. В 3-томном собрании переписки И.А. Ильина с великим русским писателем И.С. Шмелевым философ рассматривал последнего как провозвестника будущей русской культуры, которая пройдет соблазн безбожием и декадентством, и возвратится к заветам высокой пушкинской классики.

Анализ социально-исторических детерминант культуротворчества в концепции И.А. Ильина затрагивал только отдельные аспекты этой обширной темы теоретической рефлексии. Дальнейшая разработка этих и других аспектов данной темы является важным и перспективным направлением как для философии культуры, там и для других гуманитарных наук. Категориальное содержание понятия культуротворчества интегрирует культурологическое знание на основе базовой ценности творческого преображения мира и человека.

В современном преподавании истории Великой Отечественной войны очень актуальным является ее общее понимание как события мировой и русской истории, максимально свободное от идеологических оценок и основанное на христианских ценностях. Такое понимание этого события можно найти у философов русской эмиграции, которые смотрели на войну не через призму идеологий, а как на очередную агрессию Европы против России – например, наряду с Наполеоновским нашествием, Крымской войной, Смутой и т.д. Именно такой подход важен для современности, поскольку позволяет увидеть ее связь со всей русской историей.

Живя в эмиграции, и бежав от гитлеровского режима в Швейцарию, И.А. Ильин здесь имел возможность осмыслить эту страшную эпоху русской истории без идеологических клише, а исключительно с точки зрения интересов русского народа и своего православного мировоззрения. В частности, в письме И.С. Шмелеву в 1945 году И.А. Ильин отмечал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они – враги России, презиравшие русских людей последним презрением; они разыгрывали коммунизм, как свою пропагандную карту. Коммунизм в России был для них *только предлог*, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей жажду завоевания. Германский империализм прикрывался анти-коммунизмом... Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?» [4, с. 317]. Это свидетельство весьма важно, поскольку в наше время в публицистике распространяется лживый и невежественный миф о якобы «сочувствии» И.А. Ильина гитлеровской Германии.

И.А. Ильин очень объективно оценивал ситуацию войны, и ту особо трагическую ситуацию, в которой оказался русский народ, находившийся под игом большевизма, но одновременно вынужденный бороться с внешним завоевателем. Врач Ю.И. Лодыженский приводит в своих воспоминаниях письмо И.А. Ильина, написанное им в самом начале войны настоятелю женеvского храма протопресвитеру о. Сергию Орлову: «Внимательно слежу за событиями в России... Проснулась глубина народного инстинкта самосохранения, воспитанного тысячелетним Православием и Государями. Народ выдвигает в борьбе новых людей,

дерется героически, молится и отстаивает Россию. Но, как и когда это выразится в государственном очищении, обновлении и возрождении, еще не видно... Это совершенно не значит, что нам по пути с немцами. Немцы верны своему прежнему плану: Россию по возможности ослабить, обезлюдить, разорить, оккупировать, отодвинуть в Сибирь и заселить своими немцами. Жестокость германцев равносильна жестокости большевиков. И там, и тут для русского народа рабство, безбожие и гибель... Полагаю, что Россия освободится однажды от обоюдной разбойной нечисти и начнет новый славный расцвет свой» [5, с. 491-492].

Многочисленные статьи, публиковавшиеся И.А. Ильиным в то время в швейцарской прессе, были собраны в 2004 году в книгу «Гитлер и Сталин. Публицистика 1939-1945 годов». Уже в статьях июля 1941 года И.А. Ильин отмечает пробуждение «инстинкта национального самосохранения» у русского народа. Он констатирует, что народ «принимает активное участие в новой войне», русские солдаты «воюют не только храбро, но во многих случаях в безнадежной ситуации бьются до последнего патрона» [3, с. 64]. В феврале 1943 философ уже делает более обобщающий вывод о характере войны: «Русские воюют на собственной территории и за собственную страну. Ведь русский народ ощущает себя подвергшимся нападению и считает, что находится в состоянии обороны. Русская история неоднократно доказала, что русские воюют с гораздо большей отдачей на собственной земле, чем при непонятном наступлении за пределы своей страны» [3, с.160]. Поэтому, по его оценке, Германия ввязалась в двойную войну – не только против сталинского режима, но и против русского народа, который воюет по своей «старой национальной стратегии, но с применением нового оружия» [3, с. 65].

Нападение Гитлера на Россию, в тот момент существовавшую в форме СССР, предстает у И.А. Ильина не просто как война, но как грандиозное столкновение цивилизаций. Он писал: «Западноевропейская стратегия соотносится с русской национальной как мелкое европейское пространство с огромным азиатским, как горная страна с континентальной равниной, как каменная культура с культурой деревянной» [3, с. 69]. Главное преимущество России в этом столкновении, по мнению И.А. Ильина,

состоит в уникальной духовной и физической выносливости русского народа, которую формируют пять главных факторов: суровый континентальный климат; природа в которой выживают лишь выносливые растения и животные; почва, которая требует напряженного труда; история многостолетних войн за выживание; суровое и взыскательное государство, воспитывающее национальный характер [3, с. 78].

И.А. Ильин отмечает и «комбинацию военной и революционной тактики» используемую Красной армией, выражающаяся, в частности, в уличных боях. «Современная тотальная война вооружила и обогатила свою тактику этим революционным методом борьбы... Использование опыта войны на баррикадах, в блиндажах и жилых домах; использование дедовских методов партизанской войны с современными (радиосвязь и пропаганда); сплав древних казачьих методов войны с новыми противотанковыми методами обороны... Иными словами современная тотальная война обучалась у революции, и не только технике и тактике, но и пропаганде и агитации» [3, с. 161]. Позитивно оценена И.А. Ильиным и целенаправленная подготовка СССР к войне. Прежде всего он отмечает объективную неизбежность советской индустриализации, связанную с полной очевидностью для русских планов Запада по агрессии в отношении России. «Уже сто лет, как на Западе сильно переоценивают восточные территории в колонизаторском отношении и сильно недооценивают русский народ. Уже сто лет в национально-политической литературе России отмечается порой совершенно открытый тезис европейцев: у русских варваров слишком большая территория, которая не используется. Поэтому не надо было иметь большого ума, чтобы после Первой мировой войны начать в России грандиозную индустриализацию» [3, с. 162]. Индустриализацию с целью предотвращения дальнейшей агрессии Запада И.А. Ильин определяет, как общий императив русской национальной политики. Претензия И.А. Ильина к большевистскому режиму состоит в том, что «никакая буржуазная индустриализация не потребовала бы от народа таких отчуждений и лишений, как в коммунистическом государстве, чтобы, готовясь к войне, не оставить в людях хоть какие-то физические силы» [3, с. 162]. Тем самым, обвинение

И.А. Ильина большевистскому режиму состоит в том, что тот осуществил создание индустриальной и технической мощи за счет варварского расходования и изматывания человеческого капитала русского народа – и этот упрек, очевидно, нельзя не признать обоснованным.

И.А. Ильину представляется невероятным и свержение гитлеровцами коммунистического режима. По его определению, «германскому вермахту вряд ли когда-нибудь удастся свергнуть или сместить большевистское правительство, если только счастливый случай на войне не предоставит возможность взять в плен Сталина» [3, с. 82]. Это объясняется в первую очередь тем, что под давлением обстоятельств «русские народные массы временно примирились с навязанной им тоталитарной государственной формой как целесообразным орудием войны» [3, с. 101]. Шанс на исчезновение большевистского безбожного режима И.А. Ильин видел лишь в том, что в ходе ведения русским народом национальной войны он неизбежно придет в противоречие с вненациональным мышлением большевистской элиты и народ захочет устранить эту элиту как негодный инструмент своей национальной обороны. Однако в тот период наблюдался, скорее, обратный процесс: «чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага и тем больше воюющие народные массы учились подчиняться дисциплине национального военного Верховного командования, не обращая внимания на партийный режим» [3, с. 182]. Поэтому он с острым скептицизмом относился к Власову и власовщине как к запоздалой попытке немцев организовать «новую русскую гражданскую войну» [3, с. 218]. Тем самым, война объективно привела лишь к временному укреплению советского режима, и отложила его падение на более отдаленный срок. Краткий обзор воззрений И.А. Ильина на Великую Отечественную войну показывает, что его взгляды можно рассматривать как яркий образец подлинно христианского понимания этих страшных событий, который совмещает в себе и строгую объективность фиксации фактов, и понимание духовных, а не только материальных законов исторического процесса.

И.А. Ильин принадлежит к числу харизматичных мыслителей русского зарубежья. Его можно назвать духовно-идейным вождем, учителем и мудрецом бесценного русского наследия. Своим творчеством он преподносит нам урок духовно-правовых констант, и делает самостоятельные оригинальные выводы, продолжая традиции русской мысли. Рассматривая эволюцию русской культуры в контексте духовного кризиса человечества XX в. и трагические события XX века, философ приходит к важным выводам, которые способствуют адекватному анализу современных социокультурных явлений с позиций противостояния разрушительным процессам, а также поиску путей преодоления кризиса культуры, осознанию роли духовных сил в развитии общества и необходимости целостного подхода к их решению.

Литература

1. Гончаров С. З. Философия совершенства И. А. Ильина. – Екатеринбург: НОУ ВПО «УИБ», 2007. – 257 с.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления / сост., отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939-1945 годов. – М.: Русская книга, 2004. – 624 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935-1946). Т. 2. – М.: Русская книга, 2000. – 576 с.
5. Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
6. Сохряков Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик: монография. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 249 с.
7. Тюмасев Э. Феномен духовной культуры в концепции И.А. Ильина // Политические и социальные проблемы современной России. – Таганрог: Изд. ТГТУ, 2004. – С. 88-114.
8. Финько М.В. Религиозно-философская концепция русской культуры: На материале работ И.А. Ильина: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на/Д, 2004. – 47 с.

ЭПОХА РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РАБОТЕ Г. ШПЕТА «ОЧЕРКИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»

В данной статье изучается один из наиболее значимых трудов русского философа Густава Шпета «Очерки русской философии». По нашему мнению, русский философ не дал общей картины развития Российского государства и стоящих перед ним проблем и задач, которые не могли не сказаться на развитии российской науки в целом и философии в частности. Обращает на себя внимание и крайне негативная оценка роли Московского университета в развитии наук в России. Однако, с точки же зрения обзора собственно философских персоналий, течений и поступательности развития философской науки в России труд русского мыслителя представляет собой несомненную научную ценность.

Ключевые слова: *философия, история России, Российское Просвещение*

This article studies one of the most significant works of the Russian philosopher Gustav Shpet, "Essays on Russian Philosophy." In our opinion, the Russian philosopher did not give a general picture of the development of the Russian state and its problems and tasks, which could not but affect the development of Russian science in general and philosophy in particular. An extremely negative assessment of the role of the Moscow University in the development of sciences in Russia is also noteworthy. However, from the point of view of a review of philosophical personalities, trends and progressive development of philosophical science in Russia, the work of the Russian thinker is of undoubted scientific value.

Keywords: *philosophy, history of Russia, Russian Enlightenment*

В культуре русского мира возрождается интерес, после перерыва, к изучению русской религиозной философии Серебряного века. Одной из ключевых фигур этого периода является Густав Густавович Шпет. Мы согласны с мнением В. Ф. Пустарнакова о том, что «уже в дооктябрьский период Шпет заявил о себе, как самобытный и глубокий историк философии» [1, с. 708]. Вместе с тем местами дискурс В. Пустарнакова по поводу Г. Шпета («степенания», «необъективность» [1, с. 277; с. 561] вызывает сомнения.

В настоящей работе мы поставили перед собой задачу рассмотреть и проанализировать идеи русского мыслителя из его труда «Очерки истории русской философии». Субъектом нашего

исследования являются взгляды Г. Шпета на развитие философии в эпоху русского Просвещения. Также мы остановимся на проблемах исторического блока вопросов, которые нашли свое отражение в работе русского философа. Творчество Г. Шпета очень пристально исследуется с точки зрения герменевтики. Только за последнее время в этом направлении написаны работы И.В. Демина, В.Г. Кузнецова, Д. Оттавиано. Проблемы же науки истории и историзма в его трудах остаются мало освещенными. Конкретно посвященных этому направлению творчества Г. Шпета работ нет, но некоторые аспекты были рассмотрены в работах Т.Г. Щедриной, В.В. Ванчугова и В.Ф. Пустарнакова.

В нашей работе мы проводим текстологический анализ работы Г. Шпета «Очерки русской философии», останавливаясь на спорных моментах. Примечательным в исследуемой работе является уже тот факт, что сам русский мыслитель ни разу не употребляет словосочетание «русское Просвещение». В его описании России той эпохи предстает перед нами отсталым государством – как в плане науки в целом, так и в развитии науки философии.

Не отрицая роли Петра I в реформировании государства и развития науки, русский философ, тем не менее, высказывает негативное к нему отношение. Он пишет, что «Петр и его ближайшие помощники ценят науку только по ее утилитарному значению – таково свойство ума малокультурного» [2, с. 58]. Это замечание, на наш взгляд, несправедливо. Петр I был одним из образованнейших людей своего времени. Безусловно, в его понимании картины мира хватало пробелов – что неудивительно, учитывая его познание мира через самообразование. Однако в начале XVIII века сложно найти другого такого монарха, имеющего столь широкий кругозор и интерес к наукам. Для сравнения, английский король той эпохи Георг I даже не знал английского языка. Упрек Г. Шпета, по нашему мнению, вызван пренебрежением Петра I к философии – в сравнении с другими науками. Однако Просвещение еще только зарождалось, и время монархо-философов – или, по крайней мере, интересующихся вопросами философии и поддерживающих мыслителей – еще не наступило. Фридрих Великий, герцог Веймарский Карл-Август, Екатерина II и само явление просвещенного абсолютизма были делом будущего.

Далее русский мыслитель задается вопросом: в чем причина отсталости России от Европы в плане философии? И сам отвечает на этот вопрос: «исключительно невежество не позволяло русскому духу углубить в себе до всеобщего сознания европейскую философскую рефлексию» [2, с. 73]. На наш взгляд, слабость выводов Г. Шпета состоит в том, что он рассматривает вопросы развития философии в полном отрыве от исторического контекста. Задаваясь вопросом, почему Петр I не занимался развитием философской мысли в России, Г. Шпет допускает ту же ошибку.

Взглянем на проблемы, стоящие перед российской государственностью в течении ее истории. Русский философ игнорирует их, лишь замечая, что «государственное единство России установилось раньше некоторых европейских, а тем более американских государств» [2, с. 74]. Однако благополучие государства зависит не только и не столько от времени его образования, а от условий, в которых происходило его развитие. Ни одно из европейских государств не переживало ничего подобного монгольскому игу, приведшего к катастрофическим последствиям и четверти тысячелетия жалкого, подневольного существования. Но даже если перейти к рассмотрению более поздней эпохи, то и там жизненный путь России отнюдь не был устлан розами.

К чудовищным по разрушительности последствиям привела Россию смута начала XVII века. Они не ограничиваются огромными потерями населения и разрухой практически по всей территории страны. Потеря Смоленска и разорение Новгорода (после ухода оттуда шведов в 1617 году там оставалось лишь несколько сотен жителей) привело в итоге к утрате контроля над побережьем Финского залива на долгие сто лет. Россия была отрезана от морей, в то время как европейские страны получали баснословные прибыли – как от торговли, так и от захватов новых земель. В результате колониальной экспансии морские державы Европы захватили территории, в десятки раз превышающие площадь собственных государств.

Проблемы российского государства не ограничивались западным фронтом – мы считаем, что такое название вполне обосновано, ведь только в XVIII веке Россия провела 25 лет в войнах с Польшей, и 10 со Швецией. На южном направлении картина была

еще более сложной. Там нашим соседом было Крымское ханство. Более трехсот лет, это государство, пользовавшееся протекцией и поддержкой мощнейшей тогда Османской империи, жило исключительно за счет грабежа России. Ежегодно, а то и по несколько раз в году крымские татары совершали набеги на север, оставляя за собой разоренные города и сожженные деревни, и увозя десятки тысяч людей в плен для продажи на невольничьих рынках. Как писал известный российский историк В. Ключевский: «Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах» [3, с. 386]. В унисон ему говорит и выдающийся российский философ Н. Лосский: «Века татарского господства, а впоследствии изоляционизм Московского государства помешали русскому народу ознакомиться с западноевропейской философией» [4, с. 6]. Остается лишь добавить, что упомянутый им изоляционизм был не искусственным самоограничением, а необходимым ответом России на внешние угрозы. С учетом вышеизложенного, не стоит удивляться тому, что Петр I в первую очередь занялся развитием практической науки. Военное дело, развитие промышленности, кораблестроение – развитие этих отраслей помогали решить не философские, а конкретные проблемы, стоящие перед развивающимся Российским государством.

Тем не менее, именно при Петре I, с реформой системы высшего образования, в Россию стала проникать европейская философская мысль. Развивается книгопечатание, открываются школы, создается академия наук. Эпоха Просвещения начинается почти синхронно во всех наиболее значимых государствах той эпохи, и Россия не остается в стороне от ее идей. Как отмечает Г. Шпет, «Великие немецкие философы того времени, Лейбниц и Вольф способствовали предприятию Петра» [2, с. 61]. Однако тут же он замечает, что само «существование Академии было обеспечено плохо» [2, с. 61]. Этот тезис русского философа вызывает, по нашему мнению, определенные сомнения. Известно, что

в Академию были приглашены виднейшие ученые Европы. Под их руководством развитию наук в России было придано немалое ускорение. Так, в 1736 году, спустя 10 лет после открытия Академии французский астроном Дорту де Меран писал: «Петербургская академия со времени своего рождения поднялась на выдающуюся высоту науки, до которой академии Парижская и Лондонская добрались только за 60 лет упорного труда [5, л. 6]. Из его слов мы можем сделать вывод о бурном прогрессе науки в России, который начался с созданием Академии.

После смерти Петра I, по утверждению Г. Шпета, ситуация стала еще хуже. Россия вступила в «век солдатских переворотов, цариц и фаворитов, в век выскочек, опьяненных властью и самодурством» [2, с. 62]. По его мнению, в этот период духовенство, отстраненное Петром I от управления государством, перешло в контрастную позицию: «Цензура невегласов одинаково простиралась и на науки естественные, и на науки исторические» [2, с. 62]. Русский мыслитель замечает, что «Особенного бесстыдства достигло охранительство в правление Елисаветы Петровны» [2, с. 62]. В доказательство своих слов Г. Шпет приводит послания Синода к императрице, направленные против дальнейшего развития Просвещения в России.

Действительно, в то время Синод играл роль «тормоза» российского образования. Порой это принимало гротескные формы, как, например, предание анафеме басней Эзопа. Однако реальных рычагов власти у Синода к тому времени уже не существовало. Ярким примером этого является случай с антиклерикальным произведением М. Ломоносова «Ода бороде». Поданное Синодом императрице требование покарать Ломоносова осталось не только без последствий, но и без ответа. Стоит остановиться и на причинах появления этого произведения выдающегося русского ученого, обычно доброжелательно настроенного по отношению к церкви. Незадолго до написания «Оды бороде» Синод попытался вмешаться в дела Московского университета, запретив публикацию произведения А. Поупа «Опыт о человеке». Перевод этой работы был сделан учеником Ломоносова Н. Поповским, что, по-видимому и вызвало ответную реакцию великого русского ученого. К слову, труд А. Поупа также был издан, что еще

раз свидетельствует о переоценке Г. Шпетом степени влияния Синода на реальное положение дел с Просвещением и образованием в России той эпохи.

Эпоха Елизаветы Петровны также отмечена деятельностью ее фаворита графа Ивана Шувалова, сделавшего очень многое для развития наук и искусств в России. Именно при поддержке Шувалова был претворен в жизнь план Ломоносова об открытии Московского университета. По его же инициативе была открыта и Академия художеств. Как отмечал академик В. Садовничий: «М.В. Ломоносов во многом обязан возвышению и признанию своего природного таланта в Российском государстве поддержке и покровительству со стороны И.И. Шувалова» [6, с. 308]. Подобный союз государственных деятелей и людей науки был не редкость в то время и в Европе (например, Фридрих Великий и Вольтер).

Говоря о М. Ломоносове, Г. Шпет признает его ученым европейского уровня, но подчеркивает, что в отличие от европейских ученых он «не создал собственной школы» [2, с. 61]. Однако, как мы считаем, русский учёный сделал больше, чем создание школы. Он заложил основы всей российской науки в целом. Трудно переоценить его вклад в открытие той же Академии. Возможно, отношение русского философа к Ломоносову связано с тем, что последний традиционно считался первопроходцем именно в прикладной, практической науке, в то время как Г. Шпет делал упор именно на философскую составляющую научного наследия мыслителей прошлого. Возможно, создавая свой труд Г. Шпет в наше время, он бы иначе отнесся к оценке М. Ломоносова как ученого. Начиная с середины XX века он стал рассматриваться как философ (например, Васецкий Г.С. Философские взгляды М.В. Ломоносова М. - 1952). Так, современный исследователь истории науки А. Рыбас считает, что «Ломоносов своим творчеством утвердил в России принципы научной философии» [7, с. 43]. С другой стороны, русский мыслитель подвергал Ломоносова критике еще и за то, что он «в националистическом увлечении не всегда сдерживался соображениями независимости науки» [2, с. 63]. Здесь противоречия между Г. Шпетом и М. Ломоносовым более значимы. Если придерживаться традиционной терминологии, то М. Ломоносов был ярко выраженным славянофилом, в то

время как русский философ придерживался прямо противоположных взглядов. По мнению профессора С. С. Хоружего, «Густав Шпет стоял на крайне западных позициях» [8, с. 368]. Это не могло сказаться в оценке, которую Г. Шпет дал Ломоносову. «Стал учить тому, что никому не нужно было» [2, с. 65] – эти слова Г. Шпета, обращенные к Ломоносову, на наш взгляд, несправедливы. Скорее можно согласиться с великим А. Пушкиным, сказавшим, что «Ломоносов – наш первый русский университет».

Переходя к обзору преподавания в Московском университете, русский мыслитель высказывает крайне негативное, нигилистическое отношение – как к отдельным персоналиям университета, так и ко всему преподаванию философии в целом. «Университетские профессора в XVIII веке лишь забавлялись около философии» [2, с. 95], утверждает он. Однако эти «забавы» выходили далеко за рамки университетского образования. Достаточно вспомнить ярые споры по поводу диссертации Аничкова или дело профессора Мельмана. Как утверждает доктор философских наук В.Ф. Пустарнаков, это «отнюдь не единственные факты, свидетельствующие о том, что некоторые «забавы» вокруг философии оставили глубокие следы в интеллектуальной истории России» [1, с. 28]. В то же время, говоря о философии того времени в России, Г. Шпет утверждает, что «ее влияние на общественное сознание оказывалось ничтожным» [2, с. 63]. Однако философия была в то время, да и остается сейчас элитарной наукой. Даже в современном мире сложно говорить о серьезном влиянии философии на общественное сознание. Тем более сложно всерьез принимать подобные упреки применительно к XVII веку.

Во многом критика русским мыслителем преподавания философии в Московском университете связана с трудами, по которым она изучалась. Так, он писал, что «Основным руководством по философии оставался один из последователей Вольфа, скучный и ограниченный Баумейстер» [2, с. 89]. Причиной такого выбора он называл «дурной философский вкус» [2, с. 89], утверждая, что выбор делался не из передовых философов того времени, а из «второстепенных, подражателей, популяризаторов» [2, с. 89]. Выставляя процесс обучения философии в негативном свете,

русский философ не скупился на эпитеты, говоря о «вольфианстве с Баумейстером в качестве глашатая» [2, с. 94] и «совокуплении Вольфа с бесцветным кантианством» [2, с. 94]. Разберем его критические замечания более подробно.

Прежде всего, если принять априори утверждение Г. Шпета о том, что в описываемом им эпохе философия в России только делала первые шаги, то выбор для ее изучения трудов Баумейстера абсолютно ясен. Немецкий философ в то время уже был известен, как автор наиболее популярных и доступных для понимания учебников по логике и философии. Об этом говорится в современной работе «Христиан Вольф и философия в России»: «Причесанные» труды Баумейстера и Винклера лучше подходили к роли учебных пособий, нежели оригинальные труды Вольфа, к тому же еще очень пространные, в отличие от более «компактных» трудов его последователей» [9, с.104]. Он же упоминает и вторую причину, проигнорированную Г. Шпетом: «Основные философские труды Вольфа, принятые в качестве учебных пособий в протестантских университетах Германии, не могли быть допущены в Россию для широкого хождения» [9, с. 132]. Все же мы говорим о XVIII веке, эпохе, когда понятие веротерпимости и равенства конфессий не были приняты ни в России, ни в Европе. По нашему мнению, эти причины более весомы, чем дурной философский вкус, о котором говорил русский мыслитель.

Остается добавить, что по мере того, как просветительно-популяризаторская роль трудов Баумейстера в России была сыграна, отношение к нему изменилось. Так, уже в 1804 году при издании его «Нравственной философии» было указано, что «поелику сей автор по нынешнему состоянию Философии недостаточен, то профессор делает к нему собственные дополнения» [10, 1804, № 6, с. 19].

Необходимо отметить, что спорные, на наш взгляд, выводы русского мыслителя подвергались критике и ранее. Так, известный русский философ В. Зеньковский в своем главном труде «История русской философии» писал о «неисторическом и тенденциозном подходе» Г. Шпета к изучению развития русской философии [11, с. 115]. Еще более резок был советский философ, профессор И. Щипанов, писавший о «предвзятых и вздорных»

взглядах Г. Шпета [12, с. 79]. Можно предположить, что И. Щипанов, писавший свою работу в 50-е годы в Советском Союзе, ставил во главу угла не научный подход, а идеологическую составляющую. Тем более поразительны их совпадения во взглядах на труды Г. Шпета с В. Зеньковским, издавшим свой труд в Париже, находясь в эмиграции.

Еще на один спорный момент в построениях русского мыслителя указал современный ученый В. Ф. Пустарнаков. Г. Шпет в своем труде акцентировал внимание на неоригинальности и несамостоятельности русской философии. Однако, как справедливо, по нашему мнению, отмечает В. Пустарнаков «в рамках культурологической модели исследования философского процесса отдельных стран и народов» [1, с.80] вопросы оригинальности и заимствований не могут стоять на первом месте. Он же подчеркивает, что в XVIII веке «философско-университетская сфера русской культуры выдвинулась на общеевропейские рубежи» [1, с. 80]. В. Пустарнаков избегает излишне резких оценок взглядов русского философа, которыми порой грешили цитируемые выше Зеньковский и Щипанов. Однако он отмечает, что Г. Шпет «часто впадал в излишний критицизм и даже нигилизм» [1, с.708]. Касательно же «Очерков русской философии» он утверждает, что это антиисторическая книга «не выдерживает никакой критики» [1, с.26]. Мы считаем, что при всей резкости данной формулировки автор прав касательно освещения Г. Шпетом вопросов, связанных с проблемами истории и историзма.

Сделаем вывод. В труде Г. Шпета «Очерк развития русской философии» дан исчерпывающий анализ истории развития философской науки в России в разных эпохах, в том числе, и в XVIII веке. При этом, по нашему мнению, им не было дано общей картины развития Российского государства и стоящих перед ним проблем и задач, которые не могли не сказаться на развитии российской науки в целом и философии в частности. Также обращает на себя внимание крайне негативная оценка роли Московского университета в развитии наук в России. Как мы видим, его негативный и спорный с исторической точки зрения подход отмечался и ранее. Остается лишь отметить, что причины данного явления видятся нам в западнических взглядах Г. Шпета. Однако,

с точки же зрения обзора собственно философских персоналий, течений и поступательности развития философской науки в России труд русского мыслителя представляет собой несомненную научную ценность.

Литература

1. Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2003. – 919 с.
2. Шпет Г. Г. Очерки русской философии. – М., 2008. – 592 с.
3. Ключевский В. О. Курс русской истории. – М.: Яуза-пресс, 2018. – 1152 с.
4. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Академический Проект; Трикста, 2011. – 551 с.
5. СПФА РАН. Ф. I. Оп. 3. Д. 21.
6. Садовничий В.А., Слово об Иване Ивановиче Шувалове / Россия, Московский университет. Высшая школа: Статьи. Выступления, Интервью: 1992-1998 гг. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 568 с.
7. Рыбас А. Е. Ломоносов и философия науки в России // Вече: Журнал русской философии и культуры. – СПб., 2011. – № 23. – С. 30-43.
8. Хоружий С.С. Проблема личности в спорах западников и славянофилов // Историко-философский ежегодник, 2010. – С. 343-370.
9. Христиан Вольф и философия в России. – СПб.: РХГИ, 2001. – 400 с.
10. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения 1803- 1817. – № 1-44.
11. Зеньковский В. В. История русской философии Т. 1-2. Париж, 1948-1950.
12. Щипанов И. Я. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII века. // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР: Т.1-2. – М., 1955.

Трибуна молодого ученого

УДК 37.013:001.891

М.Ю. Розум

ИЗУЧЕНИЕ СУЩНОСТИ И ТРАКТОВОК ПОНЯТИЯ «ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ» В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В статье анализируются наиболее важные понятия, которые раскрывают личностное и профессиональное развитие человека в профессиональном обучении и деятельности. Данная статья позволит изучить процесс становления понятия «профессионализация» с момента зарождения до формирования современных взглядов исследователей на его сущность. Анализ данного понятия проводится на основе выявления стадий, уровней, этапов профессионализации личности.

Ключевые слова: *профессиональная деятельность, профессиональное развитие, профессиональное становление, профессиональное обучение, профессионализация, профессионализм, профессионал.*

The article analyzes the most important concepts that reveal the personal and professional development of a person in vocational training and activities. This article will allow you to study the process of formation of the concept of "professionalization" from the moment of its inception to the formation of modern views of researchers on its essence. The analysis of this concept is carried out on the basis of identifying the stages, levels, stages of personality professionalization.

Key words: *professional activity, professional development, professional formation, professional training, professionalization, professionalism, professional.*

Профессиональное развитие и становление личности является очень важным для раскрытия профессиональных качеств, знаний, умений и навыков личности. Базовые основы профессионального развития личности формулирует педагогика и психология. Психология изучает развитие, самореализацию и процессы,

которые связаны с развитием личности в течение всей жизни. Педагогика раскрывает развитие личности, которое происходит в педагогическом процессе, взаимодействии, обучении. В процессе обучения в высшем учебном заведении с личностью происходят процессы, которые направлены для развития ее интеллектуального, профессионального потенциала и которые соответственно будут реализованы в процессе профессионализации.

Непосредственно в практической деятельности: обучении, практических занятиях, профессиональной практики выявляются компоненты профессионального развития и становления личности, поэтому во время обучения важно выявить и сформировать личность, которая в будущем сможет реализовать свои профессиональные знания, умения и навыки в будущей профессиональной деятельности.

Для рассмотрения сущности понятия «профессионализация» обратимся к его изучению в психолого-педагогической литературе, будем учитывать его природу как разнопланового процесса личности, который протекает в процессе профессионального обучения и профессиональной деятельности.

В процессе его изучения будем также принимать во внимание его сущностные характеристики, такие как:

- определенного процесса развития качеств личности, проявившегося к конкретной профессиональной деятельности и в динамике при овладении профессиональными знаниями, умениями и навыками;

- социализации личности: самореализация личности в процессе профессионального обучения в учебном заведении, профессиональной деятельности;

- становление и развитие личности как профессионала, которые реализуются за счет важного профессионального процесса как профессионализм.

Наличие разных направлений рассмотрения понятия «профессионализация» ведет к появлению различных определений, но однозначного определения понятия «профессионализация» в современной науке по-прежнему не выработано, так как согласно теоретическим и экспериментальным изучением и точкам зре-

ния процесс профессионализации изучается как усвоение определенной профессиональной деятельности, ее преобразование и новообразование на каждой жизненной стадии личности.

Непосредственно в процессе обучения личность сопоставляет себя с уже имеющимся представлением о будущей профессии, а определенные специфические профессиональные характеристики требуют соотнесение личности и дальнейшее развитие умений, навыков для реализации себя как профессионала в будущей профессиональной деятельности.

Первоначально при изучении понятия «профессионализация» данный термин ассоциировался в психологии с развитием качеств личности, формированием их и осознания в профессиональной деятельности [20].

В процессе обучения важной составляющей является деятельность личности, которая реализуется за счет взаимодействия образцов будущей профессиональной деятельности с индивидуальной (внутренней) деятельностью. Результат данного взаимодействия – формирование профессиональных знаний, умений, навыков и т.д. [15].

Профессиональное развитие личности происходит за счет взаимодействия личностной и профессиональной деятельности; ведь человек прежде, чем приступить к профессиональной деятельности, имел свое видение и представление конкретно к выбранному профессиональному обучению. Соответственно может развиваться то, что есть, а возможно развитие и тех качеств, способностей, которых и не было.

Процесс профессионального развития подводит к следующему процессу личности – профессиональное становление. Так, в процессе профессионального развития происходят такие процессы как самореализация и самоосуществление в своей будущей профессии в познавательной, учебно-профессиональной видах деятельности, насколько личность движется в развитии, в науке называется профессиональным становлением. В профессиональном становлении происходит формирование важных теоретических знаний, практических умений и навыков, характерных качеств форм поведения для конкретной профессиональной дея-

тельности. Профессиональное становление личности и деятельности изучены К.С. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьевым, В.Д. Шадриковым [13; 1; 19] и др.

Понятие «профессионализация» рассматривается как педагогический регулируемый процесс психологического становления личности, который главной целью ставит формирование личности в конкретных условиях получаемого профессионального образования.

Реализация процесса профессионализации происходит во время профессионального обучения. Так, с педагогической точки зрения профессионализация рассматривается как определенная педагогическая программа, которая подразумевает профессиональное образование в виде специальной профессиональной подготовки к будущей профессиональной деятельности. В процессе профессионализации формируются профессиональные знания, умения и навыки, а также нормы поведения будущей профессии.

В научном знании каждый процесс состоит из определенных соответствующих компонентов. И в педагогической науке профессионализация начинается с профориентации, развивается за счет профессионального становления личности, которое возможно проанализировать при реализации определенной профессиональной подготовки непосредственно в высшем учебном заведении. Данную мысль поддерживают А.А. Деркач, А.К. Маркова [5].

В результате исследований были сделаны заключения, что понятия профессиональное развитие и профессиональное становление, а также профессионализация идентичны.

Процесс профессионализации является интересным вопросом об установлении взаимосвязи между адаптацией личности к условиям, требованиям специализации конкретной профессиональной программы в процессе обучения и деятельности.

Л.А. Анцыфирова определяет профессионализацию как сочетание личностных природных особенностей человека в конкретных условиях обучения и включение творческого подхода для реализации профессиональной деятельности [2].

Профессионализация личности начинается в процессе профессионального обучения в учебном заведении профессиональной направленности и продолжается в течении всей профессиональной жизни личности.

Соответственно процесс профессионализации выступает как социализация личности в период обучения и его составляющими являются личность, как обучающийся и обучение будущей профессии [10].

Существуют определенные возрастные периоды и место, которые благоприятствуют для изучения процесса профессионализации. Поэтому самое благоприятное изучение профессионализации непосредственно в студенческие годы, в учебном профессиональном заведении. А.А. Тыртышный понятие «профессионализация» раскрыл в узком смысле как изучение будущей профессии обучающимся в высших учебных заведениях, а в широком смысле – осмысление процесса обучения в высших учебных заведениях как профессионально важных и значимых для будущего профессионального жизненного пути личности [17].

Н.С. Пряжников охарактеризовал профессионализацию как процесс формирования с момента выбора профессии личностью и получения обучения в высшем учебном заведении и как определенный результат, который реализовывается в трудовой деятельности [14].

Для изучения профессионализации как процесса необходимо изучение с определенных характерных форм, уровней и стадий. Каждому процессу свойственны формы, уровни, стадии – и профессионализация не является исключением.

Для изучения профессионализации Т.П. Востриковой были сформированы следующие формы:

- методологический план как форма социализации личности;
- анализ отдельных стадий профессионализации, которые касаются проблем профотбора и профориентации, профессионального обучения и адаптации;
- единство всех стадий профессионализации как целостного процесса [3].

В процессе обучения в высшем учебном заведении выделены следующие уровни профессионального становления личности:

1) приспособление к профессиональной деятельности, которая направлена на ее реализацию по отработанной схеме со слабой творческой активностью, но с нахождением альтернативных профессиональных проблем (адаптивный);

2) освоение знаний и развитие умений для осознания и понимания в профессиональной реализации (профессионально-репродуктивный);

3) поиск и развитие личностного индивидуального стиля по отношению к будущей профессиональной деятельности (личностно-продуктивный);

4) реализация умений, индивидуального подхода и собственного стиля для полной готовности в профессиональной деятельности (субъектно-креативно-профессиональный). Данные уровни были предложены В.А. Слестелиным [13].

Каждый процесс отличается конкретными специфическими особенностями и поэтому ряд исследований посвящены изучению для описания стадий профессионализации.

Так, по мнению А.К. Марковой, профессионализация является профессиональным становлением и рассматривает понятие «профессионализация» как одну из сторон социализации, которому свойственны определенные стадии и этапы: допрофессионализм, профессионализм, суперпрофессионализм, непрофессионализм (псевдопрофессионализм) и слеппрофессионализм [5].

Л.М. Митина для определения профессионализации отметила, что ее составляющими является личностное и профессиональное развитие с саморазвитием личности для творческой самореализации в профессии. И выделила три стадии профессионализации: адаптация; становление; стагнация [11].

В психологии выделяют следующие стадии профессионального становления личности по мнению К.М. Левитана:

1) подготовительная или довузовская – связанная с выбором профессии;

2) начальная или вузовская – определена основами формирования умений, свойств личности как личности-профессионала;

3) основная или послевузовская – главной целью которой является самореализация личности в профессиональной деятельности [9].

Н.С. Глуханюк при определении профессионализации выделила следующие стадии:

- формирование осознанного выбора профессии с учетом своей индивидуальности (оптация);
- система профессиональных знаний, умений и навыков для решения профессиональных задач и приобретение опыта (профессиональная подготовка);
- усвоение технологий, приобретение опыта и вхождение в профессию (профессиональная адаптация);
- квалифицированное выполнение профессиональной деятельности (первичная и вторичная профессионализация);
- включение творческой реализации в профессиональную деятельность, вершина карьерного профессионального роста (профессиональное мастерство) [4].

Э.Ф. Зеер описал другие следующие стадии становления профессионализации:

- возникновение профессиональных намерений и как следствие, переход на новый уровень (поступление в учебное профессиональное учреждение, для личности основан на обоснованном выборе данной профессии);
- целенаправленное обучение;
- внедрение и выполнение профессиональных обязанностей;
- реализация личности и достижение профессионального мастерства [7].

В процессе профессионализации личности выделяются разные этапы. Так, Т.В. Кудрявцев в качестве критериев выделения избрал отношение личности к профессии и уровень выполнения деятельности и выделил следующие стадии:

- возникновение и формирование профессиональных намерений, обоснованный выбор профессии;
- профессиональное обучение, которое сопровождается усвоением личности определенных знаний, умений и навыков;

- вхождение личности в профессию, развитие важных качеств конкретной профессиональной деятельности;
- реализация личности в конкретной профессии: личность является профессионалом, которая использует творчество, индивидуальный стиль и стремится к самосовершенствованию [8].

При исследовании профессионализации определены следующие этапы: формирование профессиональных намерений, профессиональная подготовка, профессионализация и мастерство. Данную точку зрения поддерживает А.А. Трущева [16].

Таким образом, при изучении стадий и этапов профессионализации, у многих исследователей они имеют много общего и позволяют определить процесс профессионализации.

Понятие профессионализации отражено в своих трудах А.А. Мартыновой и Ю.П. Поваренкова как процесс формирования личности и деятельности профессионала [12, 15].

Т.Ф. Ефремова и определила профессионализацию как избрание личностью какого-либо занятия своей профессией; переход в разряд профессионалов [6].

А.А. Тыртышный изучив различные подходы личности к профессионализации, выделил следующие стадии профессионализации: «профессионалы», «полупрофессионалы», «непрофессионалы» [17].

Будущая личность-профессионал в профессионализации раскрывается за счет следующих форм:

- 1) формирование профессиональных качеств и как результат профессиональное формирование;
- 2) профессиональное развитие и соответствующая подготовка личности раскрывается в профессиональном воспитании;
- 3) усвоение конкретных профессиональных знаний, умений и ценностей будущей профессии реализуются в профессиональном самовоспитании.

Ю.П. Поваренков выделяет следующие стадии профессионализации:

- допрофессиональное развитие (подготовка личности к профессионализации);
- поиск учебного заведения для выбора будущей профессии;
- профессиональное обучение;

– самостоятельная профессиональная деятельность.

Данным стадиям присущи периоды: 1) профессиональная адаптация; 2) устойчивый рост показателей; 3) наивысшие достижения; 4) период спада [12].

А.Р. Фонарев считает, что необходимо создать концепции профессионализации и ее формы, в которых она происходит, за основу выбрав карьерный рост и успешность для совершенствования профессионального образования [18].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что профессионализация является важной составляющей профессионального развития личности. С точки зрения педагогики, очень важно правильно обучить личность в соответствии с профессиональной программой не только стандартно-нормативным требованиям, а также развивать творческий потенциал при решении профессиональных задач. Для психологии важны все процессы, которые происходят с момента самоопределения личности к будущей профессиональной деятельности, избрание высшего учебного заведения, реализации знаний в практической деятельности, включение личности в профессиональную деятельность.

Профессионализация является частью жизненного пути личности с момента выбора будущей профессии, включения в профессиональную деятельность и заканчивается с прекращением трудовой деятельности.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: Наука, 1989. – 180 с.

2. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии: учебное пособие / Л.И. Анцыферова. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 512 с.

3. Вострикова Т.П. Профессионально-коммуникативный опыт социального работника / Т.П. Вострикова // Социальные реформы и социальная работа: реалии и перспектива: материалы Международной заочной конференции 15 декабря 2009 г. – Самара: Самарский государственный университет [Текст. Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssu.samara.ru/files/soc/soc_ref.doc.

4. Глуханюк Н.С. Психология профессионализации педагога : [монография] / Н.С. Глуханюк ; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2005. – 260 с.

5. Деркач А.А., Зазыкин В.Г., Маркова А.К. Психология развития профессионала. – М., 2000.

6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн версия). – URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.

7. Зеер Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование [Текст]: [дидакт. и психол. аспекты] / Э.Ф. Зеер // СПЕЦИАЛИСТ. – М., 2011. – № 2. – С. 28–32.

8. Кудрявцев Т.В. Психолого-педагогические проблемы высшей школы // Вопросы психологии. – 1981. – № 2. – С. 20–30.

9. Левитан К.М. Юридическая педагогика: учебник / К.М. Левитан. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 416 с.

10. Мальцев А.Н. Опытнo-экспериментальное исследование связи профессионализации и профессионально важных качеств личности в процессе обучения в вузе // Проблемы педагогической инноватики в профессиональной школе: материалы 9-й Межрегиональной межотраслевой научно-практической конференции. – СПб, 2007. – С. 72–75.

11. Митина Л.М. Особенности личностного и профессионального развития субъектов образовательного пространства в современных социально-экономических условиях : научно-методическое пособие для практических психологов образования и педагогов / под ред. Л.М. Митиной; Рос. акад. образования, Психол. ин-т, Лаб. психологии проф. развития личности. – М. : Социальные науки, 2010. – 293 с.

12. Профессиональное развитие студентов педагогического вуза: учеб. пособие / И.В. Кузнецова, Ю.П. Поваренков. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2003. – 128 с.

13. Психология и педагогика [Текст] / под ред. К.А. Абульханова-Славская, Н.В. Василина, Л.Г. Лаптев, В.А. Слестелин. – М., 1988. – 305 с.

14. Психология труда : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М.: Академия, 2009.

15. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности [Текст] : учеб. пособие для студ.

высш. пед. учеб. заведений / С.Д. Смирнов. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 304 с.

16. Трущева А.А. Проблема профессионального становления студентов социального института / Социальная работа глазами студентов. – М., 1998.

17. Тыртышный А.А. Проблема профессионализации обучающихся по специализации (профилю) «Правовое обеспечение медицинской деятельности» // Вестник Российского нового университета. – М., 2012. – № 3. – С. 5–10.

18. Фонарев А.Р. Развитие личности в процессе профессионализации // Вопросы психологии. 2004. – № 6. – С. 72–83.

19. Шадриков В.Д., Дружинин В.Н. Формирование подсистемы профессионально важных качеств в процессе профессионализации // Проблемы индустриальной психологии. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1979. – С. 3–18.

20. Шрейдер Р.В. Уровень профессионализации как фактор, определяющий структуру профессионально важных качеств / Р.В. Шрейдер // Проблемы системогенеза деятельности. – Ярославль, 1980. – С. 56–67.

УДК 340.128

Д.А. Викторов

МАРКСИЗМ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ЗАДАЧИ

В данной статье анализируются некоторые проблемные вопросы марксистского учения, связанные с попыткой построения социалистического общества в XX веке на территории СССР и последующим распадом страны. Ставится вопрос о тенденциях и задачах современной материалистической концепции в контексте ужесточающегося кризиса империализма в начале XXI века. Делается попытка дать ответы на поставленные вопросы и предложить пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: марксизм, империализм, социализм, классовая борьба, народство, устарелость понятийного аппарата, оппортунизм.

This article analyzes some problematic issues of Marxist doctrine related to the attempt to build a socialist society in the XX century on the territory of the USSR and the subsequent collapse of the country. The question is raised about the trends and tasks of the modern materialist concept in the context of

the growing crisis of imperialism at the beginning of the twenty-first century. An attempt is made to provide answers to the questions raised and suggest ways to solve the identified problems.

Keywords: *Marxism, imperialism, socialism, class struggle, peopleness, obsolescence of the conceptual apparatus, opportunism.*

Несмотря на тяжкое поражение после распада СССР, марксистское учение приобретает актуальность в начале XXI века. Это может быть объяснено обострившимися противоречиями капиталистической системы общественно-экономических отношений.

В качестве одной из значимых проблем современного марксизма можно, для начала, выделить проблему теоретическую: частичную устарелость понятийного аппарата, который, в целом, не менялся с середины XX века, но используется по сей день.

Проиллюстрируем обозначенный тезис на примере понятия «государство», применяемого в контекстах «социалистического», «народного» и им подобных в советской литературе.

Подходя к вопросу, вспомним, что одной из основ классического марксизма является учение о классовой борьбе. Марксизм утверждает, что на определенном этапе развития общественных отношений государство отомрет в результате уничтожения классов. Это случится тогда, когда противоречия империализма достигнут пиковой точки и пролетариат, объединив вокруг себя трудящихся, разрушит старое буржуазное государство и общество.

В то же время, классики марксизма отмечали, что необходим переходный этап от классового общества к бесклассовому. Такой этап назван диктатурой пролетариата.

Фридрих Энгельс в своем письме к Августу Бебелю говорит, что пролетариат пользуется государством лишь постольку, поскольку ему необходим аппарат подавления контрреволюции. С введением социализма государство «само собою распускается». До тех пор, пока не подавлены до конца реакционные элементы, происходит усиление классовой борьбы по ходу приближения к социализму, о чем утверждал Сталин. Из этого следует, что ужесточение классовой борьбы означает усиление государства, аппарата подавления одного класса другим. Отмирание государства

может происходить тогда, когда уничтожены антагонистичные классы, когда нет необходимости в аппарате насилия. Именно на первой фазе построения коммунизма мы сталкиваемся с управляющей организацией общества, которая уже не является государством по своей природе, но еще сохраняет некоторые его свойства.

В том же письме Энгельс предлагает по отношению к такому явлению применять слово «община», так как оговоренная организация уже не может именоваться «государством». Однако, как отмечал Ленин, слово «община» не вполне подходит под описание обозначенной организации. В русском языке слово «община» (как и в немецком – *Gemeinwesen*) имеет совершенно иное значение, и спутывать их между собой было бы неверно [1, с. 64-65]. В то же время Ленин не предлагает замены энгельсовой «общине». Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Выполняя поставленную задачу, будем отталкиваться от слова «государство». Рассмотрим происхождение сего слова. Оно происходит от слова «государь», что означает владыку, правителя, владельца страны в лице, на момент возникновения слова, монарха. В настоящем контексте господствующий класс является коллективным государем той или иной страны. Вторая часть слова есть суффикс «-ств-», означающий какое-либо свойство. Расшифровывая слово «государство», мы получаем нечто, принадлежащее государю, господину. Под этим «нечто» понимается определенная территория, проживающие на ней люди, ее разнообразные ресурсы, принадлежащие, де-факто, господствующему классу.

Если говорить о социализме, то управляющая организация еще сохраняется, но не для подавления одного класса другим, а для регулирования общественных отношений, производства, обмена, потребления и распределения вещественных и духовных благ, нравственного ориентирования общества, поэтому она не является политической.

В то же время, на первых порах развития такой организации могут сохраняться такие взаимосвязанные пережитки классовых формаций, как, например, товарное производство и неантагонистичные классы. Как писал Сталин, товарное производство в лице

колхозов и индивидуальных собственников должно постепенно быть обобществлено и превратиться в распределительное. Только после возведения на уровень общенародного всего производства возможно достижение высшей фазы коммунизма [2, с. 204-220].

Ответим на вопрос, каким словом мы можем обозначить такую организацию, стоящую пока еще над обществом, на низшей фазе коммунистического строительства. Исходя из аналогии с государством и учитывая отсутствие антагонистических классов и всенародную вовлеченность в процессы общественного управления, мы можем назвать управляющую организацию общества при социализме «народством», то есть организацией управления обществом, принадлежащей всему трудовому народу и функционирующей в его интересах. Опираясь на все изложенное ранее, мы можем предложить этому понятию следующее определение:

Народство есть постепенно отмирающая управляющая организация общества при социализме, выражающая волю трудящихся, управляемая ими и действующая в их интересах в целях контроля и учета производства благ; их распределения среди населения; поддержания социалистического общественного порядка и нравственности; непрерывного развития производительных сил; наиболее полного удовлетворения постоянно растущих вещественных и духовных потребностей общества.

В связи с изложенным, может быть поставлен вопрос о том, был ли СССР народством или оставался государством. В статье первой Конституции Союза ССР от 1977 написаны такие слова:

«Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны» [4, с. 5].

Объединяя в одном суждении слова «общенародное» и «государство», законодатель, вероятно, совершает ошибку в рамках марксизма-ленинизма, ибо государство не может быть общенародным, о чем не раз заявляли классики марксизма-ленинизма. Советские правоведы применяют устаревшее понятие к новому явлению.

В это же время было бы неверно называть Советский Союз народством в чистом виде, так как в нем сохранялись некоторые

весомые черты государства, стремившиеся к своему усилению, а не к отмиранию: сильный и разветвленный бюрократический механизм, соответствующая ему система права, репрессивный аппарат и так далее. Советский Союз остановился в своем развитии на промежутке между государством и народством, что, видимо, стало основной причиной его краха.

Между тем, советские ученые продолжали называть СССР «государством», хотя стоило бы называть его именно «народством» или иным словом с подобным значением. Отсутствие подходящего понятия привело к оксюмору в Основном Законе страны.

Данная проблема не решена и по сей день. Марксисты используют старый понятийный аппарат, либо, пытаясь обогатить его, выходят за рамки теории. Так, в середине-конце XX века американскими социологами был введен в научный оборот термин «когнитариат», означающий наемных работников умственного труда и по сей день нередко ошибочно противопоставляющийся «пролетариату». В данном случае необходимо внести разъяснение. Понятие «пролетарий», введенное веком ранее, означает не сугубо заводских рабочих, а вообще всех наемных работников, продающих свою рабочую силу, и производящих прибавочную стоимость для собственника [7]. Пролетариат никуда не исчез, а переход весомой части наемных рабочих в область умственного труда есть закономерное следствие развития производительных сил.

Стоит рассмотреть и положительный пример введения новых понятий, связанных с марксистской теорией. Примерно в то же время британский социолог Гай Стэндинг вводит в оборот понятие «прекариат», означающее класс людей, не имеющих полной гарантированной занятости [5]. Советский и российский ученый Жан Тощенко более точно определяет состав прекариата, включая в него также самозанятых и безработных [6]. Однако, если смотреть с позиций марксизма, то самозанятые представляют собою вовсе отдельный класс, а безработные принадлежат к деклассированному слою общества. Прекариат же являет собой слой пролетариата, отличительной чертой которого является по-

стоянная занятость на непостоянной работе или работе с неполным рабочим днем на постоянной основе, жизнь за счет сезонных работ или подработок. Появление этого понятия именно в конце XX века связано с положением пролетариата в современном обществе, условия которого предоставляют большей части рабочего класса лишь непостоянную занятость.

Таким образом мы выяснили, что наряду с негативными тенденциями в современном марксизме существуют и некоторые позитивные подвижки, давая надежду на развитие теории в соответствии с изменяющимися реалиями.

Наряду с устарелостью понятийного аппарата, а также оппортунизмом и искажением теории, марксизм XXI века сталкивается с двумя последними в том числе на практике. Своеобразие современного положения заключается в том, что они особенно присущи крупнейшим партиям, являющимся на словах главными выразителями интересов трудящихся в государственных органах законодательной власти.

Все время с момента распада СССР Коммунистическая партия Украины последовательно теряла доверие избирателей. На это указывают результаты выборов: в парламентских выборах 2007 года она получила всего 5,39% голосов, в парламентских выборах 2012 года больше, но еще мало, – 13,18% голосов. На президентских выборах 2010 года первый секретарь ЦК КПУ Петр Симоненко получил шестое место и 3,88% голосов избирателей в первом туре. На президентских выборах 2014 года, еще до запрета партии, – 1,51% голосов.

Во время переворота 2014 года и последовавшей войны на Донбассе, КПУ проявила свою политическую беспомощность, не противопоставив ничего шовинистическому режиму, захватившему власть. Эту проблему затронул научный сотрудник Донецкого республиканского краеведческого музея Валерий Кузин в 2019 году на конференции «Актуальные проблемы истории Донбасса» в докладе «Донецк 2014: несостоявшаяся революция». Кузин опровергает неверное предположение о том, что в 2014 году на Донбассе произошла революция, подчеркивая, что основа революции есть классовая борьба, коей на Донбассе не было. Далее автор говорит такие слова:

«В период поздней весны 2014 г. проявилась политическая несостоятельность компартии Донбасса и немногочисленных социалистов. Острые политические кризисы – это всегда возможность взять власть в свои руки. Но оказалось, что коммунистам нечего предложить народу, они не в состоянии повести за собой политический актив Донецкого края и народ, возглавив правительство Республики. За подобным фактом видится не только несостоятельность конкретных лидеров компартии Донецка, а более серьезное и фундаментальное явление – несостоятельность постсоветского коммунистического движения» [3].

Таким образом, вскрывается общая проблема современного постсоветского марксизма – несостоятельность представляющих его движений.

Немалую роль в случившемся на Украине играет также разрозненное состояние большей части современного пролетариата, находящегося по большей части в отношениях прекаритета, отсутствие его классового сознания. Разбитые по небольшим производственным коллективам рабочие, не осознающие своей классовой принадлежности, априори ничего не могут противопоставить капиталу. Пролетариат, чье историческое призвание стать локомотивом трудящихся, на данный момент также беспомощен. Ничем ситуация не отличается и в других государствах постсоветского пространства.

Примерно то же самое происходит и с Коммунистической партией Российской Федерации. При всей популярности партии, за последние годы она не принимала никакого участия в крупных стачках трудящихся. Так, без содействия со стороны КПРФ осталась забастовка казанских крановщиков в 2019 году, окончившаяся победой рабочих. Не ведет партия и активной пропаганды марксистско-ленинской теории.

Отмечая настоящую деятельность партии, хотелось бы отметить, по крайней мере, один момент, ставящий под сомнение ее моральное право называть себя «коммунистической».

На президентских выборах 2018 года в РФ кандидатом от КПРФ выступал Павел Грудинин, на момент проведения выборов, являвшийся владельцем 42% ЗАО «Совхоз им. Ленина». Павел Николаевич, выдвигаясь от коммунистической партии, являлся

капиталистом, владевшим солидным пакетом акций в частном предприятии. В ходе предвыборной кампании Центральной избирательной комиссией РФ были обнаружены несколько счетов на зарубежных банках, принадлежащих ему. Эти счета им задекларированы не были. Исходя из слов члена ЦИК Николая Левицева, сумма денег на счетах Грудина составляла около 55 миллионов рублей. До этого Грудинин был членом совсем не коммунистических партий «Единство» (1999-2001) и «Единая Россия» (2007-2010).

Учитывая изложенное ранее, совершенно неудивительно, что популярность партии с каждым годом падает по причине утраты ею доверия граждан. Так данная партия на выборах в Государственную думу РФ получила: в 1999 – 24,29%, в 2003 – 12,61%, в 2007 – 11,57%, в 2011 – 19,19% и в 2016 – 13,34% голосов. Доверие к «официальным» коммунистам просело почти вдвое.

Данные показатели отнюдь не говорят о потере у россиян интереса к марксизму и об уходе с повестки дня запроса на общественную справедливость. Напротив, этот запрос с каждым годом растет. Об этом достаточно красноречиво говорят данные социального опроса, проведенные «Левада-центром» в начале 2019 года касаясь отношения граждан к личности Сталина, одного из крупнейших деятелей марксизма. 70% россиян считают, что Сталин сыграл «положительную» или «скорее положительную» роль в истории России.

Об оживлении интереса к марксизму также говорит и то, что в России зарождаются марксистские движения нового типа – различные сетевые источники, распространяющиеся как в социальных сетях, так и на более крупных платформах. Ими создаются также отдельные сайты, новостные источники и тому подобное. Подобного рода течения придерживаются, в общей массе, классического марксизма, занимаясь его пропагандой. Существует также множество марксистских кружков, образованных во многих городах России, участвующих непосредственно в борьбе рабочих за свои права законными средствами и в их просвещении.

Отдельно стоит упомянуть о созданной в конце 2019 года организации «Союз марксистов», основателями которой стали некоторые названные ресурсы и кружки из различных населенных

пунктов страны. Целью организации деятели ставят объединение мелких кружков и разрозненных ресурсов в новую единую организацию, создав предпосылки для создания рабочей партии. На этом пути им предстоит выполнить следующие задачи, провозглашенные в Манифесте движения: привлечение к своей деятельности трудящихся масс с помощью агитации и пропаганды; обеспечение теоретического образования марксистских кадров; выработка идейно-теоретической базы с анализом текущего момента; организация трудящихся масс для борьбы; создание крупных региональных организаций, занимающихся борьбой за права трудящихся.

Помимо обозначенных «Союзом марксистов» перед нарождающимся рабочим движением России стоит множество иных задач.

Особенно остро в наши дни, стоит задача борьбы с оппортунизмом и искажением теории, развенчания деятелей, относящихся к подобного рода течениям. На политической арене России XXI века можно увидеть различных представителей левых движений, прикрывающихся, так или иначе, флагами марксизма и коммунизма.

Следует дополнить и уточнить тезис «Союза марксистов» о выработке идейно-теоретической базы. Осуществление данной задачи состоит не только в анализе текущего положения дел, но и в доработке некоторых устаревших понятий марксизма, сотворении новых, более подходящих к современным реалиям с учетом нынешней обстановки. Также невозможно обойти стороной вопрос теории построения социализма. Стоит выработать четкую теорию, определяющую черты хозяйственного и управленческого уклада общества при переходе от диктатуры пролетариата к социализму, и при развитии последнего с учетом новейших достижений науки и техники. Важной теоретической наработкой должно стать составление и тщательная проработка теории малокровной революции.

Нельзя не отметить стоящую крайне остро проблему подготовки теоретически подкованных кадров, которая проявляется в том числе и у самих членов «Союза марксистов». Кадры решают все.

Таким образом, мы выяснили, что, несмотря на все трудности и временный упадок, марксизм имеет тенденцию к распространению среди широких масс. Все большее количество трудящихся отходят от официальных партий, примыкая к новорожденным движениям. В связи с продолжающимся ухудшением положения трудящихся масс и общемировым кризисом империализма, в ближайшем, скорее всего, будет заметно продолжение роста заинтересованности марксизмом, укрупнение и укрепление старых организаций и создание новых, их объединение. Несмотря на субъективные факторы, образование рабочего движения есть процесс во многом объективный, не зависящий от воли отдельных лиц, но подверженный законам общественно-экономического развития. В такой обстановке единая сила, представляющая интересы трудящихся, должна будет сыграть направляющую роль, войти в борьбу готовой, с учетом всех обозначенных выше задач.

Литература

1. Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33 // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1967.
2. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР / Иосиф Сталин. – М.: Государственное издание политической литературы, 1952.
3. Актуальные проблемы истории Донбасса: сборник материалов Второй научной конференции историков ДНР. – Донецк, 2019. – С. 113-120.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. Лит., 1987. – 48 с.
5. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс: The Precariat: The New Dangerous Class / пер. с англ. Н. Усовой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с. (Совместная издательская программа с Музеем «Гараж»).
6. Тощенко, Жан Терентьевич. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3-15.
7. Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 3. Принципы коммунизма / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Издательство политической литературы, 1985. – С. 122.

НАШИ АВТОРЫ

- Бирюкова М.С.** *начальник учебно-методического центра ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Бондарчук А.В.** *доктор экономических наук, начальник кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Бугаев В.И.** *кандидат философских наук, доцент кафедры диалектики и проектных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»*
- Викторов Д.А.** *студент 1 курса 144 группы ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Волкова Г.И.** *старший преподаватель кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Габриелова Ю.В.** *преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Горбатюк Л.Н.** *старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Даренская В.Н.** *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет имени Т. Шевченко»*
- Дворцевая А.В.** *кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Емельянов А.А.** *старший преподаватель кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*
- Ененко К.Б.** *дежурный-комендант отдела организации службы ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»*

- Енна О.А.** заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Жидкова Е.С.** доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Иосифов Ю.А.** председатель цикловой комиссии профессиональной подготовки по социально-правовым специальностям Луганского колледжа строительства, экономики и права
- Карабут Л.В.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»
- Ковалева Е.В.** кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Кравцов А.С.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Кривуля Р.Е.** преподаватель кафедры профессионального мастерства, дизайна имиджа и стиля ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет имени Т. Шевченко»
- Лазор И.В.** кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»
- Левченко А.И.** кандидат юридических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Мазаненко О.М.** кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОУК «Луганская академия культуры и искусств имени М. Матусовского», докторант
- Медведчук А.А.** преподаватель кафедры теории и истории государства и права ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»

- Меженская С.И.** кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Олейник Н.А.** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Павлюков В.В.** заместитель начальника центра – начальник отдела планирования учебного процесса учебно-методического центра ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Пантыкина Н.И.** старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
- Пилавов Г.Ш.** ассистент кафедры философии ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»
- Попов С.В.** кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры специальной физической и огневой подготовки ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Розум М.Ю.** аспирант ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
- Саенко С.И.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Серебряк В.В.** кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры тактико-специальной подготовки ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Стрельникова Н.И.** ассистент кафедры философии ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»
- Фомин П.П.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»
- Чевычалова С.В.** кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
- Шовкопляс Е.Е.** студентка 241 группы ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко»

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

ОФОРМЛЕНИЕ И ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В «ВЕСТНИК ЛУГАНСКОЙ АКАДЕМИИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИМЕНИ Э.А. ДИДОРЕНКО»

Основной целью журнала «Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко» является содействие повышению качества подготовки специалистов для правоохранительных органов.

Статьи принимаются объемом от 8 до 14 страниц (формат А 4; шрифт – Times New Roman; размер основного текста 14, сноски 12; межстрочный интервал – 1,5). Статьи предоставляются в электронном и печатном видах.

Автор должен указать в статье универсальный код (УДК) по разделам номенклатуры научных специальностей.

Заголовок статьи должен состоять из названия статьи (на русском и английском языках) и персональных данных автора (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, контактный телефон).

Статья должна быть снабжена аннотацией (рефератом), объем которой не превышает 500 знаков, и ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5-7). При составлении аннотации (реферата) рекомендуется следовать положениям ГОСТ 7.9-95 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация».

Иностраный текст и отдельные иностранные слова должны быть сверены с оригиналом.

Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1.-2003 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Для лиц, не имеющих научной степени, требуется рецензия лица, имеющего научную степень и/или ученое звание по специальности, соответствующей предмету исследования или выписка из протокола заседания соответствующей кафедры (лаборатории) с рекомендацией статьи к печати в открытом доступе, заверенная печатью учебного (научно-исследовательского) заведения.

**При использовании литературных источников
нужно указывать:**

- а) для журналов – фамилия, имя, отчество автора статьи, ее название, наименование журнала, год издания, номер, страницы;
б) для книг - фамилия, имя, отчество автора, название книги, город, где книга издана, название издательства, год издания, страницы.

1. Все библиографические элементы из иностранных источников нужно подавать только на языке оригинала.
2. При ссылке на законодательный акт необходимо в сноске дать полное официальное название и указать источник, где он опубликован.

Наш принцип:

1. Ответственность за научное содержание статей, достоверность фактов и точность ссылок ложится на авторов.
2. Редакционная коллегия имеет право сокращать текст статьи и вносить редакционные изменения.
3. Оценку актуальности представленных статей и содержания «Вестника Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко» проводит редакционная коллегия. Каждая полученная статья проходит обязательное внутреннее, а в случае необходимости – и внешнее рецензирование.
4. Рукописи редакцией не возвращаются.
5. При не выполнении перечисленных правил подготовки и представления рукописей редакция оставляет за собой право не рассматривать их.

Электронный адрес: vestnik_LAVD@mail.ru

Приглашаем к сотрудничеству всех желающих.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Левченков А.И. О некоторых специфических функциях права и государства в нестабильных социумах.....	3
Бирюкова М.С. Социально-правовая характеристика маргинальности.....	16
Габриелова Ю.В. К вопросу определения общетеоретического понятия «юридическая ошибка».....	25
Горбатюк Л.Н. Истоки «федерализма» в Украине.....	32

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО, ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРАВА

Бондарчук А.В. Публично-правовое регулирование экономическим развитием Луганской Народной Республики.....	43
Меженская С.И., Волкова Г.И. Аналитическая деятельность как инструмент обеспечения финансовой безопасности предприятия.....	50
Жидкова Е.С., Шовкопляс Е.Е. Защита прав потребителей в договорных отношениях.....	57
Карабут Л.В. Принципы процессуально-трудового производства и их место в отечественном законодательстве.....	68
Лазор И.В. Правовые гарантии исполнения коллективного договора: пути совершенствования.....	77
Емельянов А.А. Механизмы устранения и преодоления юридических коллизий.....	86

Раздел III. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Фомин П.П., Кравцов А.С. Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от совершения преступления.....	95
---	----

Олейник Н.А., Медведчук А.А. Некоторые особенности проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ	102
Павлюков В.В., Ененко К.Б., Саенко С.И. Использование оружия, современных технических и специальных средств в деятельности полиции ЛНР: от реалий к новым возможностям	113

Раздел IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Серебряк В.В., Попов С.В. Использование современных стрелковых тренажеров в процессе огневой подготовки сотрудников полиции	121
Дворцевая А.В. Психолого-педагогические аспекты профессиональной деятельности юриста	126
Бугаев В.И. Педагогическая система цветовосприятия русского искусства конца XIX – первой половины XX века	134
Чевычалова С.В., Пантыкина Н.И. Критерии диагностики готовности будущих учителей иностранных языков к использованию арт-технологий в профессиональной деятельности	143
Енна О.А., Иосифов Ю.А. Сущность специальной операции по ликвидации диверсионно-разведывательных формирований противника	152

Раздел V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКИХ НАУК

Ковалева Е.В. Принцип справедливости как философско-правовой феномен	159
Мазаненко О.М. Эстетико-психологический анализ интуитивности творческого сознания	164
Даренская В.Н. «Религиозная ситуация» (М. Бубер) в структуре человеческой экзистенции	177
Кривуля Р.Е. Духовно-политическое становление современной России	188
Стрельникова Н.И. Актуальность философии И.А. Ильина в преподавании русской истории и культуры	199

Пилавов Г.Ш. Эпоха российского просвещения
в работе Г. Шпета «Очерки русской философии» 210

Раздел VI. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Розум М.Ю. Изучение сущности и трактовок понятия
«профессионализация» в психолого-педагогическом знании 220

Викторов Д.А. Марксизм в XXI веке:
проблемы, тенденции и задачи 230

НАШИ АВТОРЫ 240

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ 243

Научное издание

ВЕСТНИК
Луганской академии
внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко

Научно-практический журнал

Выпуск № 1 (8)

Под редакцией авторов
Ответственный за выпуск *А.И. Левченко*
Компьютерная верстка *О.В. Васильева*

Подписано в печать 26.06.2019
Формат 60x84⁸⁴/16 Усл. печ. лист. 14,415.
Тираж 100 экз. Зак. №

Отпечатано с готового оригинала-макета
в ООО «Пресс-экспресс» 91034, г. Луганск,
ул. Ватутина, 89а. Тел.: (0642) 50-08-43.